6.VIII

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLI-й. АВГУСТЪ. 1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г. г.** Е. А. Рагозиной. . . . 191—202

II. **Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго.** И. П. Козловскаго. . . 203—219

III. **На могилѣ Батюшкова.** (Очеркъ) Г. Добрякова. 223—226

IV. **Изъ разсказовъ дѣдушки.** А. К. . . . . 227—236

V. **Мои воспоминанія.** П. А. Пивина. . . . . 237—239

VI. **Страничка изъ исторіи бѣлорусскаго духовенства.** (Воспоминанія о протоіереѣ Павлѣ Ивановичѣ Круковскомъ). Адр. Круковскаго. . . . . 240—245

VII. **Изъ недавняго прошлаго.** (Бытовые очерки). . 246—266

VIII. **Изъ давно прошедшаго.** (1876 — 1879). Л. Богаевскаго. . . . . 267—280

IX. **Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в.** Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. Сообщ. А. Чебышевъ. 281—287

X. **Парижскія воспоминанія.** Алексѣя Плетнева. 288—292

XI. **Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера** . . . . . 293—340

XII. **Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей (1806 — 1812 г.г.).** Сообщ. Е. Каменскій. . 341—361

XIII. **Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3 Февраля по 18 мая 1910 г.** . . 362—380

XIV. **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**

а) **Къ исторіи русскихъ суевѣрій.** (Челобитная 1685 г.). . . . . 220—222

XV. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

25330
19 Б.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва п. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.

1910.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1910 года.

Библіографическій листокъ.

Труды Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго общества. Т. I—IV. Спб. 1909 г.

Въ I-мъ и III-мъ томахъ напечатаны интересные матеріалы, относящіеся до Сѣверной войны и извлеченные изъ отечественныхъ столичныхъ и провинціальныхъ архивовъ, а также изъ архивовъ Стокгольма и Вѣны, при чемъ I-й томъ касается событій въ іюлѣ и октябрѣ 1708 г., а томъ III-й—событій съ ноября 1708 г. включительно по іюль 1709 г. Среди документовъ перваго тома особенно интересны: собственноручное письмо Петра I отъ 8-го августа 1708 г. къ Мазепѣ, съ указаніями о характерѣ дѣйствій противъ шведовъ, а также письма Шереметева къ Петру I, письма Шереметева, князя Волконскаго, Ифланда, Бауера и коменданта Полтавы Келена къ Меньшикову.

„Переписка Меньшикова за этотъ періодъ ярко рисуетъ внутренній порядокъ въ арміи, ея дисциплину, ея бытовую сторону. Письма Шереметева къ Меньшикову выясняютъ особую заботливость Шереметева о ввѣренныхъ ему войскахъ. Ясно становится также, что всѣмъ движеніемъ арміи отъ Головчина и дальше, несмотря на то, что при арміи находится Шереметевъ, въ качествѣ главнокомандующаго, руководитъ самъ царь Петръ, который уже въ половинѣ августа предвидитъ возможное движеніе шведовъ въ Украйну, считая также возможнымъ движеніе ихъ на Смоленскъ. Соотвѣтственно съ этимъ, Петръ и ведетъ армію такъ, чтобы въ каждую минуту быть готовымъ идти туда или сюда, при чемъ выполняетъ это поистинѣ геніально“.

Документы, извлеченные изъ Вѣнскаго архива, найдены тамъ въ бумагахъ принца Евгенія и содержатъ переписку лицъ дипломатическаго корпуса о ходѣ Сѣверной войны.

Среди документовъ III тома особеннаго вниманія заслуживаютъ письма Петра къ Меньшикову. Въ этихъ письмахъ отчетливо выясняется, какъ высоко цѣнилъ Петръ Меньшикова. Царь всегда высказываетъ пожеланія посовѣтоваться съ нимъ по самымъ разнообразнымъ дѣламъ, относится неизмѣнно съ любовью и лаской къ этому даровитому птенцу гнѣзда Петрова.

Ко всѣмъ прочимъ своимъ сотрудникамъ Петръ относится доброжелательно и съ лаской, совсѣмъ не по теперешнему, модному, обращенію нѣкоторыхъ высшихъ начальниковъ. Изъ переписки другихъ лицъ съ Меньшиковымъ обнаруживается ихъ особо почтительное къ нему отношеніе.

Очень интересны письма Шереметева, Меньщикова, Брюса, Ренне, Ифланда, князя Репнина, князя Григорія Волконскаго и князя Дмитрія Голицына и „Дневникъ пребыванія царя въ Воронежѣ“. Относительно всей полтавской операціи документомъ самаго высокаго историческаго интереса является „Дневникъ военныхъ дѣйствій Полтавскаго сраженія“, содержащій въ себѣ описаніе дѣйствій съ 1-го апрѣля по 30-е іюля 1709 года. „Дневникъ“ этотъ извлеченъ изъ архива Академіи Наукъ. Относительно общей оцѣнки этихъ документовъ нельзя не согласиться съ общимъ заключеніемъ автора предисловія къ этимъ томамъ: „Нельзя не сказать, что ознакомленіе съ разсматриваемыми документами заставляетъ поражаться могучею личностью Великаго Петра. Можно только удивляться геніальнымъ соображеніямъ Петра, его умѣнью распознавать обстановку за нѣсколько сотъ верстъ, правильно оцѣнивать ее и принимать въ высшей степени простыя, но чрезвычайно мудрыя рѣшенія. На-ряду съ этимъ обнаруживается громадная, гигантская неустанная работа геніальнаго царя. Всѣ обращаются къ нему съ массой вопросовъ—и важныхъ по части оперативной, и мелкихъ по части хозяйственной—и Великаго Петра на все хватаетъ“. II-й и IV-й томы содержатъ историческія изслѣдованія Н. Л. Юнакова. Во II-мъ томѣ излагаются военныя дѣйствія на лѣвомъ берегу Днѣпра, а въ IV томѣ—самая полтавская операція.

Въ II и IV томахъ талантливымъ Н. Л. Юнаковымъ самымъ обстоятельнымъ и блестящимъ образомъ изложена подготовка къ Полтавѣ и самая Полтава. Самая Полтавская операція излагается молодымъ историкомъ въ совершенно новомъ освѣщеніи благодаря „Дневнику военныхъ дѣйствій“ подъ Полтавой. Дневникъ этотъ по разслѣдованію г. Юнакова представляетъ копію съ журнала, веденнаго Полтавскимъ комендантомъ Келеномъ.

Мудрая политика Великаго Петра создала прекрасную политическую подготовку къ Полтавѣ, — гдѣ помощи шведамъ не было никѣмъ оказано; Польшу удержало отъ шведскаго союза посольство думнаго дьяка Украинцева, а Турцію и крымскихъ татаръ грандіозныя, демонстративныя приготовленія Царя къ морскому походу въ Царьградъ, постройка флота въ Воронежѣ и спускъ его въ Азовское море. Подавленіе Булавинскаго бунта на Дону и разгромъ Запорожской Сѣчи—лишили возможности подать имъ руку помощи шведамъ. Такимъ образомъ была завершена политическая подготовка и все дѣло должно было рѣшить правильное веденіе дѣла согласно принципамъ стратегіи. И тутъ съ поразительнымъ искусствомъ молодой историкъ рисуетъ шагъ за шагомъ интересныя картины, какъ избалованный прежними побѣдами партизанъ полководецъ Карлъ XII, мало признававшій принципы стратегіи, вполнѣ подчиняется геніальной волѣ Петра. Карлъ XII имѣетъ всѣ боевые запасы при себѣ и довольствуется средствами края.—Петръ не даетъ ему этихъ средствъ, уничтожая запасы конницею, а при наступленіи шведовъ все населеніе должно было укрывать запасы и ихъ уничтожать. Отъ Могилева

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, **„Русская Старина“**, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга.** — „Переписка Карла IX съ самозванцами“.—„Поѣздка въ Самборъ“. **П. М. Ковалевскаго.**—„Встрѣча на жизненномъ пути.—„Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“. Воспоминанія **И. И. Янжула.** „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисѣева, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Делянова, Боголѣпова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **Ѳ. Г. Тернера,** при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламанскаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой. М. В. Безобразовой**—„Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **Барона А. Э. Штромберга**—„Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова**—„Объ ученическихъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храневичъ**—„Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка“. **А. Г. Полянская**—„Къ біографіи Л. А. Мея.“—„Письма П. И. Чайковскаго къ И. А. Мельникову“. **А. А. Чебышева**—„Письма П. А. Катенина И. А. Бахтину“. **М. И. Кіановскій**—„Дневникъ министра финансовъ графа Канкрина“. **Н. К. Полевой**—Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи. **Е. А. Разгозиной**—„Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.“ **Ю. Д. Татищевъ**—„Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Синюхаевъ**—„Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н—ъ**—„ Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Колюбакинъ**—„Воспоминанія графа Венкендорфа“. О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій**—„Записки гр. Ланжерона 1812 г.—Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей“. **Е. К. Андреевскій** — „Драгомировъ въ Главной Квартирѣ Прусской Арміи въ кампанію 1866 г.“. **В. Ф. Рудневъ**—„На крейсерѣ „Африка“. **В. И. Шереметевскій**—„Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова**—„Генералъ Моро въ русскихъ войскахъ“. Воспоминанія Д. Сангленa, Леваковскаго, Семенова и др. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Спб. 05

Инв. №2150.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XXVIII [1]).

Мы вышли на подъѣздъ бани и узнали, что по распоряженію Кіамиль-паши лошадей вернули обратно, а за нами прислали осѣдланныхъ муловъ съ евнухами.

На смѣну яркому, солнечному дню спустилась безлунная, суровая ночь и скрыла все подъ чернымъ покровомъ мрака. Былъ теменъ также и куполъ небесный, окутанный грядами дымящихся тучъ, и только зарницы, предвѣщая наступленіе грозы, молча играли по краямъ горизонта.

При сказанныхъ условіяхъ ѣзда по скверной мостовой неосвѣщенныхъ улицъ оказалась не изъ пріятныхъ: животныя спотыкались, ревѣли и били задними ногами, такъ что справиться съ ними, даже погонщикамъ, было очень трудно; но, преодолѣвъ всѣ препятствія, мы благополучно прибыли въ отдаленную отъ центра лѣтнюю резиденцію губернатора.

Меня пригласили наверхъ, въ гаремъ. Туда явился и самъ Кіамиль-паша, веселый, довольный и въ чрезвычайно изысканныхъ, деликатныхъ выраженіяхъ, но не лишенныхъ реторическихъ прикрасъ вычурнаго тона, какъ, вообще, по турецкимъ понятіямъ, долженъ говорить образованный человѣкъ, сообщилъ мнѣ, что прекрасный „Арбалетъ“, вольный сынъ аравійскихъ степей, однимъ словомъ, тотъ самый скакунъ, который удостоился высокой чести нести меня

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1910 г.

на своей спинѣ, уже отосланъ въ нашу конюшню, и что я, такимъ образомъ, могу считать себя его хозяйкой.

На восторженное изумленіе съ моей стороны онъ отвѣтилъ арабской поговоркой, что „по всаднику конь, а конь по всаднику"...

— Слѣдовательно,—пояснилъ онъ,—такъ оно должно быть и такова значитъ воля кесмета.

Когда же я, охваченная радостнымъ волненіемъ, благодарила его, то надо было видѣть этого государственнаго мужа: онъ покраснѣлъ до слезъ и отъ смущенія не зналъ, куда глаза дѣвать, напоминая скорѣй застѣнчивую дѣвицу, чѣмъ грознаго пашу, какимъ считали его христіане со временъ Алешской рѣзни.

Съ милой улыбкой онъ сталъ увѣрять, что никогда не былъ такъ счастливъ, какъ сейчасъ, и въ заключеніе выразилъ надежду, что я съ благословенія Аллаха не перестану полнѣть и полнѣть до безконечности. На этотъ разъ я не обидѣлась, зная уже настоящій смыслъ сказаннаго пожеланія. Вдругъ какая-то неясная догадка мелькнула на мигъ, и воображеніе мое понеслось навстрѣчу чему-то загадочному.

— По какимъ собственно побужденіямъ,—думалось невольно,—обремененный долгами Кіамиль-паша предложилъ мнѣ такъ дорого стоющій даже тамъ, на Востокѣ, подарокъ?

И дѣйствительно: со временемъ оказалось, что все это было устроено не имъ, а моимъ негласнымъ поклонникомъ.

Дамы принялись упрашивать меня остаться ночевать; но я, сообразивъ, что имъ просто хотѣлось допекать меня сватовствомъ за бея, поспѣшила уклониться отъ приглашенія, сославшись на родныхъ, отъ которыхъ не имѣлось на то согласія. Тогда былъ возбужденъ вопросъ, что̀ подать мнѣ подъ верхъ: лошадь, мула или осла? Но послѣднее не годилось въ данномъ случаѣ, а потому я попросила нанять для меня солдата изъ губернаторской казармы и отправиться съ нимъ пѣшкомъ.

Къ такому упрощенному способу передвиженія часто прибѣгали обыватели страны, гдѣ нѣтъ ни экипажей, ни дорогъ, и что̀ весьма охотно разрѣшалось властями ради посторонняго заработка на пропитаніе нижнимъ чинамъ, не получавшимъ по нѣсколько мѣсяцевъ въ году жалованья отъ разоренной казны. Но любезный хозяинъ и слышать не хотѣлъ о платѣ, а самолично приказалъ двумъ заптье изъ собственнаго караула сопровождать и охранять меня.

Путешествуя съ ними сперва по изрытымъ тропинкамъ въ долинахъ, а затѣмъ пробираясь черезъ предмѣстье съ его узенькими, какъ щели, проулочками, гдѣ мудрено было идти, не задѣвая стѣнъ боками, я смѣялась въ душѣ, воображая, что̀ сказали бы у насъ

въ Россіи, если бъ могли сейчасъ видѣть меня оттуда, блуждающую въ непроницаемой тьмѣ по глухой мѣстности и конвоируемую турецкими солдатами, о звѣрствахъ которыхъ во всѣхъ газетахъ міра сообщались тогда ужаснѣйшія вещи.

А между тѣмъ, страшные люди эти, съ ятаганами за поясомъ, проявили столько вниманія и заботъ, что я почти не замѣчала неудобствъ пути. Больше ползкомъ, чѣмъ на ногахъ, двигались они впередъ, ежеминутно склоняясь къ землѣ, чтобы видѣть всѣ неровности почвы, предостерегая и слѣдя за каждымъ моимъ шагомъ.

Наконецъ, мы выбрались на широкій бульваръ и вскорѣ пришли къ нашему парадному ходу, ярко освѣщенному фонарями.

Здѣсь я раздала своимъ кавалерамъ по два меджидіе каждому, чѣмъ несказанно обрадовала и удивила ихъ: такого щедраго вознагражденія они никакъ не ожидали, такъ какъ разсчетливые аборигены платили въ тѣхъ же случаяхъ всего нѣсколько піастровъ.

Отъ избытка чувствъ оба преклонили колѣна и, призывая благословеніе Аллаха, нѣжно расцѣловали—да не подумаетъ читатель, что руки мои, нѣтъ! а собственныя ладони, выражая этимъ, по ихъ понятіямъ, наивысшій знакъ благоволенія и преданности.

Затѣмъ, сохраняя на лицахъ торжественно серьезный видъ, они взяли ружья на плечо и отдали не подобающую моей особѣ воинскую честь.

Отъ родныхъ мнѣ досталось за опозданіе. Тогда я правдиво разсказала имъ все, что слышала отъ Элиме; но, какъ оказалось, не сообщила ничего новаго.

Они переглянулись между собой и послѣ нѣкотораго колебанія сознались, что имъ уже извѣстно о намѣреніяхъ Тафти-бея.

Тутъ вспомнила я кстати Мидхатъ-пашу, который съ перваго же дня нашего знакомства не разъ смущалъ меня какими-то странными намеками, и я поняла, что дѣло уже пущено въ ходъ.

— Удивительно! — философствовала я, — какъ можетъ мужчина полюбить женщину, съ которою онъ не обмолвился еще ни единымъ словомъ?

— И удивляться-то нечему здѣсь, — перебилъ дядя. — Развѣ у насъ не бываетъ того же? Я самъ влюбился въ свою жену съ перваго момента нашей встрѣчи. Именно такой характеръ внезапнаго увлеченія—совершенно въ духѣ пылкаго темперамента азіата. Вотъ „ухаживать“ въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ, не въ нравахъ мусульманина и считается имъ униженіемъ мужского достоинства обнаруживать при людяхъ свои чувства.

Однимъ словомъ, онъ сказалъ то же самое, что и дочь губернатора.

— Какъ? Неужели бей не потрудится даже узнать о моихъ личныхъ взглядахъ и чувствахъ къ нему?—спросила я съ негодованіемъ.

— Ну, едва-ли поклонникъ твой задается подобными вопросами,—разсмѣялась Магіе. — Турецкіе браки заключаются обыкновенно черезъ посредниковъ, которые и ведутъ переговоры между родственниками жениха и невѣсты. Несомнѣнно, что и онъ слѣдуетъ по тому же пути и надѣется при содѣйствіи Кіамиль-паши и его дамъ заручиться нашимъ согласіемъ, а о любви у нихъ говорятъ потомъ, когда обвѣнчаются.

И она въ интересной формѣ повѣствованія изобразила предомной бытовую картинку магометанскаго бракосочетанія. Оказалось, что таинство это совершается въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ домъ невѣсты является мулла и пишетъ при свидѣтеляхъ условіе на извѣстную сумму денегъ, которую она имѣетъ право получить отъ мужа въ случаѣ развода или вдовства, а затѣмъ читается краткая молитва — и дѣло считается законченнымъ. Послѣ религіознаго обряда начинаются увеселенія съ музыкой и обильнымъ угощеніемъ гостей.

Согласно традиціонному уставу, сказанное событіе празднуется цѣлую недѣлю, въ теченіе которой обвѣнчанные не видятся совсѣмъ: молодая проводитъ время съ подругами у себя, а женихъ пируетъ въ обществѣ мужчинъ.

На восьмой день отецъ приходитъ въ гаремъ, даетъ полезные совѣты, благословляетъ дочь и опоясываетъ ея станъ шелковымъ поясомъ.

Затѣмъ новобрачную везутъ въ домъ мужа; но, по требованію этикета, она должна при этомъ горько плакать, жаловаться и сопротивляться, даже въ томъ случаѣ, если новобрачный очень нравится ей.

Наконецъ, молодую водворяютъ на новое мѣстожительство и оставляютъ одну. Тогда въ комнату къ ней приходитъ супругъ, молча срываетъ съ ея лица густое покрывало и, такимъ образомъ, впервые созерцаетъ красоту своей жены.

Съ этого знаменательнаго момента разрѣшается сколько угодно толковать о любви и о чемъ угодно. Такая же точно церемонія во всей ея точности обязательна и для иностранки, вышедшей замужъ за турка.

Меня ужасно насмѣшила мысль представить себя въ столь забавной и нелѣпой роли, такъ какъ Тафти-бей уже имѣлъ опредѣленное понятіе о моей наружности; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, огорченная слышаннымъ, я съ удивленіемъ спросила: — Развѣ образован-

ные турки также раздѣляютъ устарѣвшіе взгляды невѣжественныхъ людей?

Тогда собесѣдники мои сослались на убѣдительный примѣръ въ лицѣ высоко просвѣщеннаго Мидхатъ-паши, съ прочно установившейся за нимъ репутаціей самаго передового дѣятеля въ мусульманскомъ мірѣ и который, тѣмъ не менѣе, остался все тѣмъ же питомцемъ гарема, какъ и охранители древняго порядка жизни, а, слѣдовательно, по словамъ ихъ, не имѣлось ни малѣйшаго основанія ожидать чего-либо иного и отъ красиваго адъютанта.

Впослѣдствіи я самолично убѣдилась, что такъ оно и было въ дѣйствительности и что, вообще, нельзя судить о восточномъ народѣ по западнымъ идеаламъ. Въ тѣ времена, о которыхъ идетъ рѣчь (а можетъ быть, и сейчасъ то же самое—не знаю), наблюдалась въ высшемъ турецкомъ обществѣ такая удивительная аномалія вещей. Какъ извѣстно читателю, состоятельные турки ѣздятъ обыкновенно для окончанія курса высшихъ наукъ въ главныя столицы Европы.

Вернувшись оттуда съ порядочнымъ запасомъ знаній, они очень скоро дѣлаютъ карьеру и такимъ образомъ пріобрѣтаютъ извѣстное вліяніе въ правящихъ сферахъ имперіи, да и сами чрезвычайно быстро двигаются по лѣстницѣ высшихъ ранговъ.

Вотъ тогда-то новоиспеченные джентльмены и начинаютъ удивлять міръ необыкновенной двойственностью въ словахъ и дѣйствіяхъ своихъ.

Извѣстный Рушди-паша, задушевный другъ Мидхата, съ которымъ онъ вмѣстѣ писалъ конституцію, въ бытность свою садразамомъ [1]) при Абдулъ-Азисѣ, имѣлъ обыкновеніе,—какъ разсказывали его же подчиненные—на донесенія изъ провинцій о рѣзнѣ христіанъ отвѣчать такой забавной шуткой: „Почему и піявкамъ не дѣлать отъ времени до времени легкихъ кровопусканій—даже полезно для здоровья“.

Мнѣ кажется, что приведенный примѣръ лучше всякихъ разсужденій поясняетъ вышесказанное.

Кокетничая съ прессой и усердно либеральничая передъ дипломатами, просвѣщенные господа эти, ради популярности только, дѣлали весьма вредныя для себя же уступки, что не мѣшало имъ одновременно проклинать и ненавидѣть „благодѣтелей“ своего народа.

Зато въ дѣлахъ повседневной жизни и домашняго обихода они оставались всегда вѣрны завѣтамъ и традиціямъ Ислама, а къ

[1]) Великій визирь.

женщинѣ предъявляли еще болѣе суровыя требованія, чѣмъ до поѣздки за границу.

Однажды Мидхатъ-паша на вопросъ мой: за что, собственно, считаютъ его убѣжденнымъ поклонникомъ Европы, тогда какъ онъ и не думаетъ скрывать ненависти своей къ цивилизаторамъ, отвѣтилъ мнѣ аллегоріей въ магометанскомъ стилѣ.

— Будемъ говорить о добромъ пріятелѣ,—такъ началъ онъ,—который отъ избытка благорасположенія взялъ да и заковалъ мои ноги въ тяжелыя цѣпи, положимъ, что изъ золота высокой пробы—съ горькой усмѣшкой вставилъ либеральный сановникъ,—скажите, возможно ли при данныхъ условіяхъ чувствовать себя свободнымъ въ движеніяхъ? Нѣтъ, конечно!

А между тѣмъ тиски давятъ и жмутъ!

Драгоцѣнный другъ, умоляю я, пусти—мнѣ недосугъ: дома и виноградникъ не убранъ, и овцы не стрижены—все прахомъ пойдетъ! Ну, нѣтъ! отвѣчаетъ доброжелатель,—сиди, коли попался, а по хозяйству я самъ управлюсь. Что тутъ дѣлать?

Добрые люди, кричу я, позовите кузнеца! Но такового не оказалось. Наберись терпѣнія, утѣшаютъ сосѣди — скоро заведемъ собственнаго мастера кузнечныхъ дѣлъ, а тогда не только тебя освободимъ, но и кесметъ свой будемъ сами ковать...

И вотъ, какъ видите, пока только учимся, а до экзаменовъ еще далеко!..

Такими словами закончилъ свою сказочку европеецъ-паша и продолжалъ со смѣхомъ:

— Что же касается вопроса насчетъ „женской эмансипаціи“, о чемъ мы, кажется, не разъ съ вами спорили, то здѣсь уже совсѣмъ не то, и откровенно говоря, намъ просто не желательно имѣть женъ и дочерей, просвѣщенныхъ западной моралью.

Если разбойникъ покажетъ мнѣ ножъ, то я отдамъ ему кошелекъ и верхнее платье, но постараюсь сохранить рубашку на тѣлѣ—не такъ ли?

Вотъ дословный переводъ собственныхъ его выраженій, записанныхъ мною тогда же въ дневникъ.

А черезъ годъ послѣ сказаннаго убѣжденный исламитъ этотъ заставилъ Абдулъ-Гамида подписать о равноправіи тѣхъ, кого онъ такъ страстно ненавидѣлъ...

Изумительное противорѣчіе! И какъ понять тутъ загадочную натуру восточнаго человѣка со всѣми изгибами его души?

— Дорогая тетя!—обратилась я къ Магіе съ намѣреніемъ сбить ее съ позиціи,—вы сами разсказывали мнѣ о нѣкоторыхъ удачныхъ бракахъ христіанокъ съ турками, такъ почему же и намъ съ Тафти-

беемъ не обвѣнчаться, разъ мы нравимся другъ другу? Тогда она съ горячностью возразила, что тамъ были совершенно другія условія, а главное—другіе законы, и указала на тѣ препятствія, которыя неизбѣжно возникли бы въ данномъ случаѣ, какъ со стороны православной церкви, такъ и дипломатіи русской. Затѣмъ тетушка моя съ превеликимъ усердіемъ принялась расписывать въ мрачныхъ краскахъ неприглядныя картины гаремнаго быта и, въ концѣ-концовъ, задала мнѣ очень мудреную задачу: немедленно выкинуть изъ головы плѣнительный образъ красавца.

На этомъ и закончилась бесѣда наша о впечатлѣніяхъ минувшаго дня.

Всѣ доводы благоразумія показались мнѣ малоубѣдительными, такъ какъ я еще не успѣла освободиться отъ очарованія, навѣяннаго разговорами въ банѣ. Огорченная полученнымъ отпоромъ, я невольно вспомнила о Мидхатъ-пашѣ, который, — по словамъ Элиме, — могъ бы все устроить, и тайно приняла рѣшеніе обратиться къ нему за совѣтомъ и содѣйствіемъ.

Глава XXIX.

Наступилъ душный октябрь послѣ прохладнаго, какъ всегда, лѣта въ Хіосѣ. Въ теченіе осеннихъ мѣсяцевъ съ особенной силой дуетъ знойный сирокко и волнуетъ море крупной зыбью. Приближалась также и пора періодическихъ землетрясеній, разрушавшихъ нерѣдко цвѣтущіе уголки классическаго Архипелага, всѣ острова котораго расположены на вулканическомъ кольцѣ и потому всегда отражаютъ въ своихъ нѣдрахъ толчки при изверженіяхъ Везувія или Этны.

Грозныя явленія эти всегда проявляются весною и позднею осенью. Сотрясеніе почвы имѣетъ при этомъ двоякій характеръ: по горизонтальному или вертикальному направленію. Въ первомъ случаѣ, все обходилось довольно благополучно, вслѣдствіе того, что постройки возводятся тамъ изъ легкаго, пористаго камня, который даетъ имъ извѣстную упругость и устойчивость. Бывало, въ самый неожиданный моментъ, вдругъ что-то дрогнетъ, загрохочетъ и пойдетъ ходуномъ передъ глазами, какъ на палубѣ парохода во время шторма, и кажется тогда, что рушится потолокъ, а домъ распадается на части. Но проходилъ моментъ, и опять водворялась тишина до новой встряски.

Совсѣмъ другое было дѣло, когда вулканическое воздѣйствіе изъ Италіи начиналось вертикальными толчками, то, конечно, въ по-

добныхъ случаяхъ зданія разрушались, и земная кора давала глубокія трещины.

Замѣтивъ опасные симптомы надвигающейся катастрофы, всѣ мы, городскіе обыватели, немедленно грузили багажъ на спины ословъ и муловъ и уходили подальше отъ береговъ въ долины, гдѣ раскидывали палатки и жили въ нихъ, тревожно выжидая финала подземной трагедіи.

А такъ какъ колебаніе почвы совсѣмъ незамѣтно внѣ стѣнъ жилищъ, то слѣдить за ходомъ пертурбацій въ царствѣ Плутона возможно было лишь, наблюдая движеніе воды въ стеклянной посудѣ.

Душный сезонъ продолжался. Сѣверный вѣтеръ спадалъ, и Сахара дышала, какъ раскаленная печь.

Тоска опять захватила меня въ свои жестокія объятія и наступило разочарованіе.

Какъ вдругъ мелькнула надежда на что-то болѣе интересное, чѣмъ скучное до одуренія мѣстное общество.

Однажды, вернувшійся съ пришедшаго на рейдъ парохода, дядя сообщилъ чрезвычайно пріятную для меня новость;

— Marie,—обратился онъ къ женѣ,—завтра жди гостей: къ намъ ѣдутъ изъ Смирны Чарли Фишеръ съ сестрой, Джони Аткинсонъ и, взглянувъ въ мою сторону, съ улыбкой продолжалъ: — а также въ нѣкоторой степени и землякъ нашей племянницы, Августъ Жаба.

— Какая „жаба“? Кто „жаба“?—не поняла я.

— Во всякомъ случаѣ не изъ болота и не изъ породы лягушекъ,—расхохотался дядя,—впрочемъ, ты сама въ этомъ убѣдишься.

На дальнѣйшіе мои разспросы, онъ отвѣчалъ, что ожидаемый господинъ, съ такой некрасивой для русскаго уха кличкой, сынъ польскаго эмигранта, который еще юношей, вѣроятно, по причинамъ политическаго свойства, навсегда переселился въ Смирну, гдѣ и женился на мѣстной уроженкѣ, и что настоящая фамилія его „Дзаба“, но иностранцы передѣлали ее въ „Жаба“.

— А какъ же мнѣ-то звать его?—спросила я,—по имени и отчеству или паномъ Дзабой? Я русская, и не обязана, въ угоду левантинцамъ, коверкать славянскую фамилію.

— И напрасно!—возразила Marie,—только насмѣшишь его—вотъ и все! Человѣкъ отъ рожденія привыкъ къ извѣстному прозвищу, и вдругъ такое, ни на чемъ не основанное, нововведеніе.

— Но вѣдь знаетъ же онъ, что̀ означаетъ это противное слово въ переводѣ на нашъ языкъ, и ему можетъ показаться...

— Тебѣ-то какое дѣло, что̀ онъ подумаетъ, — перебила она, — ты будешь говорить съ нимъ по-французски, а, слѣдовательно, и соотвѣтственно тому называть его, какъ и всѣ, „monsieur Jaba“.

— Магіе права,—вмѣшался дядя,—иначе и нельзя. При этомъ имѣй въ виду, что вся семья Jaba, за исключеніемъ, конечно, старика, не только по-русски, но даже по-польски ничего не понимаетъ—какъ ни странно послѣднее, а такъ ужъ воспитала ее мать француженка.

На слѣдующій день прямо съ парохода явились къ намъ молодые люди. Мой землякъ оказался красивымъ брюнетомъ, съ синими глазами и очень нѣжнымъ цвѣтомъ лица. Чарли Фишеръ, сынъ директора оттоманскаго банка, атлетъ по сложенію, напоминалъ римскаго гладіатора, и сестра его, сухая, костлявая миссъ, жеманно присѣдала и говорила птичьимъ голоскомъ. Наконецъ, послѣдній изъ прибывшей компаніи Джони Аткинсонъ, типичнѣйшее чадо Альбіона, надменно смотрѣлъ и цѣдилъ что-то сквозь сжатые зубы. Всѣ четверо, какъ уроженцы портоваго города, владѣли нѣсколькими нарѣчіями, но чаще всего прибѣгали къ излюбленному „галика“. Привезли они массу новостей, но только по части сплетенъ мѣстнаго характера и, слушая съ утра до вечера ихъ оживленную болтовню, я, хотя и сама молодая дѣвушка, изумлялась отсутствію у нихъ всякаго интереса къ другимъ сторонамъ жизни, и тогда мнѣ пришлось самолично убѣдиться, что тѣ вопросы, которыми живетъ и дышетъ наша русская молодежь, совершенно чужды этой европейской интеллигенціи.

А мы-то воображаемъ, что насъ справедливо называютъ отсталыми варварами и неучами...

Мнѣ было обидно за Августа Дзаба, и невольно думалось, что, родись онъ у насъ, въ Россіи, то, вѣроятно, изъ него получилось бы что-нибудь болѣе содержательное, чѣмъ болтливая кумушка и совершенно невѣжественный человѣкъ.

Какъ-то разговоръ коснулся политики, которая, надо сказать правду, интересовала сказанныхъ господъ не менѣе, чѣмъ дѣла и дѣлишки ближнихъ. Но горячо, обсуждая положеніе вещей на берегахъ Босфора, они обнаружили при этомъ удивительно скудныя познанія въ географіи и этнографіи.

Презрительно улыбаясь, мистеръ Аткинсонъ обратился ко мнѣ съ такими словами:

— Въ газетахъ все толкуютъ о какихъ-то сербахъ, черногорцахъ и прочихъ лилипутахъ—будьте любезны, разъясните намъ, гдѣ собственно живутъ эти обезьяны?

Задѣтая высокомѣрнымъ тономъ британца, я рѣзко отвѣтила ему, что мнѣ не нравятся его выраженія о единокровныхъ намъ славянахъ.

Тогда онъ извинился и объяснилъ, что не имѣлъ до сихъ поръ яснаго представленія о нашемъ племенномъ сродствѣ съ возстав-

шими вассалами падишаха, считая всегда русскую націю помѣсью монголовъ со скиѳами..... И снова попросилъ меня указать ему и товарищамъ точное мѣстожительство славянъ.

Я взяла карту и, такимъ образомъ, волею капризной судьбы, мнѣ пришлось вторично поучать, но уже на этотъ разъ цивилизованныхъ европейцевъ, а не наивныхъ турчанокъ.

Посыпались шутки и остроты въ родѣ слѣдующаго:

— Возможно ли, — хохотали просвѣщенные люди, — изводить столько газетной бумаги и типографскихъ красокъ по поводу суматохи въ этихъ кукольныхъ владѣніяхъ, которыхъ безъ помощи микроскопа и не отыщешь на земномъ шарѣ!..

Однимъ словомъ, повторилось нѣчто, напоминающее первую неудачную мою лекцію о затменіи луны.

На замѣчаніе дяди, что кромѣ траты на чернила дѣло еще можетъ окончиться большой войной, джентльмены съ достоинствомъ возразили, что они вполнѣ уяснили себѣ истинный смыслъ текущихъ событій и прекрасно знаютъ, „чья“ рука выдвинула на міровую арену безпокойный народецъ.

Августъ Жаба авторитетно заявилъ, что Россія, ослабленная Крымской кампаніей, не одолѣетъ оттоманскую армію; британцы подтвердили то же самое и добавили въ назиданіе намъ, что Турція будетъ непобѣдима, потому что сама Англія у нея за спиной.

Въ тѣ времена мнѣ часто приходилось слышать отъ подданныхъ Альбіона столь гордыя рѣчи, что чрезвычайно раздражало меня тогда.

А теперь, вспоминая давно минувшее, я думаю: какъ правы они въ своемъ величавомъ самомнѣніи!.....

Прогостивъ у насъ недѣлю и выгрузивъ весь запасъ сплетенъ и новостей Смирнскаго общества, гости наши уѣхали, обѣщая вскорѣ опять посѣтить прекрасный Хіосъ.

Нѣсколько дней спустя вернулся пока одинъ только Августъ Жаба и привезъ намъ два большихъ свертка.

Развернувъ одинъ изъ нихъ, онъ извлекъ оттуда красивый шелковый вѣеръ, а затѣмъ раскошный букетъ изъ страусовыхъ перьевъ и передалъ ихъ Магіе.

Она хвалила то и другое и сердечно благодарила.

Сначала я думала, что это не что иное, какъ посылка изъ Смирны отъ ея родственниковъ и больше ничего.

Но, нѣтъ! молодой человѣкъ приблизился и ко мнѣ съ коробкой въ рукахъ и застѣнчиво спросилъ, желаю ли я взглянуть на какія-то бездѣлушки, которыя онъ имѣетъ счастье повергнуть къ моимъ ногамъ.

Не уяснивъ себѣ настоящаго значенія столь страннаго преди-

словія, я взяла отъ него свертокъ и распаковала его. Въ немъ оказались: яркія ленты, вуали, модные воротнички, флаконы духовъ, дюжина перчатокъ и еще что-то.

— Дорогая тетя!—радостно позвала я ее,—и меня также балуютъ ваши родные—посмотрите, какую массу хорошенькихъ вещей прислали они!—Удивленный взглядъ окружающихъ былъ отвѣтомъ.

— Ты ошибашься, другъ мой,—отозвался дядя по-русски:—никто ничего не присылалъ! Г-нъ Жаба лично отъ себя предлагаетъ тебѣ все это,—сейчасъ же поблагодари его за вниманіе, какъ полагается въ данномъ случаѣ.

— А! вотъ оно что!—вспыхнула я, сгорая отъ стыда,—какое нахальство! И какъ онъ смѣетъ! У насъ только горничнымъ мужчины дѣлаютъ такіе подарки.....

Но дядя сердито перебилъ меня и строго приказалъ немедленно поправить дѣло. Да и время было: гость нашъ, сконфуженный, растерянный, ничего не понимая, въ глубокомъ изумленіи смотрѣлъ на насъ.

Пришлось повиноваться и, возмущенная до глубины души вульгарнымъ пріемомъ свѣтскаго франта, я холодно пожала ему руку.

Когда же при дальнѣйшемъ нашемъ знакомствѣ мы оба тайно отъ родныхъ обмѣнялись фотографическими карточками, и когда, благодаря нескромности самого же поклонника моего, пошли объ этомъ нежелательные слухи, то разразился такой скандалъ, что дядя едва не вызвалъ на дуэль болтливаго донъ-жуана.

Marie, обливаясь слезами, упрекала меня въ легкомысліи, которое чуть не привело ея мужа къ барьеру.

— Ну, и взгляды, нечего сказать!—рыдала я въ отвѣтъ,—выходитъ такъ, что мужчины имѣютъ право покупать мнѣ шляпки, перчатки и что угодно! И еще осмѣливаются называть обычаи наши дикими!...

— Именно таковы понятія и нравы здѣсь,— говорила огорченная тетушка—никто, напримѣръ, не осудитъ тебя, если ты примешь отъ молодого человѣка, посѣщающаго нашъ домъ, даже кусокъ матеріи на платье или пару туфель; но подарить ему свой портретъ—это уже считается поступкомъ, достойнымъ глубокаго порицанія.

Дамы, какъ въ Хіосѣ, такъ и въ Смирнѣ, съ ужасомъ повторяли, что, молъ, каковы русскія барышни и какое удивительное воспитаніе получаютъ онѣ въ Россіи?!

Тогда почтенныя лица и друзья дяди при содѣйствіи самого же отца виновника суматохи, взялись за исправленіе нашихъ промаховъ. Они заставили сконфуженнаго героя объявить себя публично похити-

телемъ карточки изъ альбома, что̀ онъ и сдѣлалъ, послѣ чего симпатіи общества снова вернулись ко мнѣ.

Портретъ я получилъ обратно и съ своей стороны отправила отставному поклоннику клочки изношенныхъ вуалей, воротнички и нѣсколько паръ грязныхъ перчатокъ. Тѣмъ и закончилась первая, она же и послѣдняя, глава нашего мимолетнаго романа.

Такимъ образомъ, оправдалась русская пословица: „что городъ, то норовъ“...

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго [1]).

Приведенныя нами свѣдѣнія о дружественныхъ отношеніяхъ Виніуса къ императорскому послу Гваріенту подтверждаются недавно обнародованными документами, найденными д-ромъ Ф. Дукмейеромъ въ Амбергскомъ архивѣ (Баварія) [2]). Приведя тѣ свѣдѣнія о Виніусѣ, которыя онъ могъ почерпнуть у Пекарскаго, Соловьева и Устрялова, г. Дукмейеръ приводитъ отрывки изъ писемъ Гваріента. Изъ нихъ оказывается, что Виніусъ давалъ свѣдѣнія Гваріенту обо всемъ, что происходило въ Московскомъ государствѣ (письмо графу Кауницу отъ 6 мая 1699 г.). Въ сентябрѣ того же года Гваріентъ пишетъ (письмо не адресовано), что Виніусъ предоставилъ ему карту всей Сибири и не пожелалъ издавать ее иначе, какъ посвятивъ ему, и при этомъ наводитъ у него справки относительно опредѣленія высоты полюса. Виніусу онъ писалъ изъ Смоленска, благодарилъ его за вниманіе, за посвященіе и давалъ указанія о свѣдущихъ по научнымъ вопросамъ людяхъ (письмо это писано подъ диктовку больного Гваріента). Изъ Варшавы тотъ же Гваріентъ писалъ Виніусу письмо, въ которомъ отсовѣтовалъ посылать царевича Алексѣя Петровича къ Дрезденскому двору (въ заключеніе онъ просилъ Виніуса уничтожить это письмо—„veritas enim odium

---

[1]) См. „Русская Старина“ декабрь 1909 г.

[2]) Сочиненіе г. Ф. Дукмейера (Korb's Diarium itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen, г. Friedrich Dukmeyer, Berlin, 1909—Historische Studien, Heft LXX) получено нами во время печатанія настоящей статьи, вслѣдствіе чего мы и не могли указать на это сочиненіе во введеніи къ настоящей работѣ.

parit“): слѣдовательно, и въ этомъ вопросѣ Виніусъ принималъ участіе наравнѣ съ прочими совѣтниками Петра [1]).

Пріятель Виніуса, бранденбургскій резидентъ Задора-Цизельскій, въ началѣ 1700 г. скончался отъ раны, полученной имъ въ Москвѣ на дуэли. По распоряженію царя, Виніусъ похоронилъ его на казенный счетъ [2]).

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ сторонъ дѣятельности Виніуса.

Наиболѣе причиняло заботъ и трудовъ Андрею Виніусу завѣдываніе Сибирскимъ приказомъ, въ которое онъ вступилъ не позже 1697 года [3]); но эта должность давала ему также большіе доходы, если вѣрить Корбу, что Виніусъ не только не получалъ жалованья за эту должность, но даже платилъ царю 1.000 руб. ежегодно съ тѣмъ, чтобы всѣ воеводы зависѣли отъ него; а назначалъ онъ ихъ „не безкорыстно“. Корбъ отзывается съ большою похвалою объ умѣ, образованности и изворотливости Виніуса и его хорошемъ управленіи Приказомъ. При немъ сибирскіе воеводы не смѣли притѣснять и разорять торговыхъ людей, такъ какъ за ними былъ учрежденъ строгій надзоръ. Узнавъ отъ кого-либо изъ торговыхъ людей о злоупотребленіяхъ какого-нибудь воеводы, Виніусъ грозилъ ему кнутомъ, лишеніемъ имѣнія, смертію и пр., если онъ не исправится. Узнавать обо всемъ помогали ему также тайные агенты. Была мѣстность, съ которой воеводы доставляли въ казну ежегодно по 600 руб. Виніусъ назначилъ туда воеводу, который въ первый же годъ сообщилъ, что Царскій приходъ составляетъ 10.000 рублей. Жалобы на воеводъ вообще выслушивались Виніусомъ съ большимъ вниманіемъ. Такъ напр., по жалобѣ красноярцевъ, былъ привлеченъ къ отвѣтственности Данила Полянскій [4]) и красноярскіе воеводы Башковскіе и Семенъ Дурново [5]).

Какъ на примѣръ суроваго обращенія со взяточниками, Корбъ указываетъ на судьбу кн. Черкасскаго, изобличеннаго Виніусомъ во взяткахъ, которыя онъ собиралъ не лично, а черезъ подчиненныхъ. Черкасскій былъ возведенъ на эшафотъ, но пощаженъ, битъ кнутомъ и сосланъ на галеры [6]).

---

[1]) Dukmeyer, 132—134.

[2]) Письма и бумаги П. В., I, 787.

[3]) Др. Росс. Вивл. т. XX, стр. 397; Бѣлокуровъ, 128.

[4]) Письма и бумаги П. В., I. 808.

[5]) Пам. Сиб. Ист. XVIII в., I, 38. О письмѣ Башковскаго къ Виніусу см. Обозрѣніе... Н. Оглоблина, Чт. М. О. Ист. и др., 1900, кн. III, стр. 330.

[6]) Корбъ, 319—320. Цѣлый рядъ розыскныхъ дѣлъ о злоупотребленіяхъ различныхъ должностныхъ лицъ въ Сибири за это время можно найти въ

Сохранился очень цѣнный приговоръ 1698 г. думнаго дьяка Виніуса съ товарищи о разборѣ подъячихъ въ сибирскихъ городахъ. Приговоръ предписываетъ отставить тѣхъ подъячихъ, которые „дѣлать не смыслятъ“, также пьяницъ и т. п., а вмѣсто нихъ поверстать новыхъ, хотя бы изъ ссыльныхъ людей и пр. [1]).

Виніусъ заботился о розысканіи въ Сибири рудъ, желѣзныхъ и серебряныхъ [2]); принималъ рядъ мѣръ по распространенію и утвержденію христіанства и грамотности, развитію торговли и промышленности, проведенію дорогъ; велѣлъ составить описаніе Сибири, чертежъ путей, городовъ и учредить почты. Къ началу 1698 г. была построена церковь въ Пекинѣ, крещено 20 китайцевъ. Виніусъ посылалъ указы сибирскому архіерею о подысканіи миссіонеровъ, обученіи желающихъ изъ русскихъ — китайскому, монгольскому и калмыцкому языку, переводѣ нужныхъ книгъ на эти языки [3]). Прибывавшіе изъ Азіи послы иногда останавливались въ домѣ Виніуса [4]). Получивъ отъ Петра наставленіе, что пропаганда христіанства должна быть осторожная, Виніусъ велѣлъ разспрашивать торговыхъ людей, прибывающихъ въ Нерчинскъ изъ Китая, гдѣ стоитъ новопостроенная въ Китаѣ часовня — между домами или особо; приходятъ ли китайцы смотрѣть русское богослуженіе и что говорятъ, не смѣются ли надъ нимъ; какое богослуженіе имъ больше нравится — русское или іезуитское; каково тамъ русское духовенство; сколько русскихъ прихожанъ; хороша ли утварь церковная; доста-

25-339.

столбцахъ и книгахъ Сибирскаго приказа въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи (см. Обозрѣніе... Н. Н. Оглоблина, Чт. М. Общ. ист. и древн. за вышеуказанные годы).

[1]) Обозрѣніе... Н. Н. Оглоблина, Чт. М. Общ. ист. и древн. 1902 г., кн. I, стр. 9—10.

[2]) За время управленія Виніуса Сибирскимъ приказомъ были основаны заводы Невьянскій (1699 г.), Каменскій (1700 г.) и Алапаевскій (1703 г.) и открыто множество рудныхъ пріисковъ (Пермскій сборникъ, кн. I, стр. 26). Хмыровъ, высоко оцѣнивая дѣятельность Виніуса въ этой сферѣ, говоритъ: „въ безкорыстномъ и разумномъ служеніи дѣлу съ Виніусомъ не могли равняться ни Марселисы и Акемы временъ царя Михаила и Алексѣя, ни даже пресловутый Никита Демидовичъ Антуфьевъ“ (Хмыровъ, 237).

[3]) Письма и бумаги П. В., I, 694—695.

[4]) Корбъ, 161. На докладѣ пословъ Ѳ. А. Головина съ товарищи о договорѣ съ китайцами по поводу „вѣчнаго мира“ есть приговоръ Виніуса о принятіи мѣръ къ соблюденію посольскихъ договоровъ со стороны Иркутскихъ и Нерчинскихъ воеводъ: — необходимо преслѣдовать перебѣжчиковъ, запретить ясачнымъ и промышленнымъ людямъ ходить для звѣринаго промысла въ Китайскую сторону и т. д. (Обозрѣніе... Н. Оглоблина. Чт. М. О. ист. и др. 1902, I, стр. 114—115).

точно ли книгъ; гдѣ погребаютъ умершихъ христіанъ; открыто ли совершаютъ погребеніе или тайно и крестился ли кто-нибудь изъ китайцевъ [1]).

Въ Сибирскомъ приказѣ всегда было много денегъ и всякихъ товаровъ. Должностныя лица иногда брали оттуда крупныя суммы. Такъ, въ половинѣ 1699 г. извѣстный Прокофій Возницынъ взялъ соболей и камокъ на 12.000 р., на что Виніусъ жаловался царю. Такъ какъ у провинившихся сибирскихъ воеводъ имущество конфисковалось, то, по мнѣнію Виніуса, его слѣдовало безповоротно зачислять въ казну и ни подъ какимъ видомъ не возвращать [2]).

18 января 1700 г. Виніусъ приказалъ допросить прибывшихъ въ Москву изъ Сибири служилыхъ людей томскихъ, кузнецкихъ и красноярскихъ о томъ, какіе сосѣди безпокоятъ ихъ области, можно ли имъ отражать ихъ собственными силами, почему уменьшился въ Томскомъ уѣздѣ ясачный сборъ, и есть ли въ томъ уѣздѣ мѣста, гдѣ можно было бы поселить ссыльныхъ [3]). О такихъ же „мірскихъ нуждахъ“ допрашивали туринскихъ крестьянъ, пріѣхавшихъ однажды по своимъ дѣламъ въ Сибирскій приказъ (между прочимъ, на вопросъ о качествахъ воеводы они отозвались съ большою похвалою) [4]).

Въ это время въ Сибири дѣйствовали особыя „таможенныя статьи“, составленныя Виніусомъ, которыя надолго пережили своего составителя [5]). Въ нихъ, между прочимъ, торговые люди обезпечивались отъ насилій со стороны воеводъ.

Въ томъ же году Виніусъ просилъ царя назначить новаго митрополита въ Сибирь, потому что митр. Игнатій заболѣлъ душевною болѣзнью [6]). Назначенъ былъ знаменитый Димитрій Туптало (впослѣд-

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи, кн. III, 1223.

[2]) Письма и бумаги П. В., I, 772. Интересенъ приговоръ Виніуса по дѣлу тобольскаго дворянина Глинскаго, пожалованнаго въ московскіе дворяне. Съ этимъ пожалованіемъ соединялось пониженіе денежнаго оклада съ 20 р. на 18. Виніусъ постановилъ: писать его окладъ въ 18 р., а выдавать 20 р. (1699 г., см. Обозрѣніе столбц. и кн. Сиб. приказа Оглоблина, Чт. М. Общ. ист. и др., 1900 г., кн. III, стр. 285).

[3]) Памятники Сиб. Исторіи XVIII в., Спб. 1885, кн. I, стр. 1.

[4]) Бытовыя черты к. XVIII в. Н. Оглоблина, стр. 9.

[5]) О размѣрѣ таможенныхъ сборовъ по этимъ статьямъ можно судить между прочимъ изъ того факта, что въ 1701 г. на Ирбитской ярмаркѣ ихъ было сдѣлано до 30.000 руб. на наши деньги (Быт. черты XVIII в. Н. Оглоблина, стр. 6).

[6]) Письма и бумаги П. В., I, 808.

ствіи св. Димитрій Ростовскій); но этотъ по слабости здоровья не могъ туда поѣхать и былъ назначенъ другой—Филофей Лещинскій, оказавшійся чрезвычайно энергичнымъ архіереемъ. Изъ дѣлъ Сибирскаго приказа о его дѣятельности почерпаемъ слѣдующее извѣстіе.

Въ августѣ 1702 г. онъ послалъ своего боярскаго сына Еремѣя Иванова въ Кіевъ для покупки книгъ церковныхъ и учебныхъ, а также для найма дьякона, 2 учителей „латинской науки", 4 пѣвчихъ и 2 „студентовъ". Сибирскій приказъ (т. е. Виніусъ) оказалъ содѣйствіе посланному въ добываніи подводъ [1]).

Мѣсяца за четыре до описаннаго случая, въ Сибирскомъ приказѣ разсматривалось одно дѣло, находящееся въ связи съ перемѣнами въ Сибирской митрополіи. Дѣло это очень интересно для характеристики Виніуса. Состоитъ оно въ слѣдующемъ.

14 марта 1700 г. митр. Игнатій взялъ у нѣкоего Алексѣя Коробовскаго 2 книги: Хрисмологіонъ и Исторію Скиѳійскую, стоимостью 11 рублей, но денегъ не уплатилъ. На другой день, 15 марта, Игнатій, по царскому указу, былъ отвезенъ въ Чудовъ монастырь, какъ душевно-больной. Въ Чудовомъ монастырѣ онъ пробылъ 2½ недѣли подъ присмотромъ ризничаго іеродіакона Іоасафа Стромилова. Коробовскій обратился къ Стромилову съ просьбой доложить преосвященному, чтобы онъ возвратилъ взятыя книги или заплатилъ за нихъ. Митрополитъ признался, что, книги, Хрисмологіонъ и Исторія Скиѳійская, были дѣйствительно взяты и деньги, 11 рублей, за нихъ не уплачены, но прибавилъ, что въ настоящее время книги эти находятся въ его келейной рухляди въ Казанскомъ подворьѣ. Когда Игнатій былъ переведенъ въ Симоновъ монастырь, Коробовскій снова билъ челомъ о своемъ дѣлѣ патріарху и властямъ. Въ августѣ 1701 года всѣ келейныя книги митр. Игнатія, вмѣстѣ съ прочимъ его имуществомъ, хранившимся въ Сибирскомъ приказѣ, на Казанскомъ подворьѣ и въ Симоновомъ монастырѣ, были описаны и оцѣнены подъ присмотромъ думнаго дьяка А. А. Виніуса, а затѣмъ переданы новому митрополиту, Димитрію. Въ числѣ книгъ, отданныхъ преосв. Димитрію, были и 2 рукописныя—Хрисмологіонъ, оцѣненная въ 1½ рубля и „Исторія Сирская", цѣною въ 1 рубль. Преосв. Димитрій не поѣхалъ въ Сибирь и вмѣсто него былъ назначенъ, какъ мы видѣли, преосв. Филофей. Этотъ немедленно передалъ Коробовскому Хрисмологіонъ; что же касается Исторіи

---

[1]) О просвѣтительной дѣятельности митр. Филофея (1702—1711 г.) см. между прочимъ, Пермскій сборникъ, М. 1859, кн. 1, стр. 29. Описанный въ въ текстѣ случай—см. Бытовыя черты н. XVIII в. Н. Оглоблина, стр. 15—16. См. также въ настоящемъ очеркѣ, ниже.

Скиѳійской, стоившей 9½ рублей (около 100 р. на наши деньги), то таковой не оказалось, и „Исторія Сирская“, стоившая всего 1 рубль, конечно, не могла ея замѣнить. Коробовскій, въ апрѣлѣ 1702 года, подалъ челобитную государю, указывая, что книга его была взята въ Сибирскій приказъ. Сибирскій приказъ отрицалъ это, утверждая, что все, оставшееся послѣ митр. Игнатія, передано митр. Филофею. Но въ описи, составленной самимъ же приказомъ, какъ мы видѣли, „Исторіи Скиѳійской“ не было; значитъ, приказъ какъ бы свидѣтельствовалъ, что таковой книги у митр. Игнатія не было вовсе; между тѣмъ показаніемъ самого Игнатія, приведеннымъ выше, установленъ фактъ, что таковая книга у него была. Конечно, этому показанію, какъ показанію душевно-больного, можно было и не дать значенія, если кому-либо, какъ напр. любителю книгъ Виніусу, захотѣлось бы, при составленіи описи, замѣнить одну книгу другою. Повидимому, такъ и случилось, и тщетно Коробовскій хлопоталъ о возвратѣ ему дорогой книги.... [1]).

Заботясь объ интересахъ русскихъ поселенцевъ и торговыхъ людей, Виніусъ внимательно относился и къ нуждамъ инородцевъ. 31 мая 1700 года онъ распорядился, чтобы крестьяне Тобольскаго уѣзда не причиняли разоренія башкирцамъ въ виду жалобъ послѣднихъ царю [2]). Въ февралѣ 1701 г. сибирскіе инородцы ходатайствовали черезъ Тарскаго воеводу о дозволеніи имъ продавать своихъ дѣтей, ссылаясь на голодъ въ ихъ странѣ. Неизвѣстно, какія мѣры предпринялъ Виніусъ для смягченія народнаго бѣдствія; но продажа дѣтей или отдача ихъ въ холопство были инородцамъ строжайше воспрещены; а велѣно инородцамъ „дѣтей своихъ однѣхъ дочерей и сестеръ и племянницъ отдавать въ замужество своей же братьѣ иноземцамъ, а русскимъ продавать ихъ и отдавать не велѣть, чтобъ отъ того иноземскаго роду не малилось“ [3]). Въ томъ же году Виніусъ принялъ участіе въ одной крещеной калмычкѣ, которую болѣе 5 лѣтъ силою держали въ холопствѣ сначала Сургутскій воевода Юшковъ, а потомъ дьякъ Сибирскаго приказа Парфеновъ и наконецъ—дьякъ Приказа Большого дворца Юдинъ [4]).

Въ 1701 году окончена была серьезная научная географическая работа, предпринятая по распоряженію Виніуса еще въ 1696 году Тобольскій боярскій сынъ Семенъ Ремезовъ составилъ „Чертежную

---

[1]) Быт. черты н. XVIII в. Н. Оглоблина, стр. 11—14.
[2]) Пам. Сиб. исторіи XVIII в., I, 75.
[3]) Бытовыя черты н. XVIII в., Оглоблина, 3—5.
[4]) Бытовыя черты н. XVIII в. Оглоблина, 1—3.

книгу Сибири". Устройство правильныхъ и постоянныхъ сношеній съ Сибирью съ 1697 года шло неуклонно впередъ.

Въ томъ же 1701 году былъ награжденъ казачій пятидесятникъ Владиміръ Атласовъ за свой „походъ въ Камчадальскую землю" (открытіе Камчатки). Андрей Виніусъ съ товарищи приказали: быть ему въ Якутскѣ казачьимъ головою, жалованья ему учинить годовой окладъ 10 рублей, по 7 четв. ржи и овса и 3 пуда соли; за его добычу—11 сороковъ соболей—выдано было ему 100 руб. деньгами и на 100 р. товарами. Но не прошло и 4 дней со дня этого приказа, какъ Виніусъ собственною рукою пишетъ новый приговоръ: за тое его (Атласова) службу, и за пріискъ, сверхъ прежней его дачи и за раны его, и чтобъ впредь ему великому государю свою службу въ тѣхъ пріискахъ новыхъ землицъ и дальнихъ народовъ показать—дать ему на Верхотурьѣ денегъ 50 рублевъ, да товарами, какіе ему пригодны, на 50 же рублевъ [1]).

Изъ другихъ дѣлъ Сибирскаго приказа за время управленія Виніуса извѣстны еще—введеніе продажи игральныхъ картъ въ Сибири (изъ фискальныхъ цѣлей, вопреки желанію населенія) [2]); наложеніе запрещенія на вывозъ боброваго пуху за море; принятіе мѣръ противъ казацкихъ волненій въ Нерчинскѣ; вызовъ самоѣдскихъ шамановъ изъ Березова въ Москву—повидимому, для удовлетворенія любознательности государя; съ такою же цѣлью—требованіе присылки 10 живыхъ соболей и 10 пудовъ магнита изъ Верхотурья; распоряженіе о продажѣ прибывшей въ Москву партіи чаю въ 7 пуд. 20 фун. Среди челобитныхъ за это время попадаются: челобитная жителей Тары о присылкѣ имъ часовщика для завѣдыванія купленными ими на свой счетъ боевыми желѣзными часами, протестъ Сургутскаго воеводы противъ примѣненія выборнаго начала среди служилыхъ людей, челобитная нѣмца—доктора Херургуса о разрѣшеніи ему оставить службу въ Тобольскѣ и вернуться къ семьѣ. Въ дѣлахъ Сибирскаго приказа въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи есть много любопытныхъ черновыхъ докладовъ царю, исправленныхъ рукою Виніуса, за 1698—1701 г. г. [3]).

Въ 1702 году Виніусъ написалъ инструкцію Верхотурскому воеводѣ, изъ которой видно, что онъ былъ человѣкъ просвѣщенный,

---

[1]) Новыя данныя о Вл. Атласовѣ, Н. Оглоблина, Чт. М. Общ. ист. и др. 1888 г., кн. I, стр. 17.

[2]) Бытовыя черты п. XVIII в. Н. Оглоблина, 5—6.

[3]) См. Обозрѣніе... Н. Оглоблина въ Чт. М. Общ. ист. и др. 1902 г., кн. I, стр. 7. Тамъ же есть нѣсколько частныхъ дѣловыхъ писемъ къ Виніусу отъ разныхъ лицъ.

съ обширными знаніями и обращалъ вниманіе на исправленіе народной нравственности и на воспитаніе дѣтей [1]). На средства приказа Виніусъ иногда давалъ образованіе способнымъ инородцамъ.

Мы имѣемъ извѣстіе, что въ „словесныхъ“ школахъ Приказа артиллеріи учился китаецъ (онъ называется также „апонскаго государства татаринъ“), именемъ Денбей; деньги на его содержаніе давались изъ Сибирскаго приказа (по 10 денегъ на день) [2]).

Въ мартѣ 1703 г. митрополитъ Сибирскій Филофей обратился къ царю съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, касающихся церкви и образованія; на всѣ эти вопросы Виніусомъ, по порученію царя, были составлены обстоятельные отвѣты [3]).

Завѣдываніе сибирскими промыслами и горнымъ дѣломъ Виніусу пришлось соединить съ работою по изготовленію артиллерійскихъ снарядовъ. Есть свѣдѣнія, что еще въ 1695 году онъ уже принималъ участіе въ доставкѣ артиллерійскихъ припасовъ къ Азову [4]). Въ письмахъ за границу Виніусъ безпрестанно напоминаетъ Царю о необходимости добыть „желѣзныхъ мастеровъ“, умѣющихъ лить пушки и пр. Виніусъ былъ знатокомъ литейнаго дѣла, когда ему пришлось принять артиллерію въ свое завѣдываніе. До 1700 г. артиллеріей завѣдывалъ первый генералъ-фельдцейхмейстеръ царевичъ Александръ Арчиловичъ Имеретинскій; подъ Нарвою онъ былъ взятъ въ плѣнъ шведами и оставался въ плѣну, несмотря на всѣ усилія Петра высвободить его оттуда. По имени онъ числился во главѣ артиллеріи даже въ 1706 г. [5]). Но уже съ 1701 г. начинаетъ часто упоминаться Приказъ артиллеріи [6]), во главѣ котораго de facto стоитъ „надзиратель артиллеріи“ Андрей Виніусъ (бумаги пишутся по-прежнему на имя царевича). Такъ какъ при Нарвѣ наша артиллерія досталась въ руки шведовъ, то Виніусъ сдѣлался творцомъ новой артиллеріи. Петръ придумалъ употребить на пушки колокола, но изъ одной колокольной мѣди пушекъ дѣлать нельзя

---

[1]) Гамель, 11.

[2]) Къ сожалѣнію, этому инородцу не пришлось окончить своего образованія. Когда Виніусъ удалился за границу, то кн. Гагаринъ взялъ Денбея къ себѣ на дворъ и не велѣлъ ему ходить въ школу, „для того, что онъ словесной грамотѣ и писать выучился“. Когда въ 1710 г. въ Москвѣ былъ царь, то Денбей обратился къ нему съ просьбой объ отпускѣ въ свою землю. Отпуска дано не было, а приказали Денбея крестить и давать ему жалованье изъ Сибирскаго приказа (Бранденбургъ, 244).

[3]) См. ниже, въ главѣ о литературной дѣятельности Виніуса.

[4]) Письма и бумаги П. В., I, 510.

[5]) Бранденбургъ, 454.

[6]) Бранденбургъ склоненъ думать, что приказъ этотъ былъ учрежденъ въ 1701 г. (стр. 1—3).

было, а подвозъ красной мѣди происходилъ медленно. Царь раздражался на медленность дѣла, и это понятно—„время было—яко смерть“. А тутъ еще подводы доставать для пушекъ было трудно—„многіе господа“ захватывали подводы для себя. Но артиллерія имѣла хорошаго „надзирателя“ и подъ Нотебургомъ прекрасно выполнила свое дѣло. Виніусъ хвалился не только тѣмъ, что приготовилъ хорошую артиллерію, но и тѣмъ, что сберегъ по сравненію съ прежними подрядными цѣнами—10.000 рублей. (Предметомъ гордости его была также заведенная имъ артиллерійская школа) [1]). Все-таки артиллерія поставлялась на театръ военныхъ дѣйствій медленно. Въ іюнѣ 1702 г. Брюсъ жаловался Царю на медленность Виніуса [2]) въ доставкѣ пороха въ Ладогу; въ іюлѣ Виніусъ самъ по этимъ дѣламъ ѣздилъ во Псковъ, гдѣ подалъ Тихону Стрѣшневу роспись полевой артиллеріи [3]). Работы было много и справляться было не легко, а помощниковъ подходящихъ у Виніуса не было. Въ декабрѣ 1702 г. „уговоршику“ верхотурскихъ невьянскихъ заводовъ Никитѣ Демидову (Н. Д. Антуфьеву) послана „память“ о выдѣлкѣ желѣза, стали и пушекъ, и Виніусъ личнымъ письмомъ просилъ его объ ускореніи дѣла. Не довольствуясь этимъ, Виніусъ даже лично, съ сыномъ Матвѣемъ, ѣздилъ къ Демидову [4]).

Наконецъ, надъ Виніусомъ грянулъ громъ. 19 марта 1703 г. Царь написалъ Ѳ. Ю. Ромодановскому слѣдующее письмо изъ Шлиссельбурга:

„Sîr. Извѣствую, что здѣсь великая недовозка артиллеріи есть, чему посылаю роспись; изъ которыхъ самыхъ нужныхъ недовезено 3.033 бомбовъ трехпудовыхъ, трубокъ 7.978, дроби и фитилю ни фунта, лопатокъ и кирокъ желѣзныхъ самое малое число. А паче всего мастера, который зашрублеваетъ запалы у пушекъ, по сей часъ не присланъ, отчего прошлогодскія пушки ни одна въ походъ не годна будетъ, отчего намъ здѣсь великая остановка дѣлу нашему будетъ, безъ чего и починать нельзя. О чемъ я самъ многажды говорилъ Виніусу, которой отпотчивалъ меня московскимъ тотчасомъ. О чемъ изволь его допросить, для чего такъ дѣлается такое главное дѣло съ такимъ небреженіемъ, которое тысячи его головы дороже. Изволь какъ мочно исправлять“.

Далѣе идетъ рѣчь о новой неаккуратности:

„Изъ аптеки ни золотника лекарствъ не прислано; того для

---

[1]) См. выше.
[2]) Письма и бумаги П. В., II, 363.
[3]) Письма и бумаги П. В., II, 364.
[4]) Гамель, 37.

принуждены будемъ мы тѣхъ лечить, которые то презираютъ. Изволь, не мѣшкавъ, прислать, также по сей росписи дополнить; да прикажи всѣхъ лекарей, которые нынѣ пріѣхали вновь, также и старые, кои безъ дѣла, прислать къ намъ не омедля [1])".

Итакъ, по двумъ вѣдомствамъ Андрей Виніусъ провинился, и обвиненіе было не изъ легкихъ. Согласно приказанію царя, Ромодановскій произвелъ допросъ Виніусу и его помощникамъ. На допросѣ насчетъ непосылки лекарствъ обвиняемые дали слѣдующія показанія [2]).

Андрей Виніусъ показалъ, что лекарства по росписямъ, даннымъ докторами и лекарями, посылались въ Шлиссельбургъ немедленно. Лекарей въ Москвѣ въ Аптекарскомъ приказѣ значится всего 1 человѣкъ, а если теперь явилось еще двое, то это произошло оттого, что, живя долгое время въ Москвѣ, они о себѣ не заявляли. Лекарь Иванъ Термантъ, который долженъ былъ съ запасомъ лекарствъ ѣхать въ Шлиссельбургъ, заболѣлъ и самъ не могъ ѣхать, а когда Виніусъ просилъ его дать письменное увѣдомленіе, съ кѣмъ можно послать заготовленный ящикъ съ лекарствами, то Термантъ такого увѣдомленія не далъ, а безъ этого Виніусъ посылать не рѣшался до самаго послѣдняго времени.

Иванъ Термантъ заявилъ, что согласно условію, заключенному съ государемъ лично [3]), онъ готовился ѣхать въ Шлиссельбургъ и заготовлялъ лекарства; когда заболѣлъ, то просилъ Виніуса послать аптеку впередъ, но этотъ послѣдній требовалъ отъ него письменнаго рѣшенія, кого послать; онъ не рѣшился писать этого, считая себя не вправѣ это дѣлать, такъ какъ всѣмъ дѣломъ завѣдуетъ Виніусъ. Несмотря на неоднократныя просьбы, Виніусъ такъ и не послалъ лекарствъ, слѣдовательно—вся вина лежитъ на немъ.

Подъячіе Аптекарскаго приказа показали, что Иванъ Термантъ дѣйствительно просилъ послать лекарства безъ него, но Виніусъ говорилъ: гдѣ Термантъ, тутъ и сундукъ съ лекарствомъ.

Аптекарь Иванъ Левкинъ сказалъ, что ему было поручено заготовлять лекарства для Ивана Терманта, но срока назначено не было; вдобавокъ между тѣмъ старые аптекари многихъ лекарствъ ему не дали. Тогда онъ составилъ списокъ нужныхъ лекарствъ и отдалъ

---

[1]) Письма и бумаги Петра В., II, 136—137.

[2]) Письма и бумаги П. В., II, 489—496.

[3]) Рихтеръ въ своей „Исторіи медицины въ Россіи" (М. 1820), ч. III, стр. 181, говоритъ о Термантѣ: „врачъ ученый и благоразумный; Петръ Первый удостоивалъ его короткаго обхожденія, часто просиживалъ въ гостяхъ у него до полуночи". Описаніе жизни Терманта см. тамъ же, ч. II, стр. 330.

дьяку Ивану Невѣжину, который до сихъ поръ не сдѣлалъ нужныхъ распоряженій.

Старый аптекарь Эхлеръ отвѣтилъ на жалобу Левкина, что этотъ послѣдній требовалъ у него нѣкоторыхъ дорогихъ снадобій, а Иванъ Невѣжинъ не позволилъ брать ихъ безъ вѣдома Андрея Виніуса.

Иванъ Невѣжинъ пытался возражать, что онъ запрещенія насчетъ лекарствъ не давалъ, но сослался на „безпамятство". Насчетъ же той росписи, которую ему подалъ Иванъ Левкинъ, онъ говорилъ Виніусу, а тотъ отвѣтилъ: „то дѣло послѣднее, когда лекарства всѣ изготовлены будутъ, и за тѣми припасами дѣло не станетъ".

Андрей Виніусъ утверждалъ, что онъ послалъ Левкина съ сундукомъ Терманта въ Шлиссельбургъ, а все ли въ этомъ сундукѣ было заготовлено, онъ не знаетъ и никакихъ заявленій ни отъ кого на этому поводу не получалъ, а покупать припасы никогда не запрещалъ.

Иванъ Невѣжинъ настаивалъ, что Андрей Виніусъ не позволялъ безъ своего вѣдома покупать припасы и помѣты о покупкѣ дѣлалъ всегда самъ. Это же подтвердилъ подъячій Леонтій Матвѣевъ. Виніусу оставалось сослаться на личную непріязнь Ивана Невѣжина и Леонтія Матвѣева къ нему и заявить, что онъ неоднократно билъ челомъ государю „со слезами", чтобы тотъ взялъ у него Аптекарскій приказъ и отдалъ бы кому-нибудь другому. Теперь онъ еще разъ проситъ о томъ же, потому что множество дѣлъ въ Сибирскомъ и Артиллерійскомъ приказахъ не даютъ ему хорошо заняться Аптекарскимъ, а въ этомъ послѣднемъ и отъ докторовъ, и отъ дьяка, подъячихъ и аптекарей всегда могутъ быть на него нареканія.

Изъ этого допроса видно, что Виніусъ запоздалъ съ доставкой лекарствъ потому, что не имѣлъ подъ рукой надежнаго человѣка для посылки аптеки и вслѣдствіе этого не торопился ея изготовленіемъ. Если мы припомнимъ показанія самихъ же аптекарей, сдѣланныя ими когда-то Корбу, то увидимъ, что прежде Виніусъ много дѣлалъ для Аптекарскаго приказа. Во время пребыванія Корба въ Москвѣ онъ, временно, очевидно, не завѣдывалъ этимъ приказомъ, потому что Корбъ говоритъ, что преемники Виніуса, гордые и невѣжественные, небрежно относятся къ требованіямъ лекарей и не заботятся о покупкѣ новыхъ лекарствъ и вслѣдствіе этого аптеки пришли въ упадокъ. Слѣдовательно, когда Виніусъ снова принялъ Аптекарскій приказъ, онъ засталъ его въ полномъ разстройствѣ, а самъ, будучи обремененъ массою дѣлъ, уже не могъ имъ заняться какъ слѣдуетъ, и поплатился за это.

Одновременно съ допросомъ относительно недоставки лекарствъ Виніусу былъ произведенъ еще болѣе важный допросъ—о недоставкѣ артиллерійскихъ припасовъ.

Въ виду того, что на доставку артиллерійскихъ припасовъ было послано изъ Шлиссельбурга двѣ росписи, то Виніусъ былъ допрошенъ на счетъ обѣихъ. Оказалось, что по 1-й росписи имъ все было послано, за исключеніемъ немногаго, чего случайно не оказалось въ Москвѣ, за недостаткомъ привоза съ заводовъ. Относительно трубокъ замедленіе вышло оттого, что полковникъ Гошка, взявшись ихъ изготовить, не умѣлъ сдѣлать во-время, потому что подобралъ неопытныхъ мастеровъ. Мимоходомъ Виніусъ жаловался, что Гошка для этихъ мастеровъ требовалъ „большихъ кормовъ“ и „верстанія черезъ чинъ“. Гошка оправдывался, говоря, что изготовленіе трубокъ замедлилось вслѣдствіе того, что Виніусъ не давалъ во-время припасовъ—пороха, сѣры и селитры. Относительно же мастеровъ Гошка ссылался на Б. П. Шереметева и ген. Я. Брюса, которые ихъ рекомендовали; прибавлялъ, что лишняго для этихъ мастеровъ онъ ничего не требовалъ, а Виніусъ не платитъ даже и того, что слѣдуетъ, медлитъ съ уплатою за поставки, чѣмъ разоряетъ торговыхъ людей, наконецъ—не даетъ во-время нужныхъ подводъ.

Дьякъ Артиллерійскаго приказа показалъ, что припасы къ трубкамъ Гошкѣ доставлялись аккуратно, равно какъ и подводы.

Далѣе, Виніусъ показалъ, что замедлился привозъ припасовъ къ Москвѣ, вслѣдствіе бездорожья и недостатка руды.

Что касается другой росписи артиллерійскихъ припасовъ, нужныхъ въ Шлиссельбургѣ, то Виніусъ заявилъ, что онъ ея ранѣе не видѣлъ, а теперь, когда она явилась, все по ней будетъ отпущено вскорѣ. Относительно пушечнаго мастера, котораго надо было послать въ Шлиссельбургъ для зашрубливанія запаловъ, Виніусъ показалъ, что Б. П. Шереметевъ сообщалъ ему о посылкѣ такового изъ Пскова 23 января, и почему онъ до 27 марта не являлся въ Шлиссельбургъ, неизвѣстно.

Отставка Виніуса близилась, но Петръ медлилъ. Дѣятельность Виніуса была еще во всемъ разгарѣ въ Сибирскомъ приказѣ; въ апрѣлѣ и маѣ 1703 г. онъ готовилъ артиллерію по-прежнему [1]); въ іюлѣ ему предстояла дѣловая поѣздка въ Сибирь [2]); но свиданіе съ Меньшиковымъ рѣшило его участь. О случившемся узнаемъ изъ письма Меньшикова къ Петру В. изъ Петербурга отъ 29 іюля 1703 г. Вотъ оно:

„Господине, господине капитанъ, всерадостно и благополучно здравствуй о Господѣ. Извѣствую вашей милости: Андрей Виніюсъ, пріѣхавъ сюда, никакова въ дѣлѣхъ своихъ оправданія не принесъ

---

[1]) Письма и бумаги П. В., II, 532 и 710.

[2]) Письма и бумаги П. В., II, 607.

(хотя онъ отъ меня къ тому не малое принужденіе имѣлъ), опричь того, что розными во всемъ виды выкручивался. И я, отправя его въ настоящій ему путь, отпустилъ его отсюды сего нижеписаннаго числа, и о дѣлѣхъ его, въ чемъ онъ неисправенъ явился, и какую на что отповѣдь учинилъ, послалъ къ вашей милости роспись для вѣдома при семъ письмѣ, изъ которой изволишь увѣдомитися. А здѣсь будучи, поднесъ онъ мнѣ три коробочки золота, 150 золотыхъ червонныхъ, 300 рублевъ денегъ, да въ 7 коробочкахъ золота жъ и въ 5000 рублѣхъ денегъ письмо своею рукою далъ, въ которомъ написано, что ему отдать то все, когда у него спросятъ, или кому приказано будетъ отъ меня, въ дому его безъ него принять. И ты изволь объ отпускѣ его учинить по своему разсмотрѣнію. Зѣло я удивляюсь, какъ тѣ люди не познаютъ себя и хотятъ меня скупить за твою милость деньгами; или они не хотятъ, или Богъ ихъ обращаетъ. А вышеписанную большую дачу далъ мнѣ Виніусъ и за то, чтобъ Пушкарской приказъ и Аптеку хотя у него и взять, только бъ Сибирской приказъ удержать за нимъ, завѣщевая, чтобъ о той дачѣ никто не вѣдалъ. И изъ того изволишь познать, что для чего такую великую дачу далъ, если бъ не чаялъ отъ того приказу впредь себѣ великихъ нажитковъ [1]; а напредъ сего билъ челомъ милости твоей многажды о дачѣ деревни, сказывая, что пить—ѣсть нечего. А при той вышеписанной дачѣ, по многому его прошенію, написалъ я къ милости твоей письмо объ немъ по его желанію; и то письмо челъ онъ самъ, которое я, запечатавъ при подписаніи руки своей, ему отдалъ; и съ того письма списокъ для вѣдома послалъ я къ милости твоей съ симъ письмомъ. За симъ здравіе милости твоей предаю въ сохраненіе Божіе [2]".

Результатомъ двухъ вышеупомянутыхъ допросовъ Виніуса была его отставка. Прусскій посланникъ Кайзерлингъ писалъ королю въ іюлѣ 1703 года, что Виніусъ привлеченъ къ отвѣтственности за свои упущенія, главнымъ образомъ — по части артиллеріи и свои дѣла передаетъ кн. Б. А. Голицыну; а въ августѣ онъ же писалъ, что царь намѣренъ сослать Виніуса съ его женою и сыномъ въ Сибирь [3]. Плейеръ, австрійскій резидентъ, со свойственнымъ ему стремленіемъ къ преувеличенію, увѣрялъ даже, что Виніуса будто бы хотѣли повѣсить или, по крайней мѣрѣ, жестоко высѣчь кну-

---

[1]) Говорили, что Виніусъ наживался въ Сибири, между прочимъ. отъ продажи табаку (Доклады и пригов. Сената, III, 1220).

[2]) Письма и бумаги П. В., II, 608.

[3]) Dukmeyer, 130.

томъ [1]). Но у насъ подъ рукою есть только письмо царя къ Ѳ. Ю. Ромодановскому отъ 9 октября того же года:

„Какъ къ вамъ сіе писаніе поднесется, извольте учинить по сему: приказы Сибирской и Аптекарской извольте вѣдать вы до времени, и оныя переписать и счесть, также и воеводъ сибирскихъ. Также изволь послать указъ на заводы сибирскіе, чтобы лили пушки тамъ по образцамъ, не мѣшкавъ.

Андрея Виніуса изволь, не мѣшкавъ, прислать, а что велѣно готовить, чтобъ и безъ него готовили. Сіе изволь учинить не мѣшкавъ“ [2]).

Итакъ, карьера Виніуса была, повидимому, окончена. Пушкарскій приказъ еще, повидимому, оставался за нимъ—онъ все еще завѣдывалъ литьемъ пушекъ. Старый служака, умножившій казну нѣсколькими сотнями тысячъ, нашедшій селитру, руды мѣдныя и желѣзныя, устроившій четыре завода, которые удовлетворяли не только мѣстнымъ потребностямъ, но даже отправляли свои произведенія за границу, устроившій китайскій торгъ, въ $2^1/_2$ года изготовившій болѣе 600 пушекъ, улучшившій порохъ,—за грѣхи, свойственные тогда всѣмъ безъ исключенія крупнымъ дѣятелямъ, поплатился жестоко: лишился всѣхъ должностей; наложили на него взысканіе въ 13.000 руб. (чтобы заплатить эту сумму, онъ долженъ былъ продать одинъ дворъ, заложить другой, занять деньги); позоръ и нищета были впереди [3]), а работы окончательно съ него не сняли!

Находясь въ 1706 г. въ войскахъ у Гродно, въ польскихъ предѣлахъ, Виніусъ внезапно уѣхалъ въ Кенигсбергъ, а оттуда въ Голландію безъ разрѣшенія царя и безъ паспорта, оставивъ домъ и дѣтей [4]). Голландцы приняли въ немъ участіе и не выдали его, несмотря на требованія русскаго правительства [5]); очевидно, тамъ же Виніусъ измѣнилъ православію. Царь велѣлъ конфисковать его имущество. Старикъ не вытерпѣлъ, просилъ у царя прощенія, вернулся черезъ Архангельскъ въ Москву (1708 г.) и снова принялъ православіе. Царь простилъ его, вернулъ ему чинъ думнаго дьяка, домъ и деревни

---

[1]) Устряловъ, т. IV, ч. 2, 614—615. Dukmeyer, 134—135.

[2]) Письма и бумаги П. В., II, 256—257. Описаніе... Н. Оглоблина, Чт. М. О. ист. и др. 1902, кн. I, стр. 22.

[3]) Соловьевъ, кн. IV, 4.

[4]) Въ разрядныхъ вязкахъ документовъ Р. Приказа за 1707 г. есть „сказка“ жены Виніуса, что мужъ ея находится въ Амстердамѣ. (Описаніе докум. и бумагъ, хр. въ М. Архивѣ М. Ю., т. X, 448).

[5]) Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, I, 274. Впослѣдствіи, когда Виніусъ самъ захотѣлъ вернуться въ Россію, Витзенъ писалъ царю письмо (2 мая 1708 г.), извиняя долгое пребываніе Виніуса въ Голландіи и отзываясь о немъ съ похвалою (Б.-Каменскій, I, 193).

и посадилъ его за ученую работу—переводы трактатовъ по механикѣ, фортификаціи, артиллеріи, устава судебныхъ воинскихъ правъ [1]), составленіе голландскаго словаря. Въ сентябрѣ 1710 года Петръ попробовалъ даже дать ему дипломатическое порученіе. Вмѣстѣ со стольникомъ Ѳедоромъ Протасьевымъ онъ посланъ былъ къ гетману Скоропадскому, чтобы состоять при немъ „для совѣтовъ о государевыхъ дѣлахъ“. Гетманъ былъ этимъ очень недоволенъ; канцлеръ Головкинъ утѣшалъ его, говоря, что Виніусъ и Протасьевъ „люди искусные и поважные“ и будутъ обходиться съ нимъ съ должнымъ уваженіемъ. Народъ малороссійскій также былъ недоволенъ, что „министръ, который при гетманѣ, всякое письмо осматриваетъ“ [2]), но протестъ явно выраженъ не былъ. Въ Малороссіи Виніусъ работалъ не болѣе года [3]), заболѣлъ и долженъ былъ оставить должность. Старику давно пора было отдохнуть. Возвратившись въ Москву, онъ засталъ у себя дома постояльцевъ—болѣе 200 плѣнныхъ шведовъ; насилу выхлопоталъ онъ себѣ свободу отъ постоя [4]). Но 4 августа 1712 года многимъ должностнымъ лицамъ, а въ томъ числѣ и ему съ сыномъ Матвѣемъ, по приговору Сената, объявлено было, что они должны жить на о. Котлинѣ „по скончаніи сей войны, и даны имъ будутъ дворы и земли подъ деревни“; а когда будетъ заключенъ миръ, то будутъ переведены въ Петербургъ—разрѣшалось теперь же строить себѣ дома въ Петербургѣ [5]).

Мы разстались съ Матвѣемъ Виніусомъ, когда онъ еще не вернулся изъ первой поѣздки за границу. Тамъ онъ обучался въ Саксоніи, затѣмъ вмѣстѣ съ нѣкимъ Меллеромъ, побывалъ въ Берлинѣ, Данцигѣ, а прибывши въ Кенигсбергъ, остался тамъ на нѣкоторое время при резидентѣ, назначенномъ отъ прусскаго короля въ Москву [6]). По прибытіи на родину Матвѣй Виніусъ продолжалъ состоять на государственной службѣ, а 1706 г. былъ командированъ за границу съ какимъ-то порученіемъ по части

---

[1]) 30 іюня 1712 г. Петръ назначилъ Виніусу помощника для перевода этой книги, Якова Веселовскаго (Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XI, стр. 238).

[2]) Сословьевъ, Ист. Россіи, кн. IV, 31.

[3]) Въ іюнѣ 1711 г. въ этой должности засталъ его въ Глуховѣ Юстъ Юль, датскій посланникъ (Записки Юста Юля, Чт. М. О. Ист. и др., 1899, III, стр. 337).

[4]) Письмо Петра В. Сенату 18 марта 1712 г. (Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XI, стр. 226): „съ двора Андрея Виніуса шведовъ велите свесть и впредь чтобъ шведовъ къ нему не ставить“.

[5]) Доклады и пригов. Сената, II, 101.

[6]) В. Н. Перетцъ, Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. III, прилож., стр. 109.

теологіи [1]). Обладая знаніемъ одного лишь нѣмецкаго языка, онъ зарабатывалъ мало. 13 дек. 1713 года состоялся сенатскій указъ, чтобы выдать ему за переводъ курантовъ 20 рублей и „впредь ему, Матвѣю, быть при канцеляріи (Сената) для переводу нѣмецкихъ писемъ“ [2]).

Въ концѣ 1715 г. Матвѣй Виніусъ, бывшій своему отцу единственной опорой, скончался. Объ этомъ мы узнаемъ изъ письма кабинетъ-секретаря Макарова Ивану Алексѣев. Мусину-Пушкину: „по прошенію Андрея Виніуса царское величество указалъ зятю его Алексѣю Калитину, для его старости, быть при немъ... Причина помянутому Калитину быть при бѣдномъ старикѣ Виніусѣ для того, что у него никого не осталось, ибо и послѣдній его, Виніусовъ, сынъ нынѣ умеръ, и для того царское величество за его службы надъ нимъ умилосердился и указалъ при немъ быть зятю его Калитину“. Указъ царя о томъ, чтобы стольникъ по полковой службѣ Калитинъ былъ при Виніусѣ и строилъ себѣ домъ въ Петербургѣ, былъ подписанъ 20 дек. 1715 г., а посланъ 5 янв. 1716 г. [3]).

Повидимому, матеріальное положеніе самого Андрея Виніуса въ это время было не плохимъ. Выше мы видѣли, что царь вернулъ ему конфискованное имущество [4]). Теперь, когда старикъ былъ близокъ къ смерти, родственники его, очевидно, съ жадностью готовы были расхищать его достояніе. Можетъ быть, этимъ и объясняется его просьба о разрѣшеніи „быть при немъ“ его зятю, Алексѣю Калитину; а между тѣмъ исполненіе царемъ этой просьбы кое-кому очень было не по вкусу. Объ этомъ можно заключить изъ письма государыни къ Андрею Андреевичу, въ которомъ она проситъ „господина Виніуса“ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ племянника его, полковника Порецкаго, „ежели ближе его нѣтъ“ [5]). Неизвѣстно, что Виніусъ отвѣтилъ на это письмо; но едва только онъ скончался (повидимому, въ самомъ началѣ 1717 года) [6]), какъ, по просьбѣ

---

[1]) Гамель, 37.

[2]) Доклады и пригов. Сената, III, 1361.

[3]) Доклады и пригов. Сената, V, 1234. Объ этомъ Калитинѣ мы имѣемъ свѣдѣніе, что онъ еще до 1710 г. копалъ мѣдную руду на рр. Быму, Туркѣ и Бурмѣ (Бранденбургъ, 358).

[4]) Между прочимъ деревню въ Перемышльскомъ уѣздѣ (принадлежавшую когда-то Б. М. Хитрово), которая послѣ бѣгства Виніуса досталась генералъ-маіору Полонскому (приказъ о возвратѣ отъ 4 марта 1715 г., см. Государственный Архивъ, кабинетъ Петра В., кн. № 32).

[5]) Черновое письмо отъ 5 окт. 1716 г., см. Государственный Архивъ, Каб. Петра В., кн. № 62, 1.

[6]) А не въ 1714, какъ значится въ Сборникѣ Имп. Рус. Истор. Общества,

полковника Порецкаго, Екатерина снова вмѣшалась въ дѣло объ имуществѣ Виніуса: 5 марта 1717 года она писала сенаторамъ изъ Амстердама, чтобы они взяли подъ охрану „дворы, деревни и пожитки умершаго думнаго дворянина Виніуса“ до ея прибытія и не отдавали ихъ ни Алексѣю Калитину, ни кому другому [1]).

Когда состоялось окончательное распредѣленіе имущества скончавшагося, неизвѣстно; переходъ его библіотеки въ публичную библіотеку, по свидѣтельству Пекарскаго, состоялся въ 1718 г.

Этимъ мы и закончимъ внѣшнюю біографію Андрея Андреевича. Теперь заглянемъ въ его внутренній міръ, который лучше всего отражается въ его литературныхъ и научныхъ произведеніяхъ, а также въ дѣловыхъ его бумагахъ и письмахъ.

И. П. Козловскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

т. 60. Къ 1714 году относятся послѣднія, дошедшія до насъ, письма Виніуса.

[1]) Копія съ письма Екатерины сенаторамъ см. Госуд. Архивъ, Каб. Петра В., кн. № 62, 1.

КЪ ИСТОРІИ РУССКИХЪ СУЕВѢРІИ.

(Челобитная 1685 г.).

Государю Преосвященному Гавріилу, архіепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому, бьютъ челомъ сироты Государевы Вологжаня посадские люди Тимошка Өилиповъ с сыномъ своимъ Савкою. В нынѣшнемъ, государь, во 194 году, по указу великихъ государей царей і великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великия и малыя і бѣлыя Росіи самодержцевъ и по приказу стольниковъ і воеводъ Бориса Андрѣевича Змеова с товарыщи, про порьчю дочери моея девочьки Марьицы, а ево Савкины сестры сноха моя, а ево Савкина жена Авдотья Павлова дочь Пшеничникова допрашивана, а в допросе сказала. В прошломъ де во 193-мъ году в великій постъ пятыя недѣли была она, вдова Овдотья у отца своего Павла Пшенишникова в доме, и той де ево Павлове дочере Овдотье, а ево Павловы жены Матрены женка Анисимова дочь, а какъ ея имянемъ зовутъ про то она знаетъ, Мишки Лямы свесть наговаривала де на соль, и тое, государь, наговорную соль она, Матрена, дала дочере своей Авдотье і велѣла класть въ ѣству, хотя такимъ еретичествомъ домишко наше овладѣть, и тое-де соль въ ѣствы, во шти і в капусту, клала. И того жь, государь, великого поста его Павловъ Івашко панъ отъ матери ея Авдотьины отъ Матрены узолокъ соли принесъ, а велѣла она Матрена ей Овдотье тое соль въ ѣству класть, и тое наговорную соль она Овдотья держала у себя в коробке многое время. И того жь, государь, году послѣ свѣтлыя недѣли она Матрена приходила въ домишко наше и просила у дочери своей Авдотьи з головы дочеришки моей Марьицы волосье, і она, дочь моя Марьица, простымъ обычаемъ чесавъ голову гребнемъ і не вычистя волосья изъ гребня, просто покинула, и она Овдотья, взявъ того волосья, отдала матере своей и моего жь сироты волосья взяла жь себѣ и держала у себя по

научькѣ матери своея Матрены. И в нынѣшнемъ, государь, во 194-мъ году мати жь ея Овдотьина с рубахи ее Авдотьины красномытъ смывши і велѣла класть в молоко, и она смывши то клала и тѣмъ души наши сквернила, да она жь Авдотья дочеришки моей Марьицы обрѣзала стельки изъ башмаковъ перста на три шириною и отдала матери своей для бездѣльнаго умысла, да она жь Матрена дала дочере своей Авдотье корень, а велѣла спустить в кадцу в воду, чтоб с него пить всѣмъ домашнимъ, да она жь Матрена дала волоть травы і велѣла положить в бане под полкомъ, да она же Матрена с паномъ своимъ Івашкомъ, зашивши в шушунъ кость, послала дочере своей Овдотье і велѣла спустить в колодезь, и она де в колодезь тое кость спустила, і после, государь, того дочеришко мое Марьица почала тосковать головною и сердечною болѣзнію и порчею и я съ сынишкомъ своимъ, видя надъ дочеришкомъ своимъ, Марьицею такую великую порчю, смертнаго ради часа призвавъ соборныхъ священниковъ, чтобъ ея освятить масломъ. И та сноха моя Овдотья при тѣхъ священницехъ и при діаконехъ и при сторожахъ в порче дочеришки моей Марьицы и во осквернені душъ нашихъ христианскихъ вину свою во всемъ объявляла и приходскихъ церквей при священницехъ и при посадскихъ людехъ тѣ жь свои винныя рѣчи сказывала тако жь і в роспросе сказала, а тѣмъ, государь, священницемъ и церковнымъ причетникомъ и посадскимъ людемъ в приказной избѣ подана челобитная, а под челобитною роспись, чтобъ тебѣ, государю святителю, в приказъ духовныхъ дѣлъ послать память о допросе тѣхъ священниковъ и церковныхъ причетниковъ, и изъ приказной избы такой памяти къ тебѣ, государю святителю, не бывала и священницы въ допросе не были, а онъ, Пашка Пшеничликовъ, мочью своею хотя насъ раззорити і в конецъ погубить, поносными своими словами застращиваетъ, чтобъ отбыть таковаго еретичества дочери ево и женѣ Пашкинѣ и на ково она говорила, всякими словами намъ бѣднымъ угрожаетъ, надѣяся на свое могутство. А в таковомъ, государь, великомъ еретичествѣ і в порчи дочеришки моей та моя сноха с матерью своею і на ково она говорила, с Ѳевраля мѣсяца і по се, государь, число не пытана, с кѣмъ она, сноха моя, съ матерью своею такие еритические мѣры сотворяли и души наши христіанские сверни и хто ей въ таковомъ еретичествѣ пособствовалъ і в единомышленіи были; и ни при что, государь, про то не обыскано. А мы бѣдные раззорилися, торжишку и промыслишку отбыли і в конецъ погибли. Милостивый государь, преосвященный Гавріилъ, архіепископъ Вологодскій и Бѣлоозерскій, пожалуй насъ, сиротъ великихъ Государей, ради щедротъ Божіихъ вели, государь, соборной апостольской церкви и

приходскихъ церквей священниковъ и діаконовъ и церковныхъ причетниковъ предъ собою, государь святитель, в духовенствѣ допросить, какъ та моя сноха Овдотья, а сына моево Савки жена, а Павла Пшенишникова дочь, тѣмъ священникомъ и діакономъ съ причетники про порчю дочеришки моей Марьицы сказывала и онѣ священницы и дияконы и причетники тѣ ея Авдотьины слова слышали, чтоб намъ бѣднымъ безпомощнымъ отъ могутства Пашки Пшенишникова с совѣтники и досталь бы не раззорится і в конецъ не погибнуть, а соборные, государь, апостольской церкви священникомъ и діакономъ и причетникомъ и приходскихъ церквей священникомъ подъ сею челобитною роспись. Государь святитель, смилуйся, пожалуй.

Роспись соборной апостольской церкви священникомъ, какъ онѣ были в домишкѣ нашемъ в нынѣшнемъ во 194 году въ Ѳевралѣ, освящали масломъ дочеришко мое Марьицу, а сноха моя, а сына моево Савкина жена, Овдотья про оскверненіе домишко наше душъ нашихъ православныхъ христіанъ і про порчю дочеришки моей Марьицы во всемъ вину свою объявляла при священницехъ и при ключарехъ: при Козмѣ Евсегнѣевѣ, при Поликарпѣ Ероѳѣевѣ, при Алексѣе Ивановѣ, при Иванѣ Ананьинѣ да при протодіаконѣ Стеѳанѣ Автономовѣ, при діаконѣ Никитѣ, при діаконѣ Григорьѣ при діаконѣ Артемье да при пономарѣхъ и при сторожахъ при Барисѣ Матѳеевѣ, при Григорѣ Аѳонасьевѣ, при Григорьѣ Варламовѣ. Приходскихъ церквей священники Георгиевской попъ Аѳонасей, Троицкой попъ Ѳеодотъ, діаконъ Лука, Архангела Гавріила попъ Матѳей.

Наобор. рукоприкладство: К сеі челобитной села Бруснишново Спаской попъ Василей вмѣсто посацкихъ людей Тимоѳея Ѳилипова да сына ево Савы Козловыхъ по ихъ велѣнью руку приложилъ.

Сообщилъ Ив. Суворовъ.

На могилѣ Батюшкова.

Очеркъ.

Въ пяти верстахъ отъ Вологды находится Спасо-Прилуцкій монастырь. Здѣсь погребенъ поэтъ К. Н. Батюшковъ. Нѣсколько учениковъ гимназіи и я устроили туда экскурсію.

На кладбищѣ старой обители невозмутимый покой и тишина. Никого нѣтъ. Тѣсные ряды мрачныхъ надгробныхъ памятниковъ. А вотъ и могила нашего поэта; она обнесена желѣзной рѣшеткой; на небольшомъ красивомъ памятникѣ изъ бѣлаго мрамора надпись: „Константинъ Николаевичъ Батюшковъ родился въ Вологдѣ 17 мая 1787 года, скончался тамъ же 7 іюля 1855 года“.

Подъ этимъ памятникомъ лежитъ поэтъ, который занимаетъ видное мѣсто въ исторіи русской литературы. Высокохудожественная красота его поэтическихъ образовъ, гармоническій стихъ, изящная отдѣлка пьесъ, часто одухотворенныхъ прекраснымъ содержаніемъ,—все это очень цѣнно для русскаго слова. Щедро надѣленный отъ природы особыми дарованіями, онъ свято служилъ призванію поэта и въ непродолжительное время своего поэтическаго творчества, пораженнаго въ самомъ расцвѣтѣ тяжелымъ недугомъ, успѣлъ обезсмертить свое имя и внести цѣнный вкладъ въ сокровищницу родной словесности. Самъ Пушкинъ признавалъ его своимъ учителемъ и глубоко цѣнилъ и любилъ его стихи. По отзыву современниковъ, Батюшковъ былъ энтузіастъ всего прекраснаго; всѣ добродѣтели казались ему достижимыми; дружба была его кумиромъ, безкорыстіе и честность — отличительными чертами его характера.

Кстати, не задолго до нашей экскурсіи я нашелъ въ одномъ изъ архивовъ г. Вологды старое „дѣло“ о Батюшковѣ, которое по-

казалось мнѣ интереснымъ, и потому я передаю здѣсь обстоятельства этого дѣла, о чемъ я разсказалъ также и своимъ спутникамъ—экскурсантамъ на пути въ Прилуки.

Воспользовавшись старинным дѣломъ, отысканным въ пыли архива, укажемъ на то, что въ данномъ случаѣ мы поступили какъ настоящіе экскурсанты, обязанность которыхъ—наблюдать, записывать, отмѣчать, собирать разный болѣе или менѣе интересный матеріалъ, касающійся обозрѣваемыхъ мѣстъ; при томъ самая обстановка нашей тризны, совершенной на могилѣ поэта, у памятника надъ прахомъ его, вполнѣ допускаетъ упоминаніе объ этомъ дѣлѣ, касающемся также могилы и праха его и служащемъ хорошимъ воспоминаніемъ о нашемъ поэтѣ.

Братъ поэта Помпей Николаевичъ Батюшковъ изъявилъ желаніе перевезти тѣло покойнаго Константина Николаевича, погребенное на кладбищѣ Спасо-Прилуцкаго монастыря, для преданія землѣ въ семейномъ склепѣ родового ихъ имѣнія при церкви села Даниловскаго, Устюженскаго уѣзда, Новгородской губерніи. На это было испрошено разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода предложено отъ 28 февраля 1862 года епископу вологодскому Христофору сдѣлать зависящее распоряженіе. Содержаніе этого предложенія, для должнаго, въ чемъ слѣдуетъ, исполненія было сообщено настоятелю Прилуцкаго монастыря указомъ консисторіи отъ 6 марта. Между тѣмъ, сестра Батюшкова Варвара Николаевна, по мужу Соколова, обратилась по эстафетѣ съ письмомъ къ министру внутр. дѣлъ Валуеву объ отмѣнѣ распоряженія касательно перевоза гроба съ прахомъ Батюшкова изъ Прилуцкаго монастыря. Копія его была сообщена въ свое время вологодскимъ помѣщикомъ Григоріемъ Абрамовичемъ Гревеницъ упомянутому епископу Христофору въ письмѣ съ просьбой о пріостановкѣ этого дѣла. Вотъ это любопытное и краснорѣчивое письмо.

„Ваше Высокопревосходительство,
Петръ Александровичъ.

Только сегодня я совершенно неожиданно узнала, что Вы изволили дать разрѣшеніе перевезти прахъ моего родного брата Константина Николаевича Батюшкова изъ Спасо-Прилуцкаго монастыря, близъ г. Вологды, въ Новгородскую губернію для преданія его землѣ на кладбищѣ приходской церкви.

Не скрою отъ Вашего Высокопревосходительства, что извѣстіе это глубоко огорчило меня. Семидесятилѣтняя старуха, родная сестра покойнаго, старшая по лѣтамъ, болѣе всѣхъ къ нему близкая

по связямъ родственнымъ (второй мой братъ Помпей Николаевичъ отъ другой матери), свято чтущая память его, какъ брата и благодѣтеля, я не считала себя столь чуждой покойному, чтобы не только безъ моего согласія, но даже и безъ моего вѣдома можно было нарушать гробовой покой Константина Николаевича.

Поэтому позвольте изложить Вашему Высокопревосходительству причины, по которымъ я рѣшаюсь обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой отмѣнить сдѣланное Вашимъ Высокопревосходительствомъ распоряженіе. Константинъ Николаевичъ, подвергшись страшному душевному недугу, похитившему его столь рано у семейства и отечества, съ 1830 года, въ теченіе 25 лѣтъ, находился на рукахъ родного нашего племянника Григорія Абрамовича Гревеницъ, въ домѣ котораго и скончался [1]). Часто посѣщая Спасо-Прилуцкій монастырь во время своихъ прогулокъ, онъ неоднократно въ тѣ свѣтлыя минуты, которыя иногда имѣлъ во время своей болѣзни, выражалъ желаніе быть погребеннымъ въ этой обители. Племянникъ мой исполнилъ желаніе покойнаго. Поэтому я не нахожу никакого достаточнаго основанія къ нарушенію воли моего брата, тѣмъ болѣе, что въ селѣ Даниловскомъ не существуетъ никакого фамильнаго склепа рода Батюшковыхъ. Мать наша погребена въ Петербургѣ, сестры: Анна Николаевна Гревеницъ—тамъ же, Елизавета Николаевна Шипилова въ Вологдѣ, Александра Николаевна Батюшкова въ селѣ Никольскомъ, Ярославской губерніи.

Кромѣ этого, я и племянникъ мой Г. А. Гревеницъ считали священной нашей обязанностью отдать послѣдній долгъ Константину Николаевичу и поставить ему надгробный памятникъ. Имѣя въ виду, что Константинъ Николаевичъ по заслугамъ своимъ выходитъ изъ ряда людей обыкновенныхъ, мы не сочли возможнымъ ограничиться скромнымъ монументомъ, и вотъ причина, почему мы до сихъ поръ должны были отложить исполненіе нашего намѣренія. Теперь памятникъ сооружается и 7-го іюля сего года (въ день кончины Константина Николаевича) будетъ поставленъ на мѣсто. Оставшіеся въ живыхъ родственники покойнаго не приняли никакого участія въ сооруженіи памятника, и потому я въ правѣ полагать, что они не должны своимъ позднимъ вмѣшательствомъ тревожить прахъ моего брата. Простите, Ваше Высокопревосходительство, что я утруждаю Васъ чтеніемъ настоящаго письма; я сочла нужнымъ объяснить

[1]) Домъ, гдѣ жилъ Батюшковъ, стоитъ и нынѣ: въ немъ помѣщается первая женская гимназія; на углу его мраморная доска съ надписью: „Въ этомъ домѣ жилъ и скончался 7-го іюля 1855 года Константинъ Николаевичъ Батюшковъ“.

Г. Д.

Вамъ всѣ подробности и твердо надѣюсь, что Ваше Высокопревосходительство уважите послѣднюю, можетъ быть, земную просьбу женщины, стоящей у дверей гроба, просьбу безкорыстную и ни для кого не обидную. Вологда, колыбель Батюшкова, пусть будетъ мѣстомъ его послѣдняго покоя. Въ томъ случаѣ, если Ваше Высокопревосходительство не почтете возможнымъ отмѣнить сдѣланное Вами распоряженіе, имѣю честь покорнѣйше просить васъ всеподданнѣйше доложить просьбу мою Государю Императору и, сообщивъ о послѣдующемъ г. оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, поставить и меня о томъ въ извѣстность.

Съ чувствомъ истиннаго уваженія, имѣю честь быть Вашего Высокопревосходительства готовая къ услугамъ Варвара Николаевна Соколова, рожденная Батюшкова.

Сельцо Хантоново.
Марта (не обозначено) дня 1862 года".

Министръ 16-го марта телеграммою увѣдомилъ г-жу Соколову и вологодскаго губернатора, что дѣло о перевозѣ праха Батюшкова пріостановлено. Дальнѣйшаго распоряженія никакого не послѣдовало.

Г. Добряковъ.

Изъ разсказовъ дѣдушки.

I. ѢЗДА НА ИЗВОЗЧИКѢ.

Помню своего дѣда уже очень пожилымъ генераломъ въ отставкѣ. Это былъ добрый старикъ, полный силъ и энергіи, интересовавшійся всѣмъ и отличавшійся большимъ юморомъ и веселымъ характеромъ. По привычкѣ всѣхъ старѣющихъ людей дѣдушка бранилъ наше время и съ восхищеніемъ вспоминалъ свое. Мы терпѣливо слушали нападки на „нынѣшнюю молодежь“ и „нынѣшнее время“, зная, что потомъ начнутся воспоминанія, а это мы страшно любили.

Однажды, помню, дѣдушка пришелъ съ прогулки очень разсерженнымъ. Онъ обыкновенно ходилъ гулять два раза въ день и довольно много, чѣмъ возбуждалъ удивленіе всѣхъ; какъ сейчасъ вижу его стройную, несмотря на годы, фигуру въ офицерскомъ сѣромъ пальто, его твердую неторопливую походку, когда онъ шелъ по улицѣ, размахивалъ толстой желѣзной тростью, которую всегда носилъ. Первый разъ онъ выходилъ утромъ и затѣмъ во второй разъ передъ обѣдомъ, часовъ въ пять—„для возбужденія аппетита“, какъ онъ говорилъ. Но въ описываемый мною день аппетитъ не только не былъ возбужденъ, а даже совсѣмъ испорченъ дурнымъ настроеніемъ дѣда. Онъ за обѣдомъ все ворчалъ и мало ѣлъ.

— Нѣ-ѣтъ, прошло наше время,—говорилъ онъ,—теперь такая распущенность пошла, что смотрѣть грустно... Хоть возьмемъ сегодня; пошелъ я гулять, перехожу улицу, смотрю: мимо меня катитъ каляска. Я остановился; гляжу—сидитъ въ коляскѣ мальчишка-юнкеръ, мнѣ козыряетъ, а въ это время меня всего чуть ли

не съ ногъ до головы грязью обдало... А? каково? какой-то молокососъ меня, генерала, грязью забрызгалъ! Да въ мое время за это прямо въ арестантскія роты послали бы!.. Помню я, сколько промучился, сколько страху натерпѣлся и сколько потерялъ по службѣ только потому, что проѣхался разъ на извозчикѣ...

Дѣдушка задумался, а мы притихли, въ ожиданіи разсказа. Наконецъ кто-то изъ насъ сказалъ:

— Разскажи, дѣдушка, что съ тобой случилось...

— Разскажу, разскажу—возразилъ дѣдъ, поднявъ голову,—вамъ даже это поучительно будетъ послушать.

Онъ на минуту замолчалъ и затѣмъ началъ.

— Въ концѣ 1831 года я былъ привезенъ изъ родительскаго дома въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ держать экзаменъ для поступленія въ военную службу, какъ тогда полагалось каждому сыну дворянина; экзамены я сдалъ хорошо и былъ принятъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ съ зачисленіемъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Мнѣ тогда было не полныхъ 16 лѣтъ.

— Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ была на другомъ положеніи, чѣмъ остальныя существовавшія въ то время военно-учебныя заведенія; какъ-то: кадетскіе корпуса, Пажескій, Морской, Дворянскаго полка корпусъ. Мы, подпрапорщики и юнкера, числились на дѣйствительной службѣ въ полкахъ, къ которымъ были причислены, такъ что въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напр. въ полковые праздники, или во время парадовъ, насъ вытребовали въ полки, и мы размѣщались въ строю въ числѣ всѣхъ прочихъ унтеръ-офицеровъ полка. Въ остальное же время мы жили въ школѣ, гдѣ обучались наукамъ и фронту. Требованія къ намъ предъявлялись громадныя. Въ два года, что мы оставались въ школѣ, мы, не говоря ужъ о наукахъ, должны были постичь во всѣхъ тонкостяхъ строевую службу. Офицеръ, только-что выпущенный изъ школы въ гвардію, долженъ былъ знать обязанности не только младшихъ офицеровъ, но и старшихъ, какъ напр. ротнаго командира и даже самого командира батальона... И будьте увѣрены, что юный подпрапорщикъ это зналъ, потому что, прежде чѣмъ быть произведеннымъ въ офицеры гвардіи, онъ подвергался испытанію самимъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

— Его Высочество былъ въ то время командиромъ гвардейскаго корпуса и не пропускалъ ни одного представленія о производствѣ подпрапорщиковъ и юнкеровъ въ офицеры въ гвардію безъ смотра и личнаго испытанія въ знаніи военной службы. На подобный экзаменъ всѣ шли, какъ на страшный судъ. Для этого смотра приво-

дили въ Михайловскій манежъ одинъ изъ гвардейскихъ батальоновъ въ полномъ составѣ и въ полномъ числѣ рядовъ тогдашняго трехшереножнаго пѣхотнаго строя. Великій Князь поочередно ставилъ подпрапорщиковъ на мѣста офицеровъ въ батальонѣ командовать взводами, ротами и поочередно одного изъ подпрапорщиковъ назначалъ командиромъ батальона. И вотъ тутъ-то начинался экзаменъ въ полномъ знаніи строевой пѣхотной службы: какъ командовать частью, какъ умѣть сноровить при эволюціяхъ и построеніяхъ и въ особенности при тогдашнихъ деплоядахъ, которыя въ наше время производились съ замѣчательною быстротою и отчетливостью... однимъ словомъ, экзаменъ былъ нешуточный и заставлялъ дрожать всякаго и нетрусливаго молодца... Послѣ всего вышесказаннаго продолжался экзаменъ по службѣ въ гарнизонѣ, и по службѣ полевой, и въ фундаментальномъ знаніи воинскаго устава. Только при вполнѣ удовлетворительномъ испытаніи подпрапорщики производились офицерами въ гвардію; въ противномъ же случаѣ они отставлялись отъ производства до слѣдующаго года или выпускались офицерами въ армейскіе полки.

Кавалерійскіе юнкера[1]) въ свою очередь требовались на такой же экзаменъ по верховой ѣздѣ и по всей кавалерійской службѣ. Такимъ образомъ, чтобы выйти въ гвардію, нельзя было ни въ какомъ случаѣ миновать страшнаго повѣрочнаго экзамена Великаго Князя... А я чуть было совсѣмъ не попалъ въ гвардію... и только потому, что поѣхалъ разъ на извозчикѣ...

Я долженъ вамъ сказать, что дисциплина въ наше время была очень строгая. Нижнимъ чинамъ воспрещалось ѣздить въ экипажахъ и на извозчикахъ, они должны были каждому встрѣчному офицеру становиться во фронтъ. Исключеній никакихъ не допускалось. Былъ ли то дворянинъ, графъ или князь, въ разсчетъ не принималось; разъ онъ нижній чинъ, онъ долженъ подчиняться всеобщей дисциплинѣ и всѣмъ правиламъ.

Мы, подпрапорщики и юнкера, считались нижними чинами и ѣздить намъ въ экипажахъ не полагалось, тогда какъ кадеты могли пользоваться этимъ удобствомъ, потому что они не числились на дѣйствительной службѣ...

---

[1]) Школа гвард. подпрапорщиковъ и юнкеровъ дѣлилась на 2 части: пѣхотную, которую составляли подпрапорщики, и кавалерійскую, въ которой находились юнкера; впослѣдствіи она была преобразована въ Николаевское кавалерійское училище.

И вотъ я при всей тогдашней строгости преступилъ этотъ законъ военной дисциплины... Впрочемъ, подождите, я вамъ разскажу все по порядку. Я помню этотъ день со всѣми подробностями, какъ-будто это случилось очень недавно; все пережитое мною за эти несчастные сутки и дольше врѣзалось въ мою память, потому что впечатлѣніе было ужъ очень сильное.

Въ одно лѣтнее воскресное утро я отправился въ отпускъ. Большая часть моихъ товарищей—тѣ, которымъ было гдѣ переночевать,—ушли еще наканунѣ; я же, надѣвъ мундиръ Преображенскаго полка, бѣлую портупею съ тесакомъ черезъ плечо и киверъ съ длиннымъ унтеръ-офицерскимъ султаномъ на голову, хотѣлъ было уже выйти изъ училища, какъ вдругъ замѣтилъ, что на дворѣ мороситъ мелкій дождь. Въ такую погоду намъ приказывалось одѣвать въ накидку наши солдатскія шинели; мы это не любили, потому что не считали достаточно элегантнымъ, но дѣлать было нечего: пришлось повиноваться и прикрыть красивый преображенскій мундиръ сѣрою, простою шинелью. Не знаю, какъ теперь, но въ наше время очень строго преслѣдовалось малѣйшее отступленіе отъ формы обмундированія, первый встрѣчный офицеръ сейчасъ же дѣлалъ замѣчаніе и отправлялъ назадъ въ училище. Надо правду сказать, что сами офицеры отъ младшихъ чиновъ до самыхъ старшихъ не позволяли себѣ никакихъ вольностей и строго придерживались установленной формы одежды.

Вышелъ я изъ нашей школы очень рано, и потому не могъ сразу отправиться туда, куда меня неудержимо влекло, т. е. къ моей тетушкѣ Бутурлиной; у нея жила молоденькая, хорошенькая воспитанница моихъ лѣтъ, нѣкто m-lle Ландсбергъ; она-то и была магнитомъ, притягивающимъ меня постоянно на дачу моей тетушки... Но тетушка вставала поздно, раньше двѣнадцати не выходила изъ своей комнаты, и мнѣ, несмотря на все мое нетерпѣливое желаніе, невозможно было явиться туда съ утра.

Я пошелъ въ казармы 1-го батальона Преображенскаго полка, на квартиру моего двоюроднаго брата Потулова, командовавшаго тогда 3-й фузилерной ротой, къ которой я и былъ причисленъ, кромѣ того въ полку служилъ тоже мой родной братъ, жившій съ Потуловымъ на одной квартирѣ. Я часто къ нимъ ходилъ и былъ поэтому знакомъ со всѣми офицерами полка.

Я, конечно, засталъ братьевъ въ такой ранній часъ дома, расположился у нихъ поудобнѣе и сталъ курить трубку за трубкой табаку Жукова — о папиросахъ тогда еще и понятія не имѣли. У насъ въ школѣ курить не дозволялось, и намъ приходилось это дѣлать потихоньку и рѣдко, поэтому мнѣ доставляло

истинное наслажденіе сидѣть, удобно развалившись въ креслѣ, и затягиваться, выпуская дымъ кольцами... Въ разговорахъ время прошло незамѣтно, и я въ часъ дня отправился къ тетушкѣ. Братья тоже хотѣли обѣдать у нея въ этотъ день, но имъ нечего было торопиться, они могли поѣхать на дачу въ экипажѣ; я же долженъ былъ идти пѣшкомъ, да и при томъ мнѣ хотѣлось быть у тетушки задолго до обѣда, чтобы имѣть возможность подольше побыть и поговорить съ m-lle Ландсбергъ.

Мое желаніе исполнилось: я явился къ тетушкѣ за полтора часа до обѣда и высидѣлъ съ нею цѣлыхъ полчаса, послѣ чего она сама отправила меня къ m-lle Ландсбергъ.

— Пойди, поищи ее... сказала она,—она тамъ гдѣ-то въ саду читаетъ.

Я, конечно, не заставилъ себя просить и побѣжалъ въ садъ.

Какъ сейчасъ помню маленькую зеленую скамеечку подъ высокимъ кустомъ распустившейся сирени, отъ которой по всему саду шелъ сильный ароматъ. Тамъ нашелъ я m-lle Ландсбергъ съ какой-то книгой въ рукахъ, и тамъ просидѣли мы вплоть до того момента, когда тетушка прислала насъ звать обѣдать... Мы и не замѣтили, что обѣденный часъ давно пробилъ, что въ гостиной тетушки собралось уже много гостей...

За обѣдомъ насъ, какъ младшихъ, посадили рядомъ, и я, забывъ все на свѣтѣ, весело и оживленно разговаривалъ со своей сосѣдкой. Когда всѣ встали изъ-за стола, ко мнѣ подошелъ мой братъ и сказалъ:

— А ты знаешь, братецъ, что уже 8 часовъ... Ты вѣдь въ школу опоздаешь!..

Я такъ и ахнулъ.

— Какъ, 8 часовъ?

Братъ засмѣялся.

— Посмотри на часы, коли не вѣришь,—отвѣчалъ онъ.—Я знаю, какъ время летитъ въ отпуску... А только ты берегись: начальство шутить не любитъ!

Въ наше время мы должны были являться въ школу къ 9-ти часамъ, то-есть до пробитія вечерней зори, если же кто запаздывалъ хоть на 5 минутъ, тотъ или подвергался аресту, или былъ лишенъ отпуска въ слѣдующее воскресеніе. Это правило строго соблюдалось, потому что командиръ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, нашъ строжайшій генералъ, баронъ Шлиппенбахъ, жилъ въ самой школѣ, всегда все зналъ и строго бы взыскалъ съ дежурнаго офицера, который снисходительно отнесся бы къ малѣйшему запозданію нашему въ школу.

Вспомнивъ все это, я стремглавъ бросился прощаться съ тётушкой; она, узнавъ, что я рискую опоздать въ училище, предложила мнѣ свою карету, но я наотрѣзъ отказался изъ боязни встрѣтиться съ начальствомъ. Тетка стала уговаривать меня, увѣряя, что никто не всматривается въ сидящихъ въ каретахъ, но я продолжалъ отказываться.

— Вы только себѣ представьте, тетушка, что вдругъ я встрѣчу Великаго Князя Михаила Павловича,—сказалъ я;—вѣдь тутъ ужъ не мнѣ одному достанется, а пострадаетъ все мое начальство и даже нашъ командиръ школы...

Трудно себѣ представить, какою грозою былъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ для насъ, военныхъ, отъ мала до велика; это могутъ только знать тѣ, кто въ мое время жили и служили!.. Отъ одной мысли, что Михаилъ Павловичъ можетъ самъ поймать меня на мѣстѣ преступленія, я пришелъ въ ужасъ и съ испугомъ сказалъ теткѣ:

— Нѣтъ, тетушка, Боже сохрани меня отъ кареты!!

Всѣ засмѣялись, и я, увѣряя тетушку, что успѣю скорымъ шагомъ добѣжать до школы во-время, откланялся всему обществу.

Я шелъ быстро, не останавливаясь, потому что не встрѣчалъ офицеровъ по дачнымъ улицамъ на островахъ, но все-таки мнѣ до Троицкаго моста оставалось далеко, и я все болѣе и болѣе убѣждался, что къ пробитію вечерней зори я не поспѣю. Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ помѣщалась въ мое время у Синяго моста на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь дворецъ покойной великой княгини Маріи Николаевны, такъ что отъ моста до училища мнѣ тоже оставался еще порядочный кусокъ разстоянія. Я почти бѣжалъ по тротуару, а грустныя мысли такъ и лѣзли въ мою юную голову; я себѣ уже представлялъ, какъ я явлюсь въ школу къ дежурному офицеру и меня сейчасъ же посадятъ въ карцеръ, а что еще хуже—лишатъ отпуска въ слѣдующее воскресенье. Отъ этой мысли мнѣ ужъ совсѣмъ сдѣлалось тоскливо; цѣлыя двѣ недѣли не видѣть m-lle Ландсбергъ, не сидѣть съ ней въ саду подъ пахучей сиренью, показалось мнѣ ужаснымъ, и я рѣшился на отчаянный шагъ.

Какъ разъ мнѣ навстрѣчу ѣхалъ пустой извозчикъ, я его нанялъ везти меня черезъ Троицкій мостъ. Тамъ я думалъ сойти съ дрожекъ и опять пѣшкомъ пробѣжать по Большой Милліонной, черезъ Дворцовую площадь и достигнуть Синяго моста и школы. Я объяснилъ извозчику, что онъ долженъ зорко смотрѣть впередъ и какъ только замѣтитъ офицера, остановиться, предупредить меня и, давъ мнѣ сойти съ дрожекъ, ѣхать шагомъ впередъ и ждать меня. Мой

возница оказался смышленымъ малымъ, онъ сейчасъ же сообразилъ, въ чемъ дѣло, и мы съ нимъ весело покатили по мостовой.

У самаго Троицкаго моста извозчикъ вдругъ остановился и быстро прошепталъ мнѣ:

— Баринъ, военный идетъ!

Я соскочилъ съ дрожекъ и пошелъ навстрѣчу офицеру. Какъ сейчасъ вижу его передъ собой: это былъ полковникъ путей сообщенія въ серебряныхъ эполетахъ и трехъугольной шляпѣ съ чернымъ султаномъ, онъ велъ подъ руку молодую даму. Я, какъ полагалось тогда, сталъ во фронтъ и, пропустивъ полковника мимо себя, догналъ своего извозчика, вскочилъ въ дрожки и поѣхалъ дальше. Не скажу, чтобъ я находился тогда въ спокойномъ состояніи духа; наоборотъ, я все время вглядывался тревожно въ даль, боясь увидѣть офицера. Въ наше время можно было на большомъ разстояніи отличать офицеровъ, потому что они всѣ носили трехъугольныя шляпы съ султанами, пѣхотные—изъ черныхъ перьевъ, кавалерійскіе—изъ бѣлыхъ. Эти султаны были видны издали...

Мой извозчикъ не дремалъ и поглядывалъ во всѣ стороны. Мостъ мы проѣхали благополучно и должны были уже въѣхать на мостовую, какъ вдругъ извозчикъ, внезапно обернувшись, испуганно проговорилъ:

— Сударь, два генерала насъ догоняютъ въ коляскѣ; прикажете остановиться?!

Я обомлѣлъ отъ страха... взглянулъ назадъ и увидѣлъ генерала Шлиппенбаха съ другимъ генераломъ, сидѣвшихъ въ нагонявшей насъ коляскѣ... Совершенно растерявшись, я крикнулъ извозчику:

— Пошелъ скорѣй съ моста налѣво, къ дому Гоголя!

Признаюсь, я думалъ соскочить съ дрожекъ у дома Гоголя и улизнуть въ калитку... Мой возница хлестнулъ лошадь, но было поздно: коляска перерѣзала намъ дорогу, и кучеръ крикнулъ:

— Остановись, извозчикъ!

Мы стали. Я выскочилъ на мостовую и вытянулся въ струнку. Сердце мое колотилось въ груди, безсвязныя мысли мелькали въ головѣ...

Баронъ Шлиппенбахъ подозвалъ меня ближе; я подошелъ къ нему и, держа руку у козырька, смотрѣлъ на генераловъ, какъ на колокольню; тогда была мода дѣлать высокіе экипажи, и мнѣ, стоявшему на землѣ, приходилось высоко подымать голову, чтобы смотрѣть въ лицо своему разгнѣванному начальству. Генералъ нѣсколько минутъ въ упоръ смотрѣлъ на меня своими блестѣвшими отъ бѣшенства, какъ мнѣ казалось, глазами; наконецъ, онъ рѣзко произнесъ:

— Что вы дѣлаете, недостойный подпрапорщикъ? Какъ вы осмѣливаетесь преступать военный уставъ и ѣздить на извозчикѣ, когда вы должны на каждомъ шагу отдавать честь офицерамъ? Вы—негодный подпрапорщикъ! Я васъ вышвырну изъ школы! Завтра же доложу о васъ Великому Князю, и вамъ не видать гвардіи, какъ своихъ ушей!.. Ступайте въ школу, явитесь дежурному офицеру и чтобъ онъ сейчасъ посадилъ васъ въ карцеръ!

Лошади загремѣли копытами, коляска проѣхала мимо меня, а я все стоялъ, не двигаясь съ мѣста. Затѣмъ, быстро повернувшись, я скорымъ шагомъ пошелъ къ школѣ. Я былъ въ полномъ отчаяніи: мнѣ казалось, что для меня все было кончено; въ гвардію я не попаду, выкинутъ меня въ армію съ тѣмъ же унтеръ-офицерскимъ званіемъ—и прощай моя карьера! Кромѣ всѣхъ этихъ грустныхъ мыслей, меня еще мучило чувство обиды, вызванное грубымъ тономъ барона Шлиппенбаха и его словами: вы—негодный прапорщикъ!—Точно онъ хотѣлъ сказать: вы—негодяй! — Я самъ на себя злился, что смолчалъ, что не протестовалъ, какъ это сдѣлалъ однажды нашей же школы юнкеръ л.-гв. Измайловскаго полка, князь Урусовъ. Онъ не вынесъ грубой брани Шлиппенбаха и сдѣлалъ движеніе, точно хотѣлъ броситься на командира; это было въ присутствіи цѣлой роты... Его сейчасъ же отвели подъ арестъ, черезъ нѣсколько дней исключили изъ школы, перевели на Кавказъ и чуть-ли не разжаловали до выслуги... Да, въ наше время строго карали дѣйствія, противныя военной дисциплинѣ... У князя Урусова были большія связи: его родной братъ былъ флигель-адъютантомъ у Государя Николая Павловича, а отецъ занималъ одну изъ высшихъ должностей; но въ старое время не смотрѣли ни на личность, ни на званіе, ни на связи. Поступокъ князя Урусова являлся въ глазахъ нашихъ, т. е. подпрапорщиковъ и юнкеровъ, чѣмъ-то доблестнымъ, благороднымъ... и вотъ меня мучило, что я не поступилъ, какъ онъ, что я безропотно выслушалъ брань своего начальника. Самолюбіе мое страдало... Мучительно тоже было для самолюбія ожидать дальнѣйшія послѣдствія этой непріятной встрѣчи. Недавно бывшій у насъ случай съ княземъ Барятинскимъ невольно вспомнился мнѣ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ.

Я былъ очень хорошъ съ Барятинскимъ, хотя онъ былъ кавалерійскимъ юнкеромъ и жилъ въ среднемъ этажѣ, тогда какъ мы, пѣхотные, занимали верхній этажъ; намъ позволялось въ свободное отъ занятій время посѣщать другъ друга, что мы постоянно и дѣлали. Кромѣ того, насъ соединяли на одинъ общій урокъ математики, который длился два часа. Математика нагоняла скуку и на пѣхоту и на кавалерію, и многіе изъ насъ выходили потихоньку

изъ класса и курили украдкой въ печку. У этой печки мы часто сталкивались съ Барятинскимъ и понемногу сошлись. Это былъ добрый малый, очень любившій попить и покутить. Ему это легко было дѣлать, потому что онъ обладалъ большими средствами. И вотъ въ одинъ изъ праздничныхъ дней, когда мы всѣ были въ отпуску, князь Барятинскій съ товарищами такъ кутнули на этотъ разъ, что вышелъ скандалъ, который огласился по всему Петербургу. Вслѣдъ за этимъ, какъ только мы вернулись изъ отпуска, командиръ велѣлъ собрать всѣхъ, и пѣхотную роту, и кавалерійскій эскадронъ внизу, въ учебной залѣ. Этотъ необыкновенный сборъ предвѣщалъ, конечно, большую бурю.

Въ назначенный часъ насъ всѣхъ построили въ большой учебной залѣ, одну часть противъ другой; пѣхота въ 3-хшереножномъ строю, а кавалерія—въ двѣ шеренги. При частяхъ находились наши ближайшіе начальники. Наши офицеры суетились, волновались, шептались... Наконецъ, раздалась команда: смирно!—и въ залу вошелъ Шлиппенбахъ. Какъ только онъ вошелъ, къ нему стали подходить съ рапортомъ сначала дежурные офицеры, а потомъ и подпрапорщики и юнкера. Видъ командира былъ крайне суровый: онъ не сказалъ ни одного слова офицерамъ, затѣмъ сухо поздоровался съ нами, пѣхотными, а съ юнкерами совсѣмъ не поздоровался и вызвалъ на середину Барятинскаго и кутившихъ съ нимъ товарищей...

Что ужъ тутъ было — трудно описать. Это былъ такой взрывъ бѣшенства, какой, къ счастью, рѣдко приходится видѣть. Особенно памятны мнѣ слова, сказанныя командиромъ Барятинскому:

— Вы не князь, а—грязь! Я въ гвардію, въ офицеры васъ не выпущу!

И, дѣйствительно, Шлиппенбахъ сдержалъ свое слово: Барятинскій въ гвардію не попалъ. Къ слову скажу, что этотъ самый кн. Барятинскій былъ впослѣдствіи главнокомандующимъ на Кавказѣ и за плѣненіе знаменитаго Шамиля былъ возведенъ въ фельдмаршалы...

Только-что описанная мною сцена ясно рисовалась въ моемъ воображеніи, пока я шагалъ по Милліонной, по направленію къ училищу. Я уже представлялъ себѣ, какъ опять соберутъ всю школу въ учебную залу, какъ бар. Шлиппенбахъ вызоветъ меня на середину и начнетъ разносить... Отъ этой мысли у меня остановилось дыханіе...

Между тѣмъ, я подошелъ къ училищу и, конечно, очень опоздалъ,—былъ уже десятый часъ. Я явился дежурному офицеру и сію же минуту былъ отправленъ подъ арестъ.

Затѣмъ я просидѣлъ въ карцерѣ шесть дней, изъ которыхъ двое

сутокъ—на хлѣбѣ и на водѣ, безъ всякой другой пищи. Я былъ въ отвратительномъ состояніи духа, ожидая все время, что вотъ-вотъ меня потребуютъ въ учебную залу, гдѣ будетъ собрана вся школа. Наконецъ, въ субботу къ вечеру защелкалъ замокъ въ дверяхъ, и въ карцеръ вошелъ нашъ фельдфебель. Сердце у меня упало... Фельдфебель объявилъ мнѣ, что ротный командиръ приказалъ освободить меня изъ-подъ ареста, но что меня не будутъ пускать въ отпускъ цѣлый мѣсяцъ. Я вздохнулъ съ облегченіемъ... Затѣмъ фельдфебель сообщилъ мнѣ по секрету, что школьное начальство предполагало первоначально исключить меня изъ школы за сдѣланное мною преступленіе по службѣ, но что ротный командиръ и инспекторъ классовъ были противъ этого и отстаивали меня, объясняя мой поступокъ большою молодостью; я былъ дѣйствительно моложе чуть-ли не всѣхъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ нашей школы. Это обстоятельство смягчило Шлиппенбаха, и онъ согласился не исключать меня, но оставить на второй годъ во 2-мъ классѣ, а это имѣло вліяніе не только на мое производство въ офицеры, но и на дальнѣйшія производства въ слѣдующіе чины: всѣ мои товарищи стали выше меня по старшинству.

Дѣдушка замолчалъ, подумалъ съ минуту и прибавилъ:

— Да, вотъ какая строгость была въ наше время! Но зато военная служба переработывала, такъ сказать, переформировывала молодыхъ людей, пріучала ихъ къ безпрекословному повиновенію старшимъ и тѣмъ впослѣдствіи подготовляла офицеровъ самостоятельныхъ, пригодныхъ и способныхъ управлять воинскою частью, потому что старая истина: чтобы умѣть командовать, надо умѣть повиноваться—неопровержима, и ее слѣдуетъ помнить во всякое время—старое и новое.

А. К.

Мои воспоминанія.

Въ 1862 году я былъ назначенъ на должность мирового посредника 1-го участка Казанской губерніи, Лаишевскаго уѣзда, въ каковой должности прослужилъ девять лѣтъ. Устроивъ волости, я убѣдилъ крестьянъ избрать дѣльныхъ людей на должности крестьянскаго самоуправленія. Въ настоящее время, на 82 году своей жизни, живя на покоѣ въ деревнѣ, я прочелъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1908 годъ статью: „О безпорядкахъ, бывшихъ въ селѣ Безднѣ, Спасскаго уѣзда, и о принятыхъ мѣрахъ правительствомъ къ прекращенію безпорядковъ и наказанію виновныхъ“. Это происходило до назначенія мировыхъ посредниковъ, вслѣдъ за объявленіемъ манифеста 19-го февраля 1861 года, объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. При назначеніи меня на должность посредника, все было спокойно во ввѣренномъ мнѣ участкѣ до тѣхъ поръ, пока не наступилъ срокъ введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ въ селеніяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Съ наступленіемъ назначеннаго срока, я прибылъ въ Венетинскую волость въ сельцо Янасалы, помѣщицы Чемезовой, предъявилъ на собранномъ сходѣ уставную грамоту, представленную помѣщицей, вычиталъ таковую, и копію съ оной сталъ вручать сельскому старостѣ, но староста отъ принятія таковой отказался, вслѣдствіе угрозъ и запрещенія всего схода; отрѣшивъ старосту отъ должности за неисполненіе законныхъ требованій посредника, я назначилъ другого старосту, но сходъ продолжалъ буйствовать и запрещалъ принимать копію и, наконецъ, самовольно разошелся; я принужденъ былъ уѣхать и немедленно сообщить казанскому военному губернатору — генералу

Казлянинову, о происшедшемъ буйствѣ крестьянъ дер. Янасалъ Распоряженіемъ губернатора, прислана была въ селеніе военная команда, и поручено было лаишевскому исправнику привести крестьянъ къ повиновенію. Встрѣтивъ со стороны крестьянъ серьезное упорство и находя, что полицейскихъ мѣръ недостаточно для достиженія цѣли усмиренія, исправникъ донесъ губернатору, который, въ свою очередь, донесъ министру внутреннихъ дѣлъ Валуеву. Воспослѣдовало предписаніе губернатору: вытребовать удвоенную военную команду для оцѣпленія селенія и лично отправиться въ селеніе Янасалы съ асессоромъ и чиновникомъ губернскаго правленія, при чемъ дано право: непокорныхъ крестьянъ безъ суда ссылать съ ихъ семействами въ Сибирь—на поселеніе. Казанскій губернаторъ, проживъ въ Янасалахъ и исчерпавъ всѣ мѣры, бывшія въ его распоряженіи, сославъ въ Сибирь 27 семействъ на поселеніе, принужденъ былъ донести г. министру внутреннихъ дѣлъ объ этомъ безпримѣрномъ упорствѣ крестьянъ деревни Янасалъ. Предписано было предать полевому суду крестьянъ деревни Янасалъ, рѣшеніемъ коего всѣ наличные крестьяне присуждены были къ наказанію шпицрутенами и къ ссылкѣ въ каторжную работу на четыре года. По утвержденіи сентенціи полевого суда, всѣ крестьяне отправлены были въ гор. Арскъ и заключены въ пересыльный казематъ.

Не могу умолчать о самоотверженномъ поступкѣ волостного старшины Венетинской волости Василія Ермолаева, допущеннаго въ пересыльный казематъ, съ цѣлью убѣжденія крестьянъ покориться и просить помилованія. Въ первую ночь, проведенную старшиною среди осужденныхъ, это не удалось. Между тѣмъ, на слѣдующее утро, по выводѣ осужденныхъ на площадь, четверо были прогнаны сквозь строй и отправлены на каторгу. На слѣдующій день старшинѣ удалось уговорить осужденныхъ, которые по выходѣ на площадь, для продолженія экзекуціи, упали на колѣни и, изъявивъ покорность, просили исходатайствовать помилованіе. Жандармскій полковникъ Ларіоновъ, приводившій въ исполненіе приговоръ полевого суда, остановилъ экзекуцію, сообщилъ губернатору, для донесенія министру внутреннихъ дѣлъ. По всеподданнѣйшему докладу Государю Императору, воспослѣдовало повелѣніе: дѣло прекратить безъ послѣдствій; крестьянъ деревни Янасалъ, наказавъ на площади розгами, въ присутствіи депутатовъ отъ временно-обязанныхъ крестьянъ Лаишевскаго и смежнаго Казанскаго уѣздовъ, водворить въ мѣстожительство. Возвращенные изъ гор. Арска крестьяне приняли уставную грамоту, подписали и заявили желаніе съ издѣльной повинности перейти на оброкъ, а затѣмъ на выкупъ. Составленъ

былъ выкупной договоръ; помѣщица Чемезова отказалась отъ дополнительнаго платежа въ количествѣ 7.000 руб. въ пользу крестьянъ. Волостной старшина Василій Ермолаевъ былъ награжденъ серебряной медалью—„за усердіе“. По прошествіи нѣкотораго времени, сосланные 27 семействъ въ Сибирь на поселеніе прислали по почтѣ на Высочайшее имя прошеніе, съ ходатайствомъ о помилованіи и возвращеніи на родину, но ходатайство крестьянъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было отклонено. Произведенъ былъ семейный раздѣлъ сосланныхъ, имущество ихъ продано съ аукціоннаго торга, вырученныя 1.000 руб. отосланы въ Тобольскій приказъ для выдачи поселеннымъ на казенныхъ земляхъ крестьянамъ, что и послужило матеріальною помощью для устройства ихъ хозяйственнаго быта. Много перенесли невзгодъ и страданій, отъ своего упорства, крестьяне деревни Янасалъ; главный подстрекатель, священникъ села Венеты Евлогіевъ, случайно былъ открытъ: встрѣтивъ сходъ дер. Янасалъ, прибывшій въ волостное правленіе для засвидѣтельствованія рукоприкладства за неграмотныхъ крестьянъ на выкупномъ договорѣ, сталъ настойчиво уговаривать крестьянъ не подписывать договора, при чемъ убѣждалъ не слушать мирового посредника, который ихъ вновь въ крѣпостные обратитъ; волостной старшина Ермолаевъ вмѣшался въ это дѣло, убѣдилъ сходъ не слушать священника Евлогіева, крестьяне на этотъ разъ не послушались убѣжденій Евлогіева, и рукоприкладство было сдѣлано, а мнѣ для свѣдѣнія было старшиной доложено; я, со своей стороны, увѣдомилъ объ этомъ происшествіи частнымъ письмомъ жандармскаго полковника Ларіонова, который распорядился священника Евлогіева отправить въ гор. Казань и по распоряженію казанскаго губернатора онъ препровожденъ былъ при отношеніи къ казанскому архіепископу Аѳанасію; по резолюціи владыки—священнику Евлогію запрещено было священствовать въ селѣ Венетѣ и въ двухъ-недѣльный срокъ, окончивъ дѣла, выѣхать, и затѣмъ не давать ему мѣста въ приходахъ, гдѣ есть временно-обязанные крестьяне. Мѣра эта оказала большую услугу и прекратила навсегда вмѣшательство приходскихъ священниковъ въ дѣла о введеніи въ дѣйствіе положенія 19-го февраля 1861 года.

П. А. Пивинъ.

Страничка изъ исторіи бѣлорусскаго духовенства.

Воспоминанія о протоіереѣ Павлѣ Ивановичѣ Круковскомъ.

Возсоединеніе бѣлорусскихъ уніатовъ, совершенное нѣсколькими представителями западно-русской іерархіи, съ митрополитомъ Іосифомъ Сѣмашко во главѣ, опиралось на сочувствіе наиболѣе сознательныхъ элементовъ мѣстнаго духовенства, священниковъ, работавшихъ въ глуши приходовъ надъ этою вѣковою задачей обновленія и возрожденія народности. Имена этихъ скромныхъ тружениковъ большею частью забыты; изрѣдка напоминаютъ о нихъ случайная литературная замѣтка, выноска на страницѣ старой исторической монографіи, подпись подъ пожелтѣвшимъ отъ времени архивнымъ актомъ, а между тѣмъ, въ этихъ незамѣтныхъ людяхъ громче, чѣмъ въ другихъ, говорила народная совѣсть, билось отзывчивое на нужды народа сердце. Они пережили этотъ историческій моментъ, видѣли зарю обновленія забитаго двухвѣковою неволей народа, привѣтствовали возрожденіе народнаго богослуженія на родномъ языкѣ, этого обычнаго провозвѣстника болѣе широкаго умственнаго движенія среди племени, которое скоро получило и родную школу, и доступную ему русскую книгу, стало равноправнымъ членомъ русской народности.

Нѣсколько чертъ изъ жизни скромнаго духовнаго дѣятеля Бѣлорусскаго края представляетъ предлагаемый вниманію читателя очеркъ. Въ немъ читатель не найдетъ полной картины дѣятельности одного изъ піонеровъ духовнаго обновленія Бѣлоруссіи, но и то немногое, что сохранилось отъ забвенья, можетъ быть не лишено интереса съ точки зрѣнія бытовой. Эти мелкія детали пригодны, какъ краски для болѣе широкихъ картинъ прошлаго нашей окраины.

Павелъ Ивановичъ Круковскій, одинъ изъ старыхъ протоіереевъ, подписавшихъ Полоцкій актъ возсоединенія уніатовъ, провелъ послѣдніе годы своей жизни не въ родномъ западномъ уголкѣ Гродненской губерніи, Брестскомъ уѣздѣ, гдѣ прошла большая часть его служебной дѣятельности, а частью на Жмуди, гдѣ сынъ его былъ городскимъ приходскимъ священникомъ въ Шавляхъ, частью—послѣднія шесть лѣтъ—въ небольшомъ деревенскомъ приходѣ Дружиловичахъ, Пинскаго уѣзда, гдѣ жила его дочь Елизавета, бывшая замужемъ за священникомъ Петромъ Олешкевичемъ. Въ Дружиловичахъ Павелъ Круковскій и умеръ въ началѣ семидесятыхъ годовъ.

Пишущему эти строки внуку Павла Круковскаго неизвѣстно ничего изъ прежнихъ лѣтъ жизни стараго протоіерея. Въ семейныхъ бумагахъ сохранился лишь аттестатъ Павла Круковскаго, выданный Виленскимъ университетомъ, и два печатныхъ извѣщенія Географическаго общества съ выраженіемъ благодарности за свѣдѣнія о климатѣ Гродненской губерніи. Не сохранилось переписки протоіерея; объ утратѣ послѣдней слѣдуетъ пожалѣть, такъ какъ Павелъ Круковскій представлялъ среди мѣстнаго духовенства личность далеко не заурядную, не чуждую духовныхъ интересовъ. Объ этомъ говоритъ подборъ книгъ его библіотеки, довольно большой для того времени. Павелъ Круковскій принадлежалъ къ тому поколѣнію западно - русскаго духовенства, для котораго была вполнѣ доступна русская книга; польскихъ книгъ осталось отъ него немного, преимущественно богословскаго содержанія. Новинки русской церковно-исторической науки, важнѣйшія произведенія проповѣдничества живо интересовали протоіерея; будучи уже преклоннымъ семидесятилѣтнимъ старикомъ, онъ живо интересовался книгами, посвящая нѣсколько часовъ въ день, преимущественно по вечерамъ, чтенію.

Вообще, утрата переписки людей того отдаленнаго времени унесла съ собой немало цѣнныхъ чертъ быта и жизни. Объ этомъ можно судить по сохранившимся въ семействѣ сына Павла Круковскаго, Василія, письмамъ бывшаго профессора Петербургской духовной академіи М. О. Кояловича. Письма эти писаны по-польски Василію Круковскому [1]), бывшему школьнымъ товарищемъ Кояловича по Литовской (Жировицкой?) духовной семинаріи. Наиболѣе цѣнны въ нихъ, конечно, взгляды и впечатлѣнія молодого Кояловича, тогда еще студента Петербургской духовной академіи; впечатлѣнія сѣверной столицы, знакомства съ новыми людьми иной, не польской,

[1]) Василій Круковскій (1829 — 1896 гг.) умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ протоіереемъ Шавльской церкви.

культуры, широкія перспективы общественной и духовной жизни, сравнительно съ бѣдными духовными интересами захолустной Вильны—представляютъ почву, на которой складываются мало-помалу новые, близкіе къ русской народности, взгляды молодого ученаго. Письма эти писаны за четыре года до появленія наиболѣе цѣннаго ученаго труда Кояловича „Литовская церковная унія“ (1859 г.). Очевидно, въ душѣ молодого бѣлорусскаго поповича происходила извѣстная работа; наносное, ослѣплявшее провинціаловъ внѣшнимъ блескомъ, вліяніе польской культуры должно было уступить мѣсто инымъ, болѣе глубокимъ, выходившимъ изъ родной, общерусской почвы, теченіямъ. Много мѣста отведено въ письмахъ личной жизни, но струя народности, можетъ быть натолкнувшая Кояловича на его важную не для одной мѣстной исторіи тему, пробивается въ письмахъ довольно явственно. Эту сторону духовнаго развитія молодого историка слѣдуетъ отмѣтить; ею можно объяснить тѣ фазисы его міросозерцанія, которые привели его отъ объективно-историческаго метода къ тѣмъ антиисторическимъ построеніямъ въ его „Исторіи русскаго самосознанія“, малая научная цѣнность которыхъ хорошо выяснена Костомаровымъ въ его рецензіи указанной книги, помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы“.

Протоіерей Павелъ Круковскій, не выѣзжавшій никогда за предѣлы родного края, не видѣвшій культурныхъ центровъ выше Вильны, представляетъ личность поучительную въ томъ отношеніи, что слѣды русскаго вліянія отражаются на ней, такъ сказать, яснѣе, благодаря этимъ изолирующимъ элементамъ старопольской культуры, проводимой и Виленскимъ университетомъ и вообще складомъ бѣлорусской жизни до 1863 года, когда польская книга, польская рѣчь, польскіе нравы и обычаи господствовали на всемъ протяженіи Бѣлоруссіи, заглушая тѣ слабые ростки народности, которые подготовили и дали успѣхъ культурной работѣ лучшихъ людей края. У скромныхъ сподвижниковъ великаго западно-русскаго митрополита, очевидно, сильно горѣла искра любви къ родному краю, къ его насущнымъ духовнымъ нуждамъ. Съ этой точки зрѣнія нужно разсматривать и тѣ немногочисленные, но прочные слѣды вліянія русской мысли, которые медленно пролагали себѣ путь въ души этихъ лучшихъ людей Бѣлоруссіи. Не слѣдуетъ забывать, что немало мужества нужно было имѣть въ то отдаленное время, чтобы читать русскую книгу, свободно высказывать свои взгляды въ пользу русской народности. Изъ біографіи Сѣмашко мы знаемъ, какое враждебное отношеніе вызывала въ польскомъ обществѣ самая невинная русская книга въ рукахъ представителя православнаго духовенства. Извѣстно, что многія видныя лица высшаго западно-

русскаго духовенства, напримѣръ, ученый славистъ Бобровскій, были людьми польской культуры, безраздѣльно отдавая ей свои симпатіи, поддерживая вліяніемъ своей личности ея престижъ среди мѣстнаго православнаго духовенства.

Жена Павла Круковскаго на 20 лѣтъ пережила его; она умерла въ началѣ девяностыхъ годовъ, въ возрастѣ 102 лѣтъ. Пишущему эти строки пришлось видѣть тщедушную, но замѣчательно бодрую старушку за четыре года до ея смерти (въ 1887 году). Преклонные годы не убили въ ней ни бодрости, ни живости характера, ни ясности мысли. Въ головѣ Маріи Ивановны Круковской вмѣщался, можно сказать, цѣлый бытовой архивъ старины, которую она бережно хранила. Много живыхъ разсказовъ, весьма цѣнныхъ для подробной біографіи митрополита Іосифа Сѣмашко, унесла въ могилу эта старушка. Митрополитъ Іосифъ любилъ Павла Круковскаго и, при объѣздахъ епархіи, останавливался въ Каменцѣ, гдѣ священствовалъ Павелъ Круковскій, подолгу бесѣдовалъ съ этимъ поборникомъ русскихъ тенденцій, любившимъ и умѣвшимъ говорить, чувствовать и мыслить по-русски. Въ библіотекѣ Павла Круковскаго сохранился печатный экземпляръ рѣчей митрополита Іосифа съ собственноручною надписью автора („доброму служителю православной церкви“). Эта черта вниманія говоритъ о томъ уваженіи, которое представитель мѣстной православной іерархіи питалъ къ одному изъ рядовыхъ тружениковъ. Конечно, со стороны такого свѣтлаго ума и знатока людей, какимъ былъ митрополитъ, это вниманіе было вызвано несомнѣнно качествами ума и характера протоіерея. Изъ семейныхъ разсказовъ сына Павла Круковскаго и его невѣстки обрисовывается симпатичными чертами личность этого старика, наблюдательнаго и умнаго, сдержаннаго и настойчиваго, постояннаго въ своихъ привязанностяхъ и симпатіяхъ. Въ немъ замѣчалась одна особенно цѣнная черта—стремленіе избѣгать всего мелочнаго, всякихъ житейскихъ дрязгъ, встрѣчать молчаніемъ попытки унизить въ его глазахъ кого-либо, не только лицо, ему извѣстное, но даже совершенно постороннее. „Не можешь говорить о комъ-нибудь хорошо, лучше молчи; не хули, не унижай человѣка. Этимъ ты унизишь только самого себя“, нерѣдко говаривалъ онъ по поводу даже невинныхъ пересудовъ, столь обычныхъ въ уѣздной жизни.

Конечно, этотъ сдержанный человѣкъ, въ глухомъ захолустьи передумавшій не одну крѣпкую думу, шедшій навстрѣчу новой жизни, сблизившійся съ русскимъ общественнымъ и художественнымъ словомъ, долженъ былъ въ извѣстной степени импонировать тѣмъ, что было въ немъ честнаго, свѣтлаго и живого. Это обна-

руживалось въ бесѣдахъ съ тѣми умными выходцами изъ русскихъ губерній, которые для пытливаго туземца являлись живыми голосами коренной, могучей и широкой народности. Многое въ жизни Великороссіи должно было плѣнять стараго протоіерея: и болѣе интенсивный ростъ духовныхъ интересовъ, и симпатичныя, открытыя черты народной личности, и роль духовенства, высокая и важная по идеѣ. Все, что дѣлаетъ симпатичными проявленія русскаго духа, раскрывалось передъ глазами вдумчиваго и умнаго протоіерея. Особенно любилъ онъ бесѣдовать съ Вадимомъ Денисовичемъ Давыдовымъ, сыномъ поэта-партизана двѣнадцатаго года. Вадимъ Давыдовъ занималъ мѣсто начальника штаба дивизіи, расположенной въ Шавельскомъ уѣздѣ по случаю польской смуты 1863 года. Образованный и умный офицеръ, происходившій изъ коренного русскаго рода, могъ сообщить протоіерею много интереснаго, между прочимъ изъ области умственнаго движенія, охватившаго тогда русское общество. Чутко прислушивался старикъ къ новымъ рѣчамъ, угадывая въ нихъ то, къ чему онъ и его земляки стремились въ теченіе долгихъ лѣтъ, настойчиво преодолѣвая и косность среды и тѣ препятствія, которыя ставила дѣлу возрожденія народности чуждая культура.

Тѣ же мысли развивалъ онъ въ бесѣдахъ съ своимъ сыномъ, молодымъ священникомъ. Старый протоіерей стоялъ за духовные интересы этой бѣдной паствы; замѣняя сына въ разъѣздахъ по приходу—сынъ былъ и законоучителемъ гимназіи—онъ имѣлъ возможность познакомиться съ положеніемъ этихъ заброшенныхъ на далекую окраину русскихъ людей, бѣдныхъ поселенцевъ, лишенныхъ той опоры, которую даетъ простому человѣку сознаніе племенного единства, житейская сплоченность, живое преданіе старины. Много горькихъ думъ, тяжелыхъ впечатлѣній выносилъ отзывчивый старикъ изъ этихъ случайныхъ поѣздокъ и дѣлился ими съ близкими людьми, горько сѣтуя на малое вниманіе къ нуждамъ бѣднаго люда.

Въ послѣдніе годы жизни стараго протоіерея тянуло на родину, на старыя мѣста, въ родную Бѣлоруссію. Онъ хотѣлъ провести послѣдніе годы въ той обстановкѣ, среди которой прошло лучшее время его жизни, хотѣлъ сложить старыя кости въ землѣ отцовъ. Извѣстіе о смерти митрополита Іосифа Сѣмашко глубоко поразило и опечалило старика. Въ бѣлорусскомъ архипастырѣ старый протоіерей чтилъ духовнаго вождя своего племени; онъ понималъ, какъ важны для неустроеннаго, призваннаго къ новой жизни края нѣсколько лишнихъ лѣтъ разумной, проникнутой глубокой любовью къ родному народу дѣятельности. Для мѣстнаго духовенства, руководимаго просвѣщеннымъ іерархомъ, открывалось широкое поле

плодотворной работы. „Безъ него, съ тоскою говорилъ старый протоіерей, не подымется къ новой жизни нашъ край! Не будетъ уже въ Бѣлоруссіи такого митрополита; никто не направитъ новое поколѣніе духовенства къ завѣтамъ вѣчной правды, никто не вдохнетъ живой вѣры въ святое дѣло народнаго обновленія...“

Прошло около сорока лѣтъ, и слова стараго протоіерея оказались пророческими.

Адр. Круковскій.

Изъ недавняго прошлаго.

(Бытовые очерки).

Моя мать.

Самое выдающееся мѣсто въ моихъ первыхъ воспоминаніяхъ принадлежитъ моей матери. Это была, по отзывамъ всѣхъ знавшихъ ее, чрезвычайно самобытная и крупная личность; память о ней жива во всѣхъ, встрѣчавшихся съ нею людяхъ.

Живо представляю ее себѣ, какою знала я ее во время моего дѣтства: маленькая, подвижная старушка съ крупными, южно-славянскими чертами лица, большой носъ съ горбинкой; сѣрые глаза красиваго овала, прямо и свѣтло глядѣвшіе на собесѣдника; густые, темные волоса, гладко спускавшіеся на уши и образующіе на затылкѣ огромный узелъ. Одѣвалась она болѣе, чѣмъ просто, даже нѣсколько небрежно, и никакихъ модъ не признавала. Движенія ея были живы и порывисты, лишены всякой аффектаціи и вычурности. Что-то прямое, правдивое было въ ея обращеніи; иногда оно было не лишено нѣкоторой рѣзкости, которая проистекала отъ большой живости характера.

Священный огонь фантазіи жилъ въ ея душѣ до поздней старости и свѣтился во всемъ ея существѣ; въ этомъ состояло все обаяніе ея личности; оттого она, сама оставаясь вѣчно юною, могла сочувствовать молодежи, понимала чуткой, теплой душею увлеченія молодости и откликалась на ея порывы.

Она пользовалась любовью и довѣріемъ молодежи и имѣла на нее сильное вліяніе. Помню я, какъ во время первыхъ университетскихъ смутъ къ намъ въ деревню прислали двухъ увлекаю-

щихся юнцовъ; мать моя горячо съ ними бесѣдовала, убѣждала, успокаивала ихъ и потомъ нѣсколько лѣтъ оставалась съ ними въ перепискѣ.

Впослѣдствіи, будучи въ городѣ, она сблизилась съ ихъ семьями, а когда одинъ изъ нихъ заболѣлъ и умеръ, она ѣздила къ матери его, и онѣ вмѣстѣ оплакивали его. Да, сочувствовать чужому горю—это она умѣла, какъ никто другой. Ея прекрасные глаза наполнялись слезами, она забывала свое собственное я и вся поглощалась чужими страданіями.

Но и юморъ и веселость не были ей чужды, и подчасъ она умѣла отъ души смѣяться и шутить.

Чувство красоты лежало въ основѣ ея души. Особенно близка была ей красота природы: горы, зелень лѣсовъ приводили ее въ восторгъ; она писала масляными красками, исключительно, пейзажи.

Растенія и цвѣты пользовались ея особеннымъ вниманіемъ. Она любила сама работать въ саду, не гнушаясь никакой работой, сама копала землю, полола и поливала свои любимыя грядки, холила каждый отдѣльный цвѣтокъ, влагая въ него какъ бы живую душу.

И животныхъ любила она, особенно лошадей и собакъ. У нея много лѣтъ былъ сетеръ-гордонъ, который съ ней никогда не разставался, читалъ ея волю въ ея глазахъ и съ которымъ она вела цѣлыя бесѣды; когда онъ околѣлъ, она его оплакивала, какъ друга, и долго тосковала по немъ.

Такъ ея богатая фантазія одухотворяла все окружающее. Эта яркость чувства, это богатство воображенія составляли прелесть ея личности; но то же качество становилось иногда недостаткомъ, дѣлая ее страстной и несправедливой.

Чудная черта ея характера была любовь къ правдѣ. Несмотря на ея выдающіяся умственныя и душевныя качества, она всегда готова была съ трогательнымъ смиреніемъ признать свою вину и просить прощеніе все равно у кого бы то ни было, у своихъ дѣтей, у прислуги.

Къ своей прислугѣ она относилась очень душевно, входила въ ихъ семейныя дѣла, совѣтовала, помогала, защищала обиженныхъ. Отъ насъ требовала, чтобъ мы всегда были учтивы и предупредительны съ служащими намъ и не обременяли ихъ ненужными требованіями.

Она любила человѣчество съ тѣмъ пламеннымъ, мечтательнымъ идеализмомъ, который вырабатывался тогдашнимъ направленіемъ. Достоинство человѣка, его нравственное право на помощь и сочув-

ствіе своего болѣе счастливаго собрата, теплое участіе къ слабымъ и обездоленнымъ — были у ней ни на однихъ словахъ, а выливались въ ея жизни въ цѣлый рядъ человѣколюбивыхъ дѣлъ. Вообще она никогда не останавливалась на голословныхъ растабарываніяхъ, какъ это такъ часто встрѣчается у восторженныхъ и мечтательныхъ людей. Признавъ что-либо за истину, она смѣло и рѣшительно осуществляла свои убѣжденія въ жизни, хотя бы въ ущербъ своимъ личнымъ интересамъ.

Она прекрасно говорила и писала по-французски. Это былъ обычай дѣдовскихъ временъ. Ея современники не умѣли изъясняться правильно на родномъ языкѣ.

Мнѣ не разъ приходилось писать русскія письма за моихъ тетокъ. Но она опередила свой вѣкъ и бойко владѣла русскимъ словомъ и письмомъ [1]). Она очень интересовалась литературой, знала наизусть Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова, читывала и Герцена и, будучи за границей, выписывала „Колоколъ“. Мой отецъ, будучи женихомъ, своей рукой списалъ всего Демона, тогда запрещеннаго цензурой, и подарилъ его своей невѣстѣ въ переплетѣ изъ фіолетоваго бархата. Помню изъ своего дѣтства, какъ мать часто цитировала цѣлыя сцены оттуда.

Знала она даже много анекдотовъ изъ частной жизни обоихъ поэтовъ, тогда современныхъ, и даже товарищей ея братьевъ и знакомыхъ. Сужденія ея о литературѣ имѣли много самобытнаго; никакихъ критиковъ она не признавала и судила только по своему индивидуальному чувству, страстному, часто одностороннему, но всегда созданному своимъ собственнымъ мышленіемъ.

Новое теченіе ей было совершенно непонятно и несимпатично. Реалистическое направленіе должно было ей остаться чуждымъ и по ея воспитанію и по складу ея ума. „Война и миръ“ вызывало въ ней только негодованіе; ей чудилось въ немъ униженіе любимыхъ національныхъ героевъ и высокаго народнаго эпоса, эпохи самопожертвованія и беззавѣтной любви къ родинѣ. Не говорю уже о Достоевскомъ. Онъ казался ей чѣмъ-то ужаснымъ и безнравственнымъ, и я долго не смѣла взять въ руки его сочиненій подъ впечатлѣніемъ ея взгляда на этого писателя, ставшаго позже моимъ учителемъ жизни.

Любимый предметъ ея чтенія была исторія, преимущественно отечественная. Любовь къ родинѣ, страстная, мечтательная, была самымъ сильнымъ ея чувствомъ и осталась таковымъ до конца, проявляясь даже въ послѣднемъ бредѣ умирающей.

---

[1]) Хотя о русской грамматикѣ не имѣла ни малѣйшаго понятія.

Отечественные герои: Суворовъ, Александръ I, Кутузовъ ее увлекали. Она съ волненіемъ и восторгомъ читала намъ Отечественную войну Данилевскаго, Восточную войну Богдановича, Царствованіе Александра I Шильдера; она копила деньги и отказывала себѣ во всемъ, чтобъ пріобрѣсти эти дорогія изданія, часто повторяя, что они должны быть въ каждомъ русскомъ домѣ, и настойчиво приглашала и внуковъ своихъ къ изученію родной старины.

Подлѣ отечественной ее особенно интересовала французская исторія, преимущественно время революціи.

Она читала Тьера, Зибеля, Тэна, охотно сравнивала французскую революцію съ англійской, встрѣчая какія-нибудь черты схожія съ нашимъ направленіемъ, качала головою и съ горемъ повторяла: Боже, Боже, какъ это похоже на то, что дѣлается у насъ.

Любила она разсказывать о времени Севастопольской кампаніи, о подъемѣ духа, охватившаго общество, о глубокомъ горѣ и унынiи при нашихъ пораженіяхъ, о геройской готовности умирать за родину; разсказывала объ Императорѣ Николаѣ, котораго рыцарскій характеръ исполнялъ ее восхищенія; разсказывала, какъ онъ цѣлыми часами ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету, ожидая курьера, или простаивалъ на молитвѣ, тоскливо ожидая вѣстей. А тогда вѣсти доходили до Петербурга не такъ, какъ теперь: курьеръ въ телѣгѣ скакалъ изъ Крыма восемь дней, не отдыхая нигдѣ, останавливаясь только, чтобы перепречь лошадей. Такъ мой дядя пріѣхалъ послѣ сраженія при Альмѣ и за эту форсированную поѣздку поплатился здоровьемъ всей жизни.

— И вотъ, говорила она, однажды докладываютъ Государю курьера. Была уже ночь.—Ввести,— приказываетъ Государь.—Ну, что?—трепетно спрашиваетъ онъ вошедшаго. „Побѣда, Ваше Величество!“ говоритъ на этотъ разъ курьеръ, и, рыдая, падаетъ Государь въ прахъ предъ иконой.

На этомъ мѣстѣ старушка каждый разъ заливалась слезами.

Разсказывала она о смерти Николая I, угасшаго отъ глубокой тоски; была она у гроба, поклонилась его царственнымъ останкамъ. Вообще, къ Царской семьѣ питала она чувство горячей привязанности. Отецъ ея, братья служили своимъ Государямъ и всѣ искренно были преданы своимъ Монархамъ. Съ любовью отзывалась она объ ихъ искренности, гуманности, любви къ Россіи. Особенно тепло относилась она къ Императору Александру III. Ея братъ былъ его воспитателемъ, она знала его лично и охотно, съ жаромъ говорила о его высокихъ нравственныхъ качествахъ, о его простотѣ, строгомъ исполненіи обязанности и чудной семейной жизни. Говорила она такъ же краснорѣчиво, какъ писала. Слогъ ея имѣлъ

часто нѣчто патетическое. Много тогда читали романовъ: выражались часто очень вычурно, и общая манера была не лишена шаржировки; но моя мать обладала такой яркой фантазіей и такимъ сильнымъ чувствомъ, что у ней пафосъ былъ совершенно натуральнымъ, смягчался даже иногда веселымъ, шаловливымъ юморомъ, и рѣже другихъ впадалъ въ слащавую сантиментальность.

Она была очень религіозна, но не очень точно придерживалась православія, обряды котораго подвергала нерѣдко критикѣ. Часть ея семьи была протестантская, да и будучи за границей, она часто съ удовольствіемъ слушала протестантскихъ проповѣдниковъ, а потомъ пріобрѣла ихъ сочиненія и перечитывала ихъ. Когда мы живали подолгу въ деревнѣ, гдѣ церковь была за двѣнадцать верстъ, она по воскреснымъ днямъ читала съ нами Евангеліе и какую-нибудь изъ этихъ проповѣдей, преимущественно французскихъ, такъ какъ нѣмецкимъ языкомъ владѣла плохо. Живя въ городѣ, она любила ходить въ церковь православную, любила пасхальную заутреню, крестопоклонную всенощную и великопостныя службы.

И откуда почерпнула она богатство мысли и теплоту чувствъ? Какія обстоятельства благопріятствовали развитію этой многосторонней натуры? Когда узнаешь ея дѣтство и молодость и видишь, какъ мало способствовали условія къ ея развитію, только диву даешься и спрашиваешь себя: откуда у ней это?

Ея дѣтство и молодость.

Она происходила изъ древняго дворянскаго рода, вышедшаго нѣкогда изъ Сербіи; отъ этого и южный типъ, сказывающійся въ орлиномъ носѣ и крупныхъ чертахъ лица. Отецъ ея былъ чѣмъ-то при дворѣ Екатерины и Александра I. Во всякомъ случаѣ, онъ участвовалъ въ русскомъ посольствѣ при дворѣ несчастнаго Людовика XVI. Еще теперь въ семьѣ хранятся крупные аметисты чудной воды, которыми украшенъ былъ его парадный кафтанъ при этомъ случаѣ. Воспитанъ онъ былъ какимъ-то французскимъ аббатомъ; человѣкъ онъ былъ чрезвычайно одаренный, мистикъ и даже массонъ. Въ складѣ ума, эксцентричности, страстности моя мать очень походила на него. Вторая его жена, моя бабушка, была иностранка, воспитанная въ Россіи. Она получила тщательное образованіе и сама много занималась воспитаніемъ своихъ многочисленныхъ дѣтей; но мужъ, нѣжно любившій ее, требовалъ ея присутствія и участія въ дѣлахъ, такъ что она должна была много предоставлять ихъ нянькамъ и гувернанткамъ, которыхъ, по обычаю

того времени, было много. „Мои бѣдныя дѣти, пишетъ она, слишкомъ предоставлены прислугѣ, но мужъ мой постоянно нуждается въ моей помощи".

Кругъ знакомыхъ и друзей ихъ составляли тѣсный кружокъ, собиравшійся разъ въ недѣлю, съ цѣлью обсужденія разныхъ умственныхъ и нравственныхъ вопросовъ. Тема задавалась кѣмъ-нибудь изъ присутствующихъ, и къ слѣдующему разу каждый изъ членовъ кружка приносилъ письменный отвѣтъ. Все это, конечно, велось и устно, и письменно на французскомъ языкѣ, который тогда составлялъ языкъ образованнаго общества. Вопросы ставились очень разнообразные и вытекали, очевидно, изъ переживаемаго.

Вотъ, напримѣръ, нѣкоторыя изъ заданныхъ темъ:

Какъ легче узнать человѣка: въ обыденной ли жизни или въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ? Какая ваша любимая наука? Какъ можно легче всего достичь счастья? Кто надежнѣе въ добродѣтели: тотъ ли, который никогда отъ нея не отступалъ, или тотъ, который вновь къ ней обращается? Какой недостатокъ тяжелѣе всего переносить въ человѣкѣ? Какими качествами должна обладать женщина?

Послѣ 12-го года начало всплывать въ русскомъ обществѣ желаніе говорить и писать на родномъ языкѣ, хотя для многихъ это представляло почти непреодолимыя трудности. Этотъ вопросъ былъ поднятъ и на литературныхъ вечерахъ моего дѣда. Кто-то предложилъ писать по-русски. Образчики и французскихъ и русскихъ сочиненій сохранились по сіе время. Прилагаю нѣкоторые изъ нихъ въ концѣ моихъ записокъ.

И отецъ, и мать оба занимались первымъ обученіемъ своихъ дѣтей, при чемъ мать занималась преимущественно старшими дочерьми, отецъ же училъ маленькихъ русской грамотѣ и ариѳметикѣ. Въ методѣ обученія обоихъ родителей сказывается ихъ индивидуальный характеръ и особенности національности. Отецъ, пылкій и нетерпѣливый, за прилежаніе и успѣхъ давалъ шоколадныя лепешки, за невниманіе и лѣнь—щелчка. Мать обучала терпѣливо и систематично, безъ лепешекъ и безъ подзатыльниковъ. Дѣти спорили между собою, у кого лучше учиться: у папеньки, или у маменьки. Вообще же, дѣти относились съ глубочайшимъ, безусловнымъ почтеніемъ къ родителямъ, не допуская ни малѣйшей критики ихъ дѣйствій или сужденій. И впослѣдствіи, какъ мать моя, такъ и ея сестры и братья, вспоминали родителей съ благоговѣніемъ, сохраняя, какъ святыню, малѣйшую вещь, имъ принадлежащую.

Несмотря на то, что отецъ былъ человѣкъ богатый, камергеръ

при Императорскомъ Дворѣ, простота, въ которой они воспитывали свою многочисленную семью, представляетъ контрастъ съ нынѣшними нравами.

Дѣвочки ходили въ ситцевыхъ или кисейныхъ платьяхъ, которыя шились съ большимъ „запасомъ“ и переходили отъ одной къ другой, иногда къ третьей, несмотря на то, что давно полиняло, такъ что выпущенный „запасъ“ оказывался совершенно другого цвѣта, чѣмъ остальное платье. Такъ, существовало и впослѣдствіи жило въ воспоминаніи извѣстное платье съ огромными зелеными узорами, „платье съ огурцами“, которое перешло къ моей матери, какъ четвертой, и ожидалось младшими съ вожделѣніемъ.

Столъ тоже отличался простотой и обиліемъ. Прислуга была своя, крѣпостная; людей было множество; всѣ они были очень дурно одѣты, были грязны и лѣнивы и не имѣли понятія о работѣ.

На лѣто вся семья перекочевывала въ деревню, отстоявшую отъ Петербурга на сто верстъ. Туда посылали впередъ цѣлый караванъ подводъ: поваръ и его помощники, посуда, бѣлье —все тащилось туда. Семью перевозили въ нѣсколькихъ каретахъ: въ первой сидѣли папенька съ маменькой и старшей, любимой дочерью; потомъ дѣвочки со своей гувернанткой, мальчики съ учителемъ, дѣти съ нянькой и кормилицей.

По дорогѣ кормили лошадей, отдыхали и къ вечеру пріѣзжали въ свое родное любимое гнѣздо.

Жизнь въ деревнѣ представлялась дѣтямъ какимъ-то раемъ и еще въ старости вспоминалась съ восторгомъ.

Отецъ, строгій и неприступный въ городѣ, отдавался тутъ семейной жизни. Устраивались катанья на длинныхъ линейкахъ на сѣнокосъ, за грибами. Послѣ обѣда отецъ водилъ дѣтей въ грунтовой сарай, гдѣ имъ позволялось наѣдаться вдоволь, только подъ условіемъ, чтобы не уносить съ собой. По вечерамъ отецъ затѣивалъ общія игры въ огромномъ залѣ и принималъ въ нихъ участіе. 1-го августа, въ день престольнаго праздника, вся семья, даже мать-протестантка, ѣхала къ обѣднѣ, а потомъ отправлялась на пирогъ къ сельскому священнику, гдѣ ихъ угощали чаемъ и медомъ съ огурцами. Мать моя любила разсказывать при этомъ анекдотъ о своемъ любимомъ братѣ, рѣзвомъ шалунѣ Васѣ. Онъ съ нетерпѣніетъ ждалъ этого дня, чтобы угоститься огурцами съ медомъ. И вотъ однажды, когда они сидѣли у батюшки, не подали за чаемъ ни того, ни другого. Подождавъ напрасно, Вася скромно спросилъ: „Батюшка, что ваши пчелки, какъ поживаютъ, хорошо ли работаютъ?“—Благодарить Бога, отлично,—отвѣчалъ священникъ. „А огородъ вашъ удался ли, много ли у васъ уродилось огурчиковъ?“ —

продолжалъ маленькій дипломатъ. — О, да, много! Мать-попадья, вели подать дорогимъ гостямъ меду и огурцовъ,—сказалъ батюшка. Отецъ строго посмотрѣлъ на Васю. — За то, что ты посмѣлъ спросить,—сказалъ онъ ему тихо, — ты не получишь ни того, ни другого.—И Вася, опустивъ глаза, долженъ былъ отказаться отъ желаннаго угощенія и терпѣть Танталовы мученія, при видѣ удовольствія, съ какимъ другія дѣти уписывали любимое лакомство.

Въ этомъ вольномъ, счастливомъ житьѣ въ деревнѣ было, очевидно, положено начало любви моей матери къ деревенской жизни. Но недолго длились эти безоблачные дни дѣтства. Умерла заботливая, высокообразованная мать, отецъ женился на другой, и началось сиротское существованіе дѣтей подъ властью француженки, m-elle de Burenne, которая тиранила ихъ, наказывала сурово и ничему не могла обучить, кромѣ французскаго языка. Когда матери моей минуло одиннадцать лѣтъ, умеръ ея отецъ, и мачеха раздала дѣтей, кого по пансіонамъ, кого по институтамъ.

Мать моя и младшая ея сестра, Вѣра, были отданы въ Смольный. Не добромъ вспоминала она о своемъ пребываніи тамъ. Сухое обращеніе съ дѣвицами, плохіе методы преподаванія, дурная пища, стадное отношеніе, не принимающее въ соображеніе личныхъ свойствъ воспитанницъ—вотъ какія впечатлѣнія вынесла она. Ея самостоятельный характеръ сильно страдалъ, она ушла въ себя, никому не открывалась, ни съ кѣмъ не сходилась и осталась чужда классу, исключая одной подруги, дочери французскаго эмигранта, съ которой крѣпко подружилась; эта дружба продолжалась всю жизнь, безъ размолвокъ, безъ недоразумѣній, и кончилась только смертью. Послѣ окончанія курса мать моя была взята одной изъ замужнихъ сестеръ, у которой ей жилось привольно. Но семейный совѣтъ, состоявшій изъ тетки и двухъ старшихъ сестеръ (мачеха окончательно отказалась отъ своихъ падчерицъ и пасынковъ), рѣшилъ, что ей будетъ полезнѣе перейти въ болѣе „систематическія“ руки и, не спрося ея согласія, ее взяли отъ сестры. До старости не могла моя мать простить имъ этого произвола.

Насколько принятые авторитеты уважались безусловно въ то время, видно изъ отношенія взрослыхъ дѣтей къ своей мачехѣ, выказавшей относительно ихъ такую черствость и безсердечность. До конца ея жизни онѣ выказывали ей внѣшній почетъ, называли ее maman, ѣздили и возили своихъ дѣтей поздравлять ее въ день именинъ. Тетка, взявшая ее къ себѣ, повезла ее съ двумя сестрами, Екатериной и Вѣрой, въ Дрезденъ, гдѣ провели онѣ полтора года. Много новыхъ впечатлѣній вынесла моя мать изъ этого времени, хотя и очень страдала она тоской по родинѣ. Она брала уроки жи-

вописи и посѣщала чудную галлерею. Сестры ея занимались музыкой. Мелкій деспотизмъ тетки нѣсколько отравлялъ ей жизнь, но все же ея кругозоръ очень расширился, и она съ удовольствіемъ вспоминала это время.

По возвращеніи въ Россію, всѣ три сестры поселились самостоятельно, подъ покровительствомъ старшаго, женатаго, брата, который, получивъ въ это время огромное наслѣдство, выступилъ впервые патріархомъ семьи, — роль, которую достойно выполнялъ до конца своей жизни. Онъ отдѣлалъ сестрамъ маленькую квартирку въ верхнемъ этажѣ своего дома. Тамъ онѣ могли принимать своихъ гостей, заниматься каждая своимъ любимымъ искусствомъ, брать уроки, однимъ словомъ—онѣ были полными хозяйками. Внизъ онѣ приходили обѣдать, съ невѣсткой выѣзжали въ свѣтъ и дѣлили съ ней обязанности хозяекъ дома, когда у ней были гости. Чрезвычайно деликатная, эта невѣстка всячески старалась способствовать пріятности ихъ жизни и имѣла только одну слабость — желаніе выдать ихъ замужъ. Но никто изъ трехъ не отзывался на ея планы; имъ милѣй всего была ихъ волюшка и жилось такъ весело и хорошо, что женихи и на умъ не шли.

Интересное явленіе, рѣдкое въ то время, представляли эти три дѣвицы. Тогда вся жизнь молодыхъ дѣвушекъ заключалась въ выѣздахъ или усовершенствованіи „dans l'art de plaire“, чтобы показать себя и выбрать жениха. А онѣ шли своей дорогой, увлекались своими интересами, ничуть не смущаясь общими обычаями.

Братья приходили къ нимъ въ гости, проводили у нихъ вечера, принося имъ новинки изъ литературы, устраивали общія чтенія, во время которыхъ моя мать занималась живописью или красивыми работами — вышиваніемъ, вязаніемъ шерстяныхъ одѣялъ и фуфаекъ. Практическая сторона жизни вовсе не касалась ихъ — и такъ и осталась имъ чуждой навсегда.

Средства ихъ были очень неравномѣрно распредѣлены. Каждая изъ нихъ получила отъ отца въ наслѣдство имѣніе въ Новгородской губерніи. Управлялъ ими одинъ изъ братьевъ. Но братья, какъ и онѣ, не отличались практическимъ смысломъ и довольствовались тѣмъ, что получали отчеты управляющихъ и передавали полученные доходы сестрамъ. Иногда денегъ было много, и тогда сестры жили роскошно (по-своему), покупали картины, книги, дѣлали всѣмъ подарки, къ чему имѣли всѣ три большое пристрастіе.

Но бывали и времена скудости; управляющіе извѣщали о неурожаяхъ, о бѣдствіяхъ, которые принимались на-слово. Тогда не было достаточно денегъ, чтобы купить себѣ теплыхъ перчатокъ, и сестры жались и экономничали. Эта неравномѣрная и необдуман-

ная трата денегъ навсегда осталась отличительной общей чертой всѣхъ трехъ сестеръ и моей матери въ особенности. Она умѣла въ тяжелыя времена отказывать себѣ во всемъ, не жалуясь, даже удивительно мало страдая отъ недостатка, но когда наступало время прилива, она тратила много, непроизводительно, но преимущественно удѣляя другимъ отъ своего достатка. Сама на себя тратила немного. Туалетомъ не дорожила, красоту свою ни во что не ставила и впечатлѣніемъ своимъ на людей пренебрегала. Подруга моей матери говаривала про нее: „Le necessaire est du luxe pour elle, mais le luxe lui est necessaire“.

Однажды, лѣтомъ, она съ сестрой Екатериной (въ то время Вѣра уже была замужемъ) и двумя братьями сдѣлала путешествіе въ свое имѣніе. Тутъ проснулась ея любовь къ деревнѣ, зародившаяся въ дѣтствѣ и на время затухшая. Она стала принимать живѣйшее участіе въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ ея брата. Всѣ они восхищались красотой мѣстоположенія, живописными холмами и озерами этой мѣстности. Было положено основаніе красивому барскому дому, въ которомъ суждено было ей впослѣдствіи воспитывать своихъ дѣтей. Разбитъ былъ планъ громаднаго сада и березовой рощи, окружающей его и понынѣ.

Къ этому же времени относится и поѣздка моей матери за границу. Старшій братъ ея долженъ былъ сопровождать одну великокняжескую чету въ ея путешествіи по Италіи. Его жена ѣхала съ нимъ; поѣхала и моя мать.

Ѣхали они не по-нынѣшнему—въ своихъ каретахъ, перемѣняя лошадей, таща съ собою прислугу и громадный багажъ. Но зато имѣлось гораздо болѣе досуга и возможности изучать мѣстность. Самыя интересныя воспоминанія моя мать сохранила о Венеціи, Римѣ и Неаполѣ. Художественная натура ея получила тутъ богатую пищу; но, самобытная и не поддающаяся чужому вліянію, она еще больше вынесла изъ итальянской природы, чѣмъ изъ галлерей, которыя она обязательно посѣщала съ невѣсткой. Она любила разсказывать намъ о дивныхъ мраморныхъ дворцахъ Венеціи, о развалинахъ древняго Рима и о его великолѣпномъ храмѣ. Она привезла оттуда цѣлую коллекцію гравюръ; вѣдь, тогда еще не существовала фотографія, которая такъ дешево и разнообразно знакомитъ насъ теперь съ невиданными мѣстностями. Но на первомъ планѣ запечатлѣлись въ ея памяти: южное небо и море, грозный Везувій, краски итальянскаго пейзажа, нѣжныя и все-таки яркія и теплыя.

Придворная жизнь не привлекла ее, и когда ей было предложено остаться при дворѣ, она отклонила предложеніе. „Мнѣ милѣй

всего моя волюшка", сказала она словами пѣсни. Возвратясь въ Россію, она опять усердно взялась за живопись. Дядя мой былъ назначенъ директоромъ Пажескаго корпуса, а черезъ нѣсколько лѣтъ—воспитателемъ Великихъ Князей. Онъ далъ для своихъ воспитанниковъ рядъ блестящихъ вечеровъ, на которыхъ бывала и моя мать, помогая хозяйкѣ дома занимать гостей. Но блескъ и роскошь свѣта не привлекали ее. Она берегла свои силы на другое поприще.

Замужъ она вышла, очень ужъ не молодая, за человѣка гораздо моложе себя, больного, обреченнаго врачами на короткую жизнь. Вся сила самоотверженной любви, скрывавшаяся въ этой богатой натурѣ, вышла наружу при этомъ случаѣ и нашла себѣ достойное поле дѣйствія. Здоровая, красивая, полная жизненныхъ силъ, она вся отдалась уходу за больнымъ мужемъ, который, благодаря своему счастью, еще на нѣкоторое время встрепенулся, оправился и ожилъ.

Отецъ мой служилъ въ судебной палатѣ и былъ юристомъ до мозга костей. Воспитаніе свое онъ получилъ въ училищѣ правовѣдѣнія. Воспитанники первыхъ выпусковъ носили на себѣ особую печать восторженнаго патріотизма и горячей любви къ своему дѣлу. Они собирались между собою, поддерживали другъ друга въ благородныхъ стремленіяхъ. Они почитали себя носителями правды, защитниками добра и вѣрили въ свое священное призваніе. Интересно читать теперь переписку моего отца со своими товарищами. Теперь семнадцатилѣтній юноша стыдится проявить какое-либо теплое чувство, любовь къ родинѣ, къ другу, къ семьѣ.

Тогдашнія письма клокочутъ горячимъ чувствомъ, сердечныя изліянія правовѣдовъ такъ дѣтски-непосредственны и трогательны.

Мать моя принимала живѣйшее участіе въ ихъ собраніяхъ и интересахъ, не только какъ любезная хозяйка дома, но какъ умная женщина, какъ вѣрный товарищъ восторженныхъ идеаловъ своего мужа.

Лѣтніе вакаты родители мои проводили въ любимой деревнѣ моей матери, которую и отецъ мой страстно полюбилъ. Имѣя много практическаго смысла, онъ принялся за управленіе запущеннаго имѣнія и въ короткое время сдѣлалъ много дѣльныхъ распоряженій, напр. запретилъ безсмысленную рубку лѣсовъ подъ лядины (по-новгородски новины), завелъ хорошій скотъ, выписалъ швейцарца-сыровара. И о крестьянахъ онъ позаботился. Онъ устроилъ въ усадьбѣ школу для крестьянскихъ дѣтей. Родители это не цѣнили и даже слегка противились. Брали мальчиковъ и дѣвочекъ изъ большихъ семей и только послѣ окончанія полевыхъ работъ. Тѣмъ не менѣе

матери плакали о нихъ, какъ о рекрутахъ, и всячески старались отторговать ихъ. Дѣти изъ дальнихъ деревень жили въ дворовой избѣ, брали съ собою изъ дому хлѣбъ, приварокъ же получали даромъ и, конечно, даромъ тоже книги и учебныя пособія. Когда объявлено было освобожденіе крестьянъ, первымъ дѣломъ ихъ была просьба, чтобы тотчасъ же, не откладывая, отмѣнено было обязательное обученіе. Съ неудовольствіемъ тоже принимали они распоряженіе отца моего объ отдачѣ въ ученіе мастерствамъ нѣкоторыхъ мальчиковъ.

Они смотрѣли на подрастающихъ дѣтей, какъ на рабочую силу, которой они хотѣли пользоваться тотчасъ, для себя, не принимая въ соображеніе будущаго. Тѣ, которые еще не кончили ученія, были взяты обратно. На мою память было съ того времени—одинъ горшечникъ, одинъ шорникъ, одинъ кузнецъ, одинъ столяръ. Грамотныхъ же тоже помню не много, человѣкъ десять.

Какая разница съ настоящимъ временемъ! Теперь крестьяне нашей деревни, не имѣя еще земской школы, нанимаютъ на свои средства странствующаго педагога и обучаютъ своихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, которые рвутся, чтобы поступить въ школу. Но не долго длилась полезная дѣятельность моего отца.

Въ 1858 году онъ безнадежно заболѣлъ, потомъ ослѣпъ, и мать моя повезла его за границу, гдѣ она два года ходила за нимъ съ величайшей преданностью, и откуда она привезла его умирающимъ.

Мое дѣтство.

Послѣ смерти отца моего, обѣ семьи приняли сердечное участіе во вдовствѣ моей матери. Братья и сестры моего отца высоко цѣнили самоотверженіе, съ которымъ она ходила за больнымъ. Всѣ старались облегчить ей ея одинокое положеніе.

Одинъ изъ деверей предложилъ ей переѣхать къ нему. Тоже ея старшій братъ пригласилъ ее поселиться въ его домѣ, другой ея братъ желалъ усыновить одну изъ ея дочерей.

Но самостоятельность моей матери взяла верхъ надъ ея любовью къ родственникамъ, и она приняла смѣлое рѣшеніе уѣхать съ нами на постоянное житье въ деревню, для того, чтобы безпрепятственно отдаться нашему воспитанію внѣ всякаго посторонняго вліянія.

При ея общительности, при ея привычкѣ къ обществу и къ комфорту, можно только удивляться этому рѣшенію, и еще больше удивляться тому постоянству, съ которымъ она осталась при немъ,

несмотря на множество затрудненій, которыя она встрѣтила на пути исполненія, и несмотря на ея полную неподготовленность къ практической жизни.

Имѣніе ея лежало вдали отъ центровъ образованнаго міра. Сообщеніе было такое затруднительное, что проходили годы, и никто не заглядывалъ къ намъ. Надо было ѣхать 63 версты до станціи желѣзной дороги, на почтовыхъ лошадяхъ, по пустырямъ, лѣсамъ и болотамъ, по отвратительной дорогѣ, хотя и по очень живописной мѣстности.

Домъ нашъ былъ очень красивъ и просторенъ, устроенъ для широкаго хозяйства и пріема гостей. Онъ стоялъ на возвышенности; вокругъ него расположена была молодая березовая роща, съ южной стороны разстилался огромный лугъ, посреди котораго былъ прудъ съ карасями, окруженный нависшими ивами. Весь паркъ обнесенъ былъ рвомъ и насыпью; вдали, черезъ поля, виднѣлось широкое, красивое озеро.

Службы лежали въ сторонѣ, позади рощи. Прислуга наша состояла изъ крѣпостныхъ и, по обычаю времени, отличалась многочисленностью, неряшливостью и неумѣніемъ. Два кучера для двухъ троекъ лошадей, четыре прачки, для которыхъ еще брали помощницъ, кухарка, судомойка, лакей, двѣ горничныя, весь этотъ штатъ обслуживалъ насъ, т. е. мою мать, насъ, двухъ дѣвочекъ, нашу гувернантку и нашу старушку няню, нѣмку, которая понемногу обратилась въ ключницу и вела внутреннее хозяйство.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что мать моя была очень неприхотлива и требовала очень мало услугъ. Мы тоже были воспитаны въ большой простотѣ, сами одѣвались и причесывались и не тревожили нашихъ горничныхъ; хотя онѣ были крѣпостныя, но отъ насъ требовалось ласковое и учтивое съ ними обхожденіе. Я еще помню, какъ была наказана за какое-то грубое слово, сказанное горничной.

Но вся наша жизнь скоро потерпѣла огромный переворотъ. Освобожденіе крестьянъ сильно пошатнуло благосостояніе нашей матери. Все ея имущество состояло въ имѣніи, красивомъ и большомъ, но мало доходномъ. Оно имѣло около 5.000 десятинъ при 400 душъ, распредѣленныхъ на семь деревень.

Мѣстность была крайне живописна, красивые холмы были покрыты молодымъ смѣшаннымъ лѣсомъ (ельняка и березы), которому не давали вырости тогдашніе способы примитивнаго земледѣлія, такъ называемое *лядинное* хозяйство.

Вотъ въ чемъ оно заключалось: часть молодыхъ порослей рубилась крестьянами; бревнушки увозились, вѣтки же, пни и что

потоньше сжигалось на мѣстѣ. Это пепелище слегка взрыхлялось сохой и обсѣивалось рожью или льномъ.

На такихъ новинахъ три-четыре года получался роскошный урожай, безъ всякаго удобренія и съ очень маленькой затратой труда, такъ какъ ни камни не обирались, ни пни и корни не удалялись. Потомъ бросали это мѣсто и шли дальше; оно же заростало сначала малинникомъ, потомъ березками, и черезъ двадцать пять лѣтъ подвергалось опять тому же варварскому способу обработки.

Отецъ мой—первый возсталъ противъ такого истребленія лѣса; но, понимая, что вдругъ измѣнить этого нельзя, такъ какъ крестьяне не имѣли для другого способа обработки земли, ни достаточно скота, чтобы удобрять поля, ни достаточно развитія, чтобъ эти свои поля обработать основательно, онъ только ограничилъ ихъ произволъ, указавъ имъ извѣстный районъ, въ которомъ онъ дозволялъ имъ по-прежнему жечь лядины.

Способы обработки полей въ самомъ имѣніи при крѣпостномъ состояніи были не многимъ лучше, чѣмъ крестьянскихъ. Сотни полторы мужиковъ съ своими допотопными орудіями, сохами и деревянными боронами, выѣзжали на барщину и кое-какъ взрыхляли землю, вовсе не смущаясь массами гранитныхъ обломковъ, которые застилаютъ холмы Новгородской губерніи. Земля была плодородна, но собранный хлѣбъ негдѣ было продать, такъ какъ хлѣбные рынки были далеки, а пути сообщенія очень плохи.

Обширные луга заростали жесткими травами. Прекрасный скотъ, заведенный моимъ отцомъ, но плохо кормленный и неряшливо держанный, давалъ несоразмѣрно мало молока. Отдаленность желѣзной дороги заставила для сбыта молочныхъ продуктовъ обратиться къ сыроваренію. Во времена управленія моего отца былъ выписанъ швейцарецъ-сыроваръ, который обучилъ молодого крестьянина. Сыръ варился хорошій, швейцарскій, но продавался онъ туго, благодаря неряшливости молочной прислуги, которая часто портила его несвоевременнымъ уходомъ.

Такимъ образомъ, доходы имѣнія были и такъ невелики; но когда оно было лишено даровой рабочей силы, то они оказались совершенно ничтожными. Ничего не было подготовлено къ этому перевороту. Наемные рабочіе брались изъ той же среды прежнихъ крѣпостныхъ, которые неохотно шли въ батраки, да и то только самые нехозяйственные, у которыхъ дома дѣло не выгорало. Работали эти батраки такъ же лѣниво и неряшливо за деньги, какъ они работали прежде на „барщинѣ“. Для пріобрѣтенія сельскохозяйственныхъ машинъ не было денегъ, да и никто не умѣлъ ни

съ ними обращаться, ни ихъ поправлять, не говоря уже о неподготовленности почвы (массы камней, мѣшающихъ работѣ машинъ) и о глубокомъ предубѣжденіи невѣжественныхъ работниковъ и служащихъ противъ каждаго новшества. Управляющій былъ совершенно не на высотѣ такого затруднительнаго положенія. И, правду сказать, въ то время общее мнѣніе было таково, что сельское хозяйство не требовало ни знаній, ни способностей, и шли въ управляющіе только недоучки и неудачники. При такихъ обстоятельствахъ не трудно понять, что денежныя дѣла моей матери пошли очень плохо. Тутъ-то проявила она всю величину своего духа. Несмотря на тяжкое свое положеніе, тѣмъ болѣе тяжкое, что по своей непрактичности она вовсе не была способна распутаться въ этомъ лабиринтѣ, она бодро несла бремя жизни. Представьте себѣ эту женщину, всю жизнь свою проведшую въ образованномъ кругу, безъ всякихъ матеріальныхъ заботъ, въ богатомъ домѣ брата; представьте ее себѣ въ обществѣ двухъ маленькихъ дѣвочекъ, посреди совершенно темнаго люда, посреди массы лишеній и неудобствъ! Только неизсякаемый ея идеализмъ помогъ ей перенести тяжесть этого переходнаго времени. Она страстно увлекалась великой реформой и личныя затрудненія почитала за ничто подлѣ великаго дѣла воспитанія въ народѣ чувства свободы и самоотвѣтственности. Со всѣмъ, свойственнымъ ей, энтузіазмомъ она слѣдила за совершающимся переворотомъ, почитая за счастье, когда могла хотя бы мелочью какою-нибудь способствовать успѣху общаго дѣла. Она принимала у себя первыхъ земскихъ дѣятелей, знакомилась съ ними, переписывалась съ ними, воодушевляла ихъ къ ихъ великой задачѣ. Правду сказать, мало было людей, подготовленныхъ къ новой дѣятельности.

Молодежь увлекалась смутными филантропическими идеалами. Любовь и восхищеніе „русскимъ мужикомъ“ принимали своеобразныя формы, часто смѣшныя и безсмысленныя. Одѣвались въ національные костюмы: русскія рубашки, поддевки, сарафаны; употребляли въ рѣчи простонародные обороты; *шли въ народъ*. Сами крестьяне нѣсколько презрительно относились къ такому заискиванію, своимъ вѣрнымъ, здоровымъ чутьемъ чувствуя фальшь. Вмѣсто того, чтобы свои знанія употреблять для развитія темныхъ людей, старались уподобиться имъ и идеализировали эту тьму.

Другіе удовольствовались дутыми фразами и, въ сущности, стремились только къ удовлетворенію личныхъ интересовъ. Никто не былъ практически подготовленъ разобраться въ массѣ мелкихъ затрудненій, недомолвокъ, созданныхъ новымъ положеніемъ, не всегда легкомъ и для самихъ крестьянъ, непривычныхъ распоряжаться своимъ временемъ и своими силами.

Отношенія съ нашими бывшими крѣпостными остались самыя хорошія. Отовсюду приходили за помощью, за совѣтомъ. Всегда готовая помочь или принять участіе, мать моя задавалась широкими планами воспитать окружающую темноту. Она не жалѣла ни времени, ни денегъ, хотя ихъ было и очень мало, чтобы просвѣщать своихъ крестьянъ. Она доставала имъ тонкорунныхъ овецъ для развода, покупала кразы и прялки, учила дѣвушекъ прясть на нихъ, вмѣсто того, чтобы, по старинному способу, прясть на самопряхахъ; она раздавала имъ огородныя сѣмена, кусты ягодъ, учила прививать яблони.

Жаль, что недостатокъ практическаго смысла много умалялъ пользу ея уроковъ. Много положено горячей любви и самоотверженнаго труда въ ея дѣятельность въ деревнѣ, но многое осталось непонятымъ и неиспользованнымъ именно по этой причинѣ. Къ бѣднымъ и больнымъ имѣла она особенную заботу. Помню, по воскресеньямъ мы, дѣвочки, съ нею вмѣстѣ шили и вязали разные платьица и платочки для бѣдныхъ. Она любила сама посѣщать больныхъ и была неутомима въ уходѣ за страждущими. Медицина ее очень интересовала; она любила разспрашивать, при случаѣ, врачей и даже переписывалась съ нѣкоторыми изъ нихъ, выписывала лечебники, лекарства и дѣятельно занималась составленіемъ настоекъ и порошковъ. Много было и странныхъ „домашнихъ“ средствъ въ ея аптекѣ. Отъ горловой боли наматывали девять красныхъ шерстинокъ вокругъ горла. Для ранъ настаивали на деревянномъ маслѣ звѣробой; отъ водянки давали сушеные листочки морошки; собирали и сушили землянику, липовый цвѣтъ; отъ золотухи варили варенье изъ калины, заставляли пить морковный сокъ и отваръ изъ молодой крапивы. Врачъ былъ за 25 верстъ, да и немногимъ больше, чѣмъ она, понималъ онъ свое дѣло, предпочитая сидѣть за карточнымъ столомъ за стаканомъ чая, чѣмъ трястись по ухабамъ и лазать по душнымъ, грязнымъ избамъ; а она пылала желаніемъ облегчить страданія бѣдняковъ. И приходили, и пріѣзжали къ ней бабы за тридцать верстъ. Иногда ея леченія бывали очень оригинальны, и не знаю, чему приписать ихъ успѣхъ. Помню, у насъ заболѣла судомойка нервной горячкой, какъ говорила мать. Больная третью недѣлю лежала съ запекшимися губами и закрытыми глазами и даже перестала просить пить. Пузырь со льдомъ лежалъ на ея головѣ; она больше не говорила и ни на что не обращала вниманіе. Прислала намъ тетушка изъ Петербурга чудныхъ грушъ и яблоковъ. Мама очистила ломтикъ сочной груши и поднесла къ губамъ умирающей. Она немного открыла глаза и потянула губами ломтикъ. Подождавши, мама всунула ей опять

ломтикъ въ ротъ съ тѣмъ же успѣхомъ. Такъ она скормила всю грушу. На слѣдующій день — то же. На третій день больная уже поглядѣла на грушу.

Мать отобрала у насъ всѣ присланные фрукты и начала ежедневно кормить больную, которая, видимо, стала поправляться. Когда она съѣла весь имѣющійся у насъ запасъ, мать послала по деревнямъ искать яблоковъ; годъ былъ неурожайный, и во всей мѣстности не было ихъ. Верховой объѣздилъ окрестности и наконецъ гдѣ-то досталъ кислыхъ туземныхъ яблоковъ. Неприхотливая больная удовольствовалась ими и питалась яблоками до своего полнаго выздоровленія.

Другой разъ свирѣпствовалъ по деревнямъ возвратный тифъ; цѣлыя семьи лежали, некому было печь затопить, некому подать пить больнымъ, томящимся жаждой.

Мать сама, взявъ насъ, подростковъ, на помощь, обходила избы. Въ передникъ она насыпала клюквы, по карманамъ разложила чаю и сахару—и больные, ободренные ея теплымъ участіемъ, подкрѣпленные рѣдкимъ въ то время напиткомъ, поправлялись и твердо вѣрили въ ея врачебное искусство. Во всякомъ случаѣ, въ нашей деревнѣ не умерло ни одного человѣка, и это приписывали ей.

Домашнимъ хозяйствомъ мать моя не любила заниматься, развѣ только заправляла лѣтомъ варкой варенья. Вся практическая часть дѣла лежала на моей нянѣ, старушкѣ-нѣмкѣ, Минѣ Ивановнѣ, которая выдавала провизію, слѣдила за людьми, шила и вязала на насъ. А это было не маловажное дѣло, такъ какъ въ то время не существовало ни швейныхъ, ни вязальныхъ машинъ. Мать же моя никогда не могла выучиться шить и вязать чулки, хотя умѣла красиво вышивать и вязала крючкомъ всевозможныя кружева, юбки и одѣяла. Но никогда ей не удавалось произвести два равные рукава или чулка. Таково было тогдашнее воспитаніе.

Очень страдала она отъ одиночества и впослѣдствіи разсказывала намъ, какое иногда нападало на нее уныніе. На недостатокъ денегъ и на лишнія роскоши она мало обращала вниманія, такъ что и въ разсказахъ вовсе не упоминала о нихъ. Насъ, дѣтей, она любила страстно, неустанно ухаживала за нами, когда мы были больны, сама проводила около насъ ночи и не довѣряла насъ никому. Никогда она не могла рѣшиться отдать насъ въ школу или институтъ. Гувернантки не жили у насъ подолгу: имъ было слишкомъ скучно и одиноко и, можетъ быть, мать не умѣла втянуть въ семейную жизнь чужую личность. Нѣкоторые уроки она давала сама, даже для себя выписала русскую грамматику и сама приготовлялась къ урокамъ. Учила насъ тоже по-французски, рисованію и читала съ нами различныя историческія книги.

Мы ее очень любили и благоговѣли передъ ней, но порядочно побаивались, такъ какъ при своей огромной живости она была нетерпѣлива и рѣзка. При своемъ чистомъ идеализмѣ, любви къ правдѣ и чуткости ко всему, она была способна разбудить въ молодомъ сердцѣ любовь къ добру, воодушевить его ко всему возвышенному; но спокойная, терпѣливая работа, путемъ добрыхъ привычекъ достигающая гармоничнаго развитія характера — была не въ ея натурѣ.

Утѣху ей въ это тяжелое переходное время составлялъ любимый ею садъ. Не имѣя болѣе средствъ держать садовника, она сама руководила работами, любила прикладывать свой трудъ къ дѣлу: сама поливала, полола, пересаживала, прививала. Ея трудами разрослался цѣлый питомникъ молодыхъ дубковъ, выведенныхъ ею изъ желудей, цѣлыя группы красивыхъ, молодыхъ ясеней, кленовъ, кедровъ и пихтъ. Передъ домомъ была ея любимая грядка съ альпійскими луковицами, подснѣжниками, силла, крокусами, гіацинтами. Далѣе грядка съ бѣлыми лиліями и огромная куртина розъ. Въ сторонѣ былъ фруктовый садъ, который и теперь, у внуковъ, называется: бабушкинъ садъ. Она страстно любила возиться въ своихъ яблоняхъ и часто говаривала: „Когда я попаду къ Господу Богу, Онъ, навѣрное, сдѣлаетъ меня Своимъ садовникомъ“. Много и тутъ испытала она разочарованій. Суровый климатъ вредилъ ея посадкамъ; воры, гусеницы, жуки портили ея труды. Помню я одну жестокую зиму, послѣ которой вымерзли всѣ ея яблони. Она очень о пихъ горевала, но ея энергія вскорѣ пробудилась вновь, и изъ послѣднихъ средствъ были выписаны новыя деревья, и сама она привила нѣсколько дичковъ, и опять заполнились опустѣвшіе ряды.

Большое наслажденіе доставляла ей красота окрестныхъ мѣстъ. Въ лѣтніе, хорошіе дни запрягали намъ телѣжку; мы брали съ собою бутерброды; кто-нибудь изъ насъ садился за кучера на козлы, и мы отправлялись на далекую поѣздку; гдѣ-нибудь около озера, на холмѣ, на лужайкѣ, у опушки лѣса или на крутомъ берегу рѣчки мы вылѣзали, садились на траву и любовались видомъ, а мать вынимала карандаши или политуру и старалась воспроизвести краски и группы зелени. Хаживали мы съ ней и за ландышами, и за ночными фіалками, и за ягодами, и за грибами, которыхъ было множество въ нашихъ лѣсахъ.

Бывало, отошлемъ кучера домой, велимъ ему вернуться часа черезъ три-четыре въ условленное мѣсто, а сами пойдемъ по кустамъ. вдоль дороги. Всякое дерево, всякая тропинка намъ знакомы; у каждой свои примѣченныя мѣста, которыя сохраняешь втайнѣ. Наполнятся корзины, высыплешь ихъ около дороги и опять углуб-

ляешься въ лѣсъ. Усталыя, наконецъ, сойдемся и сядемъ на пригоркѣ въ ожиданіи возвращенія кучера. Вотъ застучали знакомымъ шумомъ колеса; откликнешься, подъѣдетъ кучеръ, насыплешь въ телѣжку грибы и ѣдешь домой, вылѣзая на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ спрятаны грибы. Пріѣхавъ домой, вывалишь грибы на балконъ, и начнешь ихъ разбирать и сортировать: которые на маринованіе, которые на сушку, которые прямо на сковороду. И какъ было весело переговариваться, вспоминать, кто какой грибъ нашелъ, и гдѣ онъ стоялъ, и какъ былъ найденъ. Мать моя всецѣло принимала живѣйшее участіе въ этомъ занятіи.

Изрѣдка намъ приходилось ѣздить въ нашъ уѣздный городъ, отстоявшій отъ нашего имѣнія на 25 верстъ.

Это былъ очень незначительный городишко, лежащій вдоль шоссе, соединяющаго Петербургъ съ Москвою.

Нѣкогда это былъ пунктъ остановки для отдыха путешественниковъ и мѣсто жительства множества ямщиковъ и кузнецовъ. Въ то время, когда я его помню, онъ потерялъ свое прежнее значеніе, благодаря проведенной изъ столицы въ столицу желѣзной дороги и представлялъ изъ себя только центръ пробуждающейся земской дѣятельности. Тутъ собиралось Уѣздное Земское Собраніе, тутъ работала Земская Управа и жило семь-восемь семействъ служащихъ разныхъ вѣдомствъ: судья, врачъ, исправникъ, воинскій начальникъ и пр.

Хотя мы знали ихъ и изрѣдка они посѣщали насъ при проѣздѣ въ уѣздъ, но мы очень рѣдко бывали у нихъ. Дамское общество было особенно неинтересно. Общимъ интересомъ всего общества являлись почти исключительно карты; дамы занимались кромѣ того туалетами и сплетнями. До всего этого мать моя была не охотница, и поэтому ей было жутко въ уѣздной атмосферѣ. И для насъ она считала нежелательнымъ общество молодежи, въ которое входили безъ выбора между прочимъ дочки совершенно необразованныхъ купцовъ, которыхъ цивилизація коснулась только съ внѣшней стороны, и ухарскіе молодые купчики, имѣвшіе очень развязныя манеры и очень мало образованія.

Расположенъ этотъ городокъ былъ чрезвычайно живописно, по склонамъ нѣсколькихъ холмовъ, на берегу огромнаго озера. Посреди озера, на трехъ островахъ, стоитъ старинный монастырь, окруженный чуднымъ сосновымъ лѣсомъ. Однажды мать ѣздила съ нами туда говѣть. Ясно помню жаркій лѣтній день въ Успенскомъ посту. Съ нами была еще старая родственница и ея воспитанникъ, мальчикъ лѣтъ 11-ти. Мы переѣхали на паромѣ.

Такъ какъ въ монастырѣ не полагалось останавливаться жен-

щинамъ, намъ отвели двѣ комнатки въ наружной, каменной стѣнѣ, окаймляющей монастырь. Цѣлый день мы, дѣти, играли въ пескѣ, подъ громадными соснами; мысли наши вовсе не были заняты молитвой, которой предавались старшія; мы довольно неохотно отстаивали утомительно-длинныя монастырскія службы; ужъ очень хорошо было сидѣть на берегу и слушать мѣрный плескъ волнъ. Послушникъ два раза на день приносилъ намъ въ судкахъ монастырской пищи, гороху съ постнымъ масломъ, щей, каши, и два раза въ день ставилъ намъ самоваръ. У насъ было взято съ собою постельное бѣлье, подушки, одѣяла. Единственная кровать, предоставленная намъ, была такой сомнительной чистоты, что мы постелили себѣ одѣяла на полу и спали на нихъ одѣтыя. Были взяты съ собою и нѣкоторые съѣстные припасы, какъ-то чай, огурцы, баранки. Мы сами убирали нашу не очень опрятную клѣтушку, въ которой, кромѣ кровати, былъ столъ и три лавки, съ очень шаткими ножками. Эта цыганская жизнь ужасно забавляла насъ, и мы очень весело провели три дня въ этой необычайной обстановкѣ.

Но въ городъ насъ не тянуло; мы любили деревню свою, свой садъ, своихъ лошадей, которыя при насъ росли и которыхъ мы сами объѣзжали. Хорошо намъ было посреди простодушныхъ сосѣдей-мужиковъ, которыхъ нужды и горести намъ были близки и понятны.

Крестьяне нашей мѣстности принадлежали къ финскому племени кареловъ, нынѣ почти совершенно обрусѣвшему, благодаря школамъ и общенію съ внѣшнимъ міромъ. Не то было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; многія бабы и дѣти совсѣмъ не говорили по-русски; грамотныхъ почти не было; только нѣсколько бывшихъ учениковъ школы моего отца едва-едва умѣли подписать свое имя. Случись бѣда—болѣзнь, пожаръ, судъ, никто не умѣлъ постоять за себя, никто не зналъ, гдѣ искать помощи. Вялые и безпомощные, крестьяне переносили постигающія ихъ несчастія съ тупымъ равнодушіемъ. Бѣднота и темнота были ужасающи и безысходны. Земля сама по себѣ плодородна и давала бы довольно хлѣба, если бы умъ и руки приложить. Но обработывали ее черезчуръ плохо: удобренія почти не было, такъ какъ скота держали очень мало, несмотря на роскошныя пастбища. Народъ питался почти исключительно хлѣбомъ и капустой, по праздникамъ кашей. Картофель почитался лакомствомъ. Разсказываютъ, какъ однажды мать плакала при разставаніи съ дочерью, выходившей замужъ въ дальнюю деревню. „Не плачь, мама, сказала ей дочь, мнѣ будетъ хорошо, вѣдь тамъ много картошки“. Мясо ѣли только достаточные, убивая въ годъ четырехъ или пять ягнятъ. Чай и пшеничная мука были доступны только

богачамъ, и то въ праздникъ. Во всей деревнѣ насчитывалось 2—3 самовара. Молока хватало только для маленькихъ, да немного масла и творогу къ празднику набирали.

Одѣвались тоже скудно, въ домотканныя полотна и крашенину, выкрашенный въ синій цвѣтъ холстъ, употребляемый равно на мужскія рубахи, какъ на женскіе сарафаны; кафтаны дѣлались изъ домотканнаго сукна сѣраго или коричневаго цвѣта грубой шерсти своихъ овецъ. Обувались зимою въ валенки собственнаго издѣлья, лѣтомъ въ лапти, и только богачи имѣли сапоги, а женщины башмаки. Полсапожки и ситцевыя кофты введены были позже, когда стали ходить на заработки въ Петербургъ дѣвушки и молодухи. Заработать дома было негдѣ.

Имѣнія стояли пустыми, владѣльцы большею частью жили по городамъ, служили или проживали свои доходы посреди болѣе цивилизованной обстановки. А немногія исключенія были разорившіеся, мало трудоспособные экземпляры помѣщиковъ, отъ которыхъ ни помощи, ни примѣра ожидать было нельзя. Вотъ и хватались они за руку помощи, которую имъ подавалъ добрый человѣкъ, безсознательно, не разсуждая, откуда и почему.

Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ. Домашнія ткани носятъ развѣ только древнія старухи. Ситцевыя и шерстяныя платья шьютъ „по модѣ“ въ талію. Утромъ во всякомъ домѣ на столѣ стоитъ самоваръ, и дѣвицы говорятъ „мирсы“ вмѣсто спасибо.

Парни одѣваются въ „пинжаки“ и уѣзжаютъ въ столицу добывать денегъ, приносятъ оттуда городскіе нравы и большія потребности. Счастливѣе ли они стали?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ давно прошедшаго[1].

(1876—1879).

(Окончаніе).

5 Февраля 79 г.

Въ 9 час. вечера пришелъ денщикъ звать на ужинъ.

— Эй, давайте ужинать! садитесь, господа, приглашалъ князь.

— Либералъ, либералъ! говорилъ съ улыбкой за ужиномъ—соціалистъ!

— Да, право, князь, Вы сами ужасный либералъ: вѣдь вотъ Вы и то и другое ругаете!

Онъ причмокнулъ и повелъ головой: — нѣтъ, на меня положиться можно—пускай какія-нибудь народныя волненія—пошлютъ—и буду стрѣлять въ толпу!

— И у Васъ ничего не шевельнется?

— Нѣтъ, ровно ничего—куда пошлютъ, туда и пойду!

— А вотъ Васъ бы и Х. не назначилъ бы; нѣтъ, впрочемъ, прибавилъ онъ—Х. назначилъ бы, но Васъ, произнесъ онъ серьезно,—ни за что!

Вскорѣ послѣ отъѣзда Е. Н. доктора обратно перевели въ драгунскій полкъ.

Сегодня князь заговорилъ со мной о А*.

— Нѣтъ, ужасную тѣнь бросили эти г.г. А*. Я вотъ хотѣлъ даже произвести обыскъ въ батареѣ!

— Но, помилуйте, князь, какіе же они пропагандисты! Неужели сидѣли бы 3 мѣсяца въ одной и той же батареѣ!

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1910 г.

— Но согласитесь—все странно—изъ Парижа въ Кадикей! жить въ одной комнатѣ! Тамъ себѣ, что хотите, но все же нуженъ декорумъ: тутъ и денщики, и солдаты, и офицеры!

— И опять—ну, если бъ къ Вамъ кто-нибудь пріѣхалъ—развѣ Вы оставили бы и пошли сами обѣдать?

— Да и тщательное скрываніе фамиліи и неопредѣленность положенія... Нѣтъ, нѣтъ—это не то!..

Къ этому прибавлю,—кн. ни одному человѣку слова не говорилъ про то, что ему одному было извѣстно; ни малѣйшихъ затрудненій онъ имъ не дѣлалъ и даже, по моей просьбѣ, посылалъ каждый день обѣдъ со своимъ денщикомъ для Е. Н., которая обѣдала одна, такъ какъ докторъ обѣдалъ съ нами.

Вотъ въ Россію, говорилъ князь, да и въ отставку—на покой, буду жить въ деревнѣ, числиться почетнымъ мировымъ судьей.

— Можетъ быть, и въ земствѣ?

— Вотъ уже въ этихъ непотребныхъ заведеніяхъ—ни въ земствѣ, ни въ мировыхъ судьяхъ не буду!

— Отчего же Вы въ отставку?

— При прежнихъ порядкахъ служилъ бы, но теперь—нѣтъ, при теперешнихъ—не хочу! Да и что—довольно послужилъ: 22 года (съ 17 лѣтъ)! Принесъ свою лепту, такъ сказать, на алтарь отечества и довольно, не то что иные нынѣшніе по 3—4 года,—покосился онъ на меня.

— Да вѣдь не въ этой отрасли—въ другой буду служить отечеству!

— Нѣтъ, вотъ Вы послужите такъ, вотъ—тогда и о другой думайте!

— Поздно будетъ.

Я заговорилъ съ княземъ объ отпускѣ въ Россію—я очень боялся потерять еще годъ.

— Говорю Вамъ, не торопитесь: времени еще довольно! Успѣете еще!

— Да вѣдь все зависитъ отъ сроковъ, надо разсчитать!

— Какіе разсчеты: положитесь на время, и что нужно, то и выйдетъ! Природа это, такъ сказать, сцѣпленіе зубчатыхъ колесъ: всякій—это одинъ изъ зубцовъ. Вы полезны—Вы держитесь; не нужны—зубецъ истирается—Вы уничтожаетесь. Уже повѣрьте—знаетъ, на что Вы ей полезны—если ей нужно, чтобы Вы, т. е. въ Вашей оболочкѣ, были технологомъ и будете, а нѣтъ—и не будете: противъ судьбы не пойдете!

Утромъ пришелъ ко мнѣ Х*, просилъ о перепискѣ. Предложилъ перейти ко мнѣ на квартиру, но у меня сырая, и я перешелъ къ нему.

Засѣли читать „Что дѣлать".

Вечеромъ пришелъ денщикъ звать на ужинъ къ кн. Р*.

Вернулись и потушили свѣчи. Х* спрашиваетъ меня:

— Ты окончательно рѣшилъ такъ скоро уѣзжать?

— Да.

— Оставайся еще на мѣсяцъ!

Онъ сталъ говорить о кн. Р* и тѣмъ вызвалъ меня высказать мои взгляды.

Обособленные кружки, корпораціи, а военная среда въ особенности, вырабатываютъ себѣ болѣе или менѣе цѣльный идеалъ, къ которому члены его болѣе или менѣе подходятъ.

И съ точки зрѣнія извѣстныхъ *условныхъ* требованій—князь Р* прямо идеальный человѣкъ: прямой, честный, хорошій товарищъ. При баронѣ М* лошади шатались, потомъ стали падать, а онъ имъ даетъ двойную дачу; солдаты никогда раньше такъ не питались, одѣты какъ съ иголочки; все это вѣрно! Но если мы на него посмотримъ съ другой точки зрѣнія—съ точки зрѣнія человѣка, стремящагося къ просвѣщенію, завоеванію свободы, то... онъ не выдержитъ никакой критики...

Представь себѣ двѣ группы лицъ разнаго развитія, живущихъ бокъ о бокъ; между ними неизбѣжно возникнетъ болѣе или менѣе интенсивная борьба: инстинктивно каждая изъ группъ будетъ стремиться распространить свои взгляды, свою манеру жить, просто потому, что чѣмъ болѣе единомышленниковъ, тѣмъ легче живется.

И вотъ, представь себѣ, что одна группа многочисленная обладаетъ всѣми средствами; располагаетъ государственными должностями, а на сторонѣ другой малочисленной большее развитіе, болѣе глубокое, какъ имъ кажется, пониманіе окружающаго, жажда создать иныя условія существованія; совершенно естественно въ этой группѣ сложится убѣжденіе, что главный корень зла — невѣжество и всѣ ея усилія будутъ направлены на распространеніе знаній: „чѣмъ больше единомышленниковъ, тѣмъ мнѣ легче жить"—вотъ смыслъ этой борьбы, и каждая группа одна сознательно, другая инстинктивно будетъ стараться увеличить свои ряды.

— При чемъ же тутъ кн. Р*?

— Какъ же ты не понимаешь: онъ хочетъ, чтобы я остался офицеромъ, и вотъ раньше онъ всячески старался меня убѣдить,

теперь онъ понемногу меня задерживаетъ... затягиваетъ... и вотъ я на-сторожѣ...

Х-ко опять вернулся къ вопросу о моемъ выходѣ.

— Вотъ то, что ты говорилъ... почему бы тебѣ не остаться въ арміи, ты могъ бы быть полезнымъ здѣсь!

— У меня слишкомъ мало знаній и за ними-то я и иду...

— Да и сама армія...

— Развѣ скоро не будетъ анахронизмомъ самое ея названіе [1]). Остаться...

— Нѣтъ, нѣтъ... на *такую* жертву я не способенъ.

Возвращеніе въ Россію.

Въ походахъ и на войнѣ я пробылъ болѣе 2 лѣтъ: съ 13 ноября 1876 г. до половины февраля 1879 года.

Съ невообразимой радостью возвращался я въ Россію.

Пріѣхалъ въ Харьковъ въ концѣ февраля, во время чумы въ Ветлянкѣ, вскорѣ послѣ убійства въ Харьковѣ губернатора кн. Крапоткина и чуть ли не на другой день послѣ избіенія казаками студентовъ университета.

Общее подавленное настроеніе.

Я живу съ матерью и сестрой гимназисткой. Мечтаю скоро быть студентомъ, а сестра, конечно, на курсы...

У насъ собираются для чтенія.

Начинаемъ съ женскаго вопроса. „Реактивъ для опредѣленія человѣка“—отношеніе его къ женскому вопросу. Я читаю главы Лебока, le mariage, конспектирую Милля, Шашкова („Исторія русской женщины“) и Чернышевскаго; читаемъ „Знаменіе времени“ Мордовцева и „Шагъ за шагомъ“ Омулевскаго.

Затѣмъ переходимъ къ исторіи развитія русскаго общества по литературнымъ типамъ (Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ, Базаровъ, герои Чернышевскаго).

Меня приглашаютъ:

— Приходите къ намъ сегодня вечеромъ: у насъ соберется молодежь, будетъ Ц*—знаете—ему казаки нагайкой носъ перебили

---

[1]) Такова была въ то время вѣра въ быстроту прогресса!!

Лѣтомъ въ деревнѣ собрались гости; пріѣхалъ и Задашъ — богатый помѣщикъ. У него было два ценза: личный и по довѣрію отъ матери. Говорили, будто бы онъ разсказывалъ, какъ онъ въ земствѣ вліяетъ на обѣ партіи: „одинъ шаръ я кладу направо, а другой налѣво".

Зашелъ разговоръ о крестьянахъ. Слова Задаша такъ характерны, что привожу ихъ, не измѣнивъ ни слова.

—„Вы вѣрите въ любовь къ вамъ крестьянъ? Да знаете ли Вы, что каждый изъ нихъ готовъ утопить помѣщика вотъ въ этой ложкѣ, мала только она, а на большую не хватитъ воды, да и слава Богу!" (Здѣсь онъ перекрестился).

—„Отчего же происходитъ такая ненависть мужиковъ?"

—„А вотъ отчего: въ Россіи есть два сословія—господствующее и порабощенное; между ними страшная вражда. Такъ и должно быть; это предопредѣлено и самимъ Богомъ. Разумъ долженъ господствовать, а онъ принадлежитъ намъ, поэтому мы и составляемъ господствующее сословіе. Этотъ разумъ данъ вамъ въ наслѣдство нашими отцами. Замѣтьте, что я говорю не о богатствѣ, а о разумѣ; богатство является только вслѣдствіе разума; при томъ, у насъ разумъ соединенъ съ порядочностью; наши же мужики имѣютъ лишь на столько ума, чтобы стянуть то, что плохо лежитъ, и дальше этого, видитъ Богъ, они не пойдутъ. Посмотрите, какъ работаетъ мужикъ у разумнаго помѣщика, какъ напр., Бабанина и у какого-нибудь добряка: тамъ они дѣйствительно трудятся, здѣсь же обдираютъ. Это происходитъ оттого, что они всѣ мерзавцы, подлецы; оттого, что съ ними надо обращаться, какъ со скотомъ.

— . . . . . .

— Пожалуйста, оставьте думать, что они такіе же люди, какъ и мы. Подземной силѣ угодно говорить подобныя безсмыслицы, а дураки и вѣрятъ.

— Вы, можетъ быть, тоже воображаете, что соціалисты сами думаютъ то, что говорятъ? Нѣтъ, они не такъ глупы!

— Сказать Вамъ, что они хотятъ? Они хотятъ занять наши мѣста: вѣдь это же все больше голодные поповичи!

— Посмотримъ, какъ они будутъ дѣлиться съ меньшою братьею! Меньшая братья! И какіе, къ чорту, они намъ братья! Свиньи они, а не братья!

— Да когда ужъ правду говорить, такъ и мы сами нѣсколько виноваты.

— Что это за порядки такіе! Напр., я, человѣкъ знающій, котораго

мужикъ долженъ уважать, говорю: дѣлай такъ, а не такъ; не то пожалюсь мировому, онъ тебѣ прикажетъ сдѣлать то-то. Эта же скотина вдругъ отвѣчаетъ: „може скаже, а може и ни; жалуйтесь мировому".

— Приходится жаловаться. Представьте же себѣ, что мнѣ, человѣку все-жъ таки разумному, приходится становиться на одну доску съ осломъ; а тутъ еще подвернется такой мировой, который, вмѣсто того, чтобы выслушать меня и повторить мужику, внушить ему то, что я уже сказалъ, онъ начинаетъ приплетать свидѣтелей, допрашивать мужика и выходитъ чортъ знаетъ что такое! Смотришь, въ концѣ концовъ, что мое требованіе несправедливо или что-нибудь въ родѣ этого, и я же остаюсь виноватымъ.

— Скажите же пожалуйста, какъ отнесется ко мнѣ мужикъ, выйдя изъ суда?

— Вы, можетъ быть, думаете, что я хочу засадить его въ черную? Совсѣмъ нѣтъ, хотя и то не дурно бъ, я хочу, чтобы мировой повторилъ мои слова, чтобъ крестьянинъ увидѣлъ, что ему надо слушаться меня, что я выше его, что ему нечего тягаться со мной: указать все это—вотъ прямая обязанность мирового судьи [1]).

— Вы смотрите,—вмѣшался въ разговоръ состоятельный помѣщикъ Громовскій, человѣкъ очень начитанный и ѣздившій за границу для изученія постановки земледѣлія въ Европѣ и Америкѣ. Вы смотрите, продолжалъ онъ, исключительно съ точки зрѣнія дворянскихъ интересовъ. На этотъ же вопросъ нужно смотрѣть съ государственной точки зрѣнія.

— Россія страна земледѣльческая и потому нужно приложить всѣ мѣры къ поднятію земледѣлія; а разъ Вы поднимете земледѣліе, явится въ странѣ достатокъ, тогда естественнымъ путемъ разовьется и промышленность, и фабричная и заводская, и крестьяне получатъ на нихъ дополнительные заработки.

— Все это извѣстно, но что же сдѣлать для поднятія земледѣлія?

— Нужно привлечь къ сельскому хозяйству капиталъ и образованныхъ людей.

— Теперь всѣ бѣгутъ изъ деревень, а между тѣмъ при раціональномъ хозяйствѣ, при капиталѣ, земля много можетъ дать. Создайте только иныя условія и увидите—все перемѣнится: и капиталъ и образованные люди обратятся къ землѣ!

— И это вовсе не такъ трудно сдѣлать: во-первыхъ, фиксируйте законодательнымъ порядкомъ maximum возможныхъ налоговъ на

---

[1]) Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ мировые судьи были замѣнены земскими начальниками...

землю, а, во-вторыхъ, дайте возможность обезпечить хозяйство рабочими руками — дайте возможность справиться съ нашими рабочими!

— Какая теперь можетъ быть увѣренность въ хозяйствѣ?

Одни рабочіе уходятъ, взявъ задатокъ, другіе поздно являются, третьи вмѣсто работы спятъ на полѣ, четвертые такъ работаютъ, что хоть снова начинай!

Воровство идетъ повальное! Падежи скота чего стоятъ? А что вы подѣлаете—нужно убирать сѣно, а тутъ нѣтъ рукъ: то прямо ушли въ самый нужный моментъ, а то на помощь являются безчисленные праздники, и на зиму—скотъ безъ сѣна!

Заговорили о просвѣщеніи народа, объ его образованіи.

— Нѣтъ! это, конечно, нужно, но этотъ путь дологъ: здѣсь нужны энергичныя мѣры.

Введите сельскихъ и лѣсныхъ сторожей, но непремѣнно подъ присягой и чтобы утверждались въ должности какой-нибудь мѣстной властью, ну, хоть-бы исправникомъ, а главное установите, чтобы каждый рабочій *обязательно былъ снабженъ книжкой*. Въ эту книжку должны быть вписаны: всѣ повинности и уплаты по нимъ, штрафы и уплаты по нимъ и время перехода отъ одного мѣста жительства въ другое. Вы увидите, какъ скоро все перемѣнится: появится масса крупныхъ имѣній съ раціональнымъ хозяйствомъ, разовьется и скотоводство въ огромныхъ размѣрахъ, появятся и мѣстные промыслы съ побочными занятіями для крестьянъ.

— А какъ вы смотрите на крестьянское хозяйство?

Громовскій пожалъ плечами.

— Крестьянинъ живетъ изо дня въ день, чтобы прожить и уплатить повинности. Какое же тутъ хозяйство! Земля истощается безъ удобренія, скотъ не только не улучшается, но гибнетъ, а сами крестьяне, за отсутствіемъ побочныхъ заработковъ, въ полной праздности проводятъ полгода и болѣе!

— Тогда логическій выводъ изъ всего, что вы говорили, тотъ, что съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ нужно всю землю сосредоточить въ рукахъ капиталистовъ, крестьянамъ оставить усадьбы, самихъ же ихъ обратить, при посредствѣ вашихъ „книжекъ“ и сторожей, въ сельско-хозяйственныхъ вѣчно обязанныхъ рабочихъ!

— Ну, пожалуй, конечно, такъ!... Не знаю только, рѣшатся ли на это [1]), закончилъ Громовскій.

---

[1]) Въ слѣдующемъ же году, при Маковѣ, введены сельскіе урядники. Теперь введены стражники. Пожалуй, не хватаетъ только „книжекъ“, чтобы путь къ достиженію Громовскаго идиллическаго благополучія былъ вполнѣ обезпеченъ!

Но тогда это было бы возвращеніемъ къ крѣпостному праву съ освобожденіемъ помѣщиковъ отъ заботъ о крестьянахъ!

— Поѣзжай въ П.,—говорила мнѣ тетя—познакомься съ Рѣдичемъ—вотъ человѣкъ, съ которымъ можно отвести душу!

Мой интересъ къ Рѣдичу еще болѣе усилился, когда я узналъ, что онъ по производствѣ въ офицеры изъ военнаго училища, за годъ до Нечаевской исторіи, сейчасъ же поступилъ въ технологическій институтъ, гдѣ и окончилъ курсъ; теперь же онъ служилъ преподавателемъ и воспитателемъ въ военной гимназіи.

Здѣсь его считали хорошимъ человѣкомъ и говорили, что и воспитанники его любятъ.

П—вы говорили, что онъ смотритъ на всѣхъ „свысока“.

П—цкій указывалъ мнѣ на него, какъ на примѣръ, что не стоитъ идти въ технологическій, чтобы сдѣлаться воспитателемъ.

Поѣхалъ въ П*. къ Рѣдичу.

Зашелъ разговоръ объ институтѣ.

Рѣдичъ разсказывалъ мнѣ, что на него имѣла большое вліяніе одна дама; подъ ея вліяніемъ онъ рѣшилъ бросить военную службу, но колебался между горнымъ и технологическимъ, и выбралъ технологическій только потому, что это было ближе...

Первое же, что устроилъ по поступленіи въ студенты—кассу взаимопомощи. „Я, разсказывалъ онъ, былъ выбранъ кассиромъ; здѣсь начались мои разочарованія: многіе относились къ кассѣ крайне безцеремонно—имъ предлагаютъ занятія, а они обращаются въ кассу—я указывалъ на это, мнѣ стали говорить, что я хочу быть жандармомъ. Касса по прошествіи года лопнула“.

— А сходки, собранія, кружки?

—На первыхъ порахъ посѣщалъ всѣ сходки, потомъ бросилъ: вѣдь все это было запрещено, организаціи были „подпольныя“, а, слѣдовательно, вполнѣ во власти тайныхъ организацій, и потому, когда агитаторъ-пропагандистъ говорилъ, ни у кого изъ молодежи не хватало мужества возражать, изъ боязни быть зачисленнымъ въ тотъ лагерь, противъ котораго говорилъ пропагандистъ, и вотъ цѣлый рядъ лѣтъ молодежь подъ опекой теряла способность самостоятельно разсуждать—просто „мозги атрофировались“.

Изъ этого времени у меня развилась страшная ненависть къ этому типу пропагандистовъ-заговорщиковъ и къ девизу „цѣль оправдываетъ средства“!

Послѣ уже мнѣ пришлось еще разъ въ Кіевѣ быть на одномъ собраніи. Читалъ одинъ „историкъ“. Два часа читалъ изъ собствен-

ной головы какую-то дребедень; дѣвушки, разиня ротъ, слушали, потомъ пошли дебаты: одинъ говоритъ, а двадцать орутъ, и никто ничего не понимаетъ.

Нѣтъ, воля ваша, а я болѣе не могу, и ушелъ.

Потомъ „философъ“ и говоритъ—откуда вы выкопали такого консерватора!

Послѣ окончанія курса поступилъ на сахарный заводъ, дѣятельность очень однообразная—ну, и это бы еще ничего—меня очень интересовало положеніе рабочихъ, и я былъ съ ними въ отличныхъ отношеніяхъ, но вотъ что было невыносимо—имѣть дѣло съ администраціей: представьте себѣ, мнѣ поручалось давать взятки становымъ! „Ну, я бросилъ и больше не пойду!“ И онъ показалъ мнѣ только-что полученное письмо съ приглашеніемъ на новый заводъ.

Заговорили о современномъ положеніи Россіи.

Онъ считаетъ, что „правительство цѣлой головой выше нашей интеллигенціи“, и доказательство видитъ въ томъ, что „реформы не прививаются“.

Считаетъ, что революціонное движеніе дѣлаетъ страшный вредъ, и находитъ, что мѣры, принятыя правительствомъ (введеніе военнаго положенія), вполнѣ оправдываются обстоятельствами.

— Что нужно народу?

Народу нужно знаніе—нужно знать, какъ изъ десятины получить не *а*, а *2а*! Что же касается „хорошей жизни“—она возможна и при теперешнемъ общественномъ устройствѣ!..

Заговорили о Чернышевскомъ.

„Это не художественное произведеніе, и если бы было написано просто въ видѣ трактата, то было бы лучше, а такъ принесло болѣе вреда, чѣмъ пользы“.

Его разсужденія были чужды моему настроенію...

Мы отправились на обѣдъ къ Холопову, гдѣ Рѣдичъ постоянно обѣдалъ.

Холоповъ, молодой гвардейскій кавалерійскій офицеръ, съ „гвардейской складкой“, недавно поступилъ въ В. гимназію воспитателемъ. У него мы застали доктора, барона М*, женатаго на одной изъ моихъ дальнихъ родственницъ.

За обѣдомъ шла пикировка между барономъ и Холоповымъ: у доктора была слабость къ формѣ, вообще къ военному, а Холоповъ его дразнилъ, постоянно указывая, что онъ все-таки „статскій“: „и статскій совѣтникъ“ и, вообще, „статскій“.

Холоповъ говорилъ о женитьбѣ, о приданомъ, завидовалъ болгар-

скому князю, про котораго тогда говорили, что онъ женится на княгинѣ Юсуповой.

Завязался споръ.

— Небось, увѣренно говорилъ Холоповъ: не отказались бы жениться, хотя-бы и на 60-лѣтней старухѣ, да изъ знатнаго рода съ милліонами!

Холоповъ собирается куда-то уходить изъ гимназіи, переводится чуть ли не въ жандармы.

— Помилуйте, говоритъ: здѣсь служить нельзя! Средствъ не даютъ никакихъ!

— Ну, а въ полку?

— Тамъ я, по крайней мѣрѣ, знаю—приказалъ и будетъ исполнено, а здѣсь не даютъ никакихъ средствъ!

— Что же вамъ жаль, что нельзя дѣтей сажать на гауптвахту?

— Что они за дѣти; вѣдь у меня воспитанники VII класса!

— Вотъ, когда были корпуса, было лучше и выходили люди.

— А вы знаете, обратился онъ ко мнѣ, что недавно здѣсь было? 6 человѣкъ, въ томъ числѣ двое нашихъ изъ отдѣленія этого хваленаго либерала Z перелѣзли вечеромъ черезъ заборъ въ институтскій садъ и начали „пропагандировать“ институтокъ, ихъ накрыли, они назадъ—черезъ заборъ; за ними—оттуда выстрѣлъ!

— Вѣдь это дѣло дрянь! А отчего?

— Набрали въ воспитатели разныхъ университетскихъ, и пошли либеральныя идеи!

— Теперь возьмите преподаваніе: ну, я понимаю, безъ математики нельзя: она нужна и для артиллеріи и вообще, но зачѣмъ пять лѣтъ затрачивать на разныя „естественныя“ науки—чего тутъ только нѣтъ: и минералогія, и ботаника, и зоологія, и Богъ знаетъ что! Ну къ чему все это строевому офицеру? для завиральныхъ идей?

Пока онъ говорилъ, я вспомнилъ старинный анекдотъ, временъ Николая I: „орелъ, орелъ!“ кричалъ разъ въ лагеряхъ въ Петергофѣ кадетъ; дежурный офицеръ посмотрѣлъ на летѣвшую птицу и говоритъ кадету укоризненно: „дуракъ, носишь пуговицы съ орлами, а до сихъ поръ не знаешь, что у орла двѣ головы!“

— Вхожу, продолжалъ Холоповъ, вечеромъ въ классъ—занимаются; слышу: „сѣра диформна!“ Что такое?

— Оказывается, вы знаете, въ физикѣ—тамъ есть отдѣлъ „свѣдѣнія изъ химіи“, а учитель—семинаръ—изъ этого раздулъ чуть ли не цѣлую химію; и вотъ вамъ — „сѣра диформна!“

— Ну, какой толкъ—спрашиваю—диформна она или триформна.

— А затѣмъ „словесность“—пишутъ сочиненія чуть не каждый мѣсяцъ—къ чему это? только пріучать разводить критику!

— Теперь опять—у насъ 400 воспитанниковъ—устроено 5 библіотекъ!! Къ чему это?

— А съ ружьями когда знакомятся? Въ послѣднемъ классѣ!

— Вотъ въ этомъ году я своимъ: какъ ни придутъ за книгами, а я въ отвѣтъ—„провѣряю библіотеку“! И за весь годъ ни одной книги не выдалъ! и этимъ, навѣрное, принесъ пользу!

— Въ воспитатели кого набрали? университетскихъ, да академиковъ, а строевые—настоящій-то устой—гдѣ!? Вѣдь, правду сказать, здѣсь чуть ли не я одинъ правильно [1]) смотрю на дѣло!

— Нѣтъ, нужно возвращаться къ корпусамъ!

Получаю часто письма изъ батареи отъ Х-ко. Раньше мы вмѣстѣ собирались выходить въ отставку, но теперь онъ рѣшилъ остаться на военной службѣ и впослѣдствіи поступилъ въ артиллерійскую академію. Вотъ нѣкоторые отрывки:

20 апрѣля 1879 г.... „Вчера въ день вступленія нашей батареи въ М* устроили намъ торжественную встрѣчу, гдѣ мы удостоились слышать блестящую рѣчь мѣстнаго исправника.

Вообще эти встрѣчи настолько возмутительны, что и говорить о нихъ противно. Устраиваются совѣтомъ мѣстныхъ административныхъ властей, главную роль, конечно, играютъ тѣ же власти.

Заканчиваются поздравительными телеграммами отъ генералъ-губернатора.

На нашу встрѣчу для декораціи была приглашена одна изъ мѣстныхъ барышень; она съ бокаломъ въ рукахъ сказала намъ трогательную рѣчь. Мы догадываемся, что барышня была привлечена властями, потому что она полька“...

8 мая 1879 г.

...„Я нахожусь въ большомъ колебаніи—выйти въ отставку—меня мучитъ какой-то неопредѣленный страхъ“...

...„Мнѣ хочется большаго, меня гнететъ та жизнь, которую я веду, но... слабость характера и, вообще, малодушіе не позволяютъ мнѣ развязаться съ этой жизнью“... „удерживаютъ на томъ пути, который я считалъ случайнымъ.“...

...„Я сознаю весь ужасъ той жизни, которая предо мной открыта и которая съ каждымъ днемъ меня засасываетъ.“...

---

[1]) „Правильное“ пониманіе сдѣлало очень быстрые успѣхи и вскорѣ, въ 1882 г., военныя гимназіи были преобразованы въ кадетскіе корпуса.

28 мая 1879 г.

...„Я пока доволенъ жизнью въ М*, стѣсненій почти никакихъ, въ распоряженіи масса времени, и я засѣлъ за занятія.

У насъ все по-старому, развѣ кромѣ того, что всѣ, исключая князя, совершенно перестали пить и стали серьезно заниматься [1]). Ожидалъ ли ты отъ барона И*, чтобы онъ былъ способенъ просиживать за занятіями до 4 час. утра!

13 авг. 79 г.

...„Сегодня въ Драгунскомъ полку вышелъ такой эпизодъ: ген. Ванновскій говорилъ рѣчь офицерамъ и въ то время, когда онъ говорилъ о соціализмѣ, Яниковскій слегка фыркнулъ, чему была какая-то побочная причина, оттого Креминскій—человѣкъ, какъ ты знаешь, уже не молодой, улыбнулся; Ванновскій вообразилъ, что фыркнулъ Креминскій, вызвалъ его передъ фронтъ и приказалъ немедленно подать въ отставку. Каково, а?“...

...79 г.

...„Позавчера въ присутствіи командующаго войсками была двухверстная скачка съ четырьмя препятствіями. Отъ нашей батареи, по жребію, скакали съ драгунами я и Ж—ко, а съ уланами баронъ И—ль.

Мой конь скакалъ лихо, до перваго препятствія шелъ первымъ, на препятствіи запнулся, но все же шелъ вторымъ, на послѣднемъ препятствіи, ближе къ внутренней сторонѣ прыгнулъ первый Чеховскій, шедшій сзади меня, и, такимъ образомъ, очутился сразу на цѣлую лошадь впереди меня, и потому я получилъ только третій призъ, а барону повезло: его кобыла, ты помнишь, сырая и скачетъ не особенно, но изъ шедшихъ впереди его уланъ на препятствіяхъ упало нѣсколько человѣкъ, и баронъ взялъ первый призъ...“

---

[1]) Впослѣдствіи Г-нъ и Х-ко поступили въ артиллерійскую академію, З—скій—въ юридическую, Ш—нъ—въ академію Генеральнаго Штаба. Леоновъ остался командовать въ Болгаріи. Баронъ И., человѣкъ съ большими средствами, вышелъ въ отставку и занялся своими дѣлами. Ж—ко и Р—къ остались въ строю.

По возвращеніи въ Россію кн. Р* женился на баронессѣ У*, вскорѣ послѣ этого на „лихомъ“ конномъ ученіи въ присутствіи жены одинъ солдатъ упалъ съ лошади и былъ убитъ наѣхавшимъ орудіемъ; князь подошелъ посмотрѣть и тутъ же упалъ мертвымъ отъ разрыва сердца...

...79 г....

...„Пишу тебѣ тотчасъ, вернувшись съ обѣда, устроеннаго ген. Ванновскому. Сегодня онъ смотрѣлъ въ конномъ строю 1-ую бригаду нашей дивизіи. Нашей батареей остался очень доволенъ, назвавъ насъ гвардіей дивизіи!

Ген. же Винбергъ—начальникъ дивизіи—благодаря батарею, до такой степени расчувствовался, что расцѣловалъ князя. Бар. Корфъ назвалъ насъ украшеніемъ его бригады.

Князь на десятомъ небѣ“...

Лѣто готовился къ конкуренымъ экзаменамъ.

Передъ отъѣздомъ заѣхалъ проститься къ Л. А.

Л. А., дальняя родственница, вдова бывшаго губернатора на югѣ, человѣка очень образованнаго — историка; любила принимать и вести „идейные“ разговоры, чаще всего на литературныя темы. У нея засталъ большое общество.

Зашла рѣчь о моемъ рѣшеніи выйти въ отставку.

— Какъ это—вы съ вашей поэтической натурой и вдругъ въ технологическій институтъ?—спрашиваетъ меня Л. А.

— Да развѣ наука это не поэзія?

— Развѣ это не поразительно, если вы изъ небольшой формулы можете вызвать столько образовъ, что ими можно наполнить цѣлую книгу?

— Да, но вѣдь дѣятельность такая прозаическая!

— Да развѣ это не увлекательно, если вы, пользуясь законами природы, берете такую власть надъ мельчайшими частицами различныхъ тѣлъ, что заставляете ихъ вступать во взаимодѣйствіе, заставляете ихъ выбрасывать отъ себя все лишнее и образовывать именно то, что вамъ нужно?

— Развѣ это не поэзія, если вы перекидываете мосты черезъ бурные потоки, пронизываете горы туннелями и такимъ образомъ соединяете то, что до васъ было разъединено природой.

Я, кажется, не убѣдилъ: когда я собирался бросать военную службу, не удовлетворяясь личнымъ моимъ положеніемъ, мнѣ указывали на общее значеніе дѣятельности, теперь же, когда я стремлюсь къ другому, именно изъ-за грандіозности общаго, мнѣ дѣлаютъ возраженіе на почвѣ будничности личной дѣятельности.

О „будничномъ“ я не думалъ...

Конечно, военная академія мнѣ открывала двери къ вѣрной карьерѣ, но именно о „карьерѣ“-то я и не думалъ.

Меня манило таинственное будущее...

Возможныя лишенія за долгіе годы студенчества [1]) меня не только не пугали, но рисовались въ поэтическихъ образахъ...

Мнѣ хотѣлось знаній, мнѣ хотѣлось быть просто человѣкомъ, не человѣкомъ касты...

Мнѣ хотѣлось подвига...

Одинъ изъ присутствовавшихъ, почти все время молчавшій, выходилъ вмѣстѣ со мной.

— Я не знаю—о постройкѣ какого моста вы говорили?..

Взволнованный всѣми предыдущими разговорами, я отвѣчалъ:

— Участвовать въ общей постройкѣ моста изъ мрака къ свѣту черезъ топи невѣжества!..

— Да... Не забывайте, что нужны крѣпкіе устои... не забывайте, что на укрѣпленіе почвы, особенно, если это, какъ вы говорите, топи, можетъ уйти работа нѣсколькихъ поколѣній...

Мы простились, и больше намъ не пришлось встрѣчаться.

Въ августѣ я былъ уже студентомъ.

---

[1]) Студентомъ я пробылъ шесть лѣтъ.

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. [1])

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

9.

10-го апрѣля 1823 г. (Шаево).

Не знаю, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, радоваться ли вашему путешествію или нѣтъ [2]). Съ одной стороны, конечно, пріятно вамъ будетъ на бѣлой свѣтъ посмотрѣть; но съ другой сколько тоски! Знакомые и пріятели остаются здѣсь, общество же Александра Львовича [3]) можетъ иногда и тягостнымъ сдѣлаться, благодаря причудамъ господъ знатныхъ. Покойникъ Токаревъ отвѣдалъ ихъ и разсказалъ мнѣ кое-что, не слишкомъ приманчивое. Впрочемъ, онъ вамъ не примѣръ, и дай богъ чтобъ Вы по чужимъ краямъ катались какъ сыръ въ маслѣ. Спѣшу отвѣчать на ваше письмо, надѣясь что мое застанетъ васъ еще въ Петербургѣ, однако изъ предосторожности надписываю на имя Андрея Андреевича, не понимаю для чего Вы не прислали ко мнѣ своего или Нарышкинскаго адреса въ Москвѣ; тогда бы мой отвѣтъ скорѣе къ вамъ дошелъ. Въ самомъ дѣлѣ не забудьте по акуратнѣе извѣщать меня куда къ вамъ писать, и скоро

---

[1]) См. „Русская Старина“ май 1910 г.

[2]) Бахтинъ отправился за границу, въ качествѣ секретаря при канцлерѣ россійскихъ орденовъ, 9-го мая 1823 г.

[3]) Александръ Львовичъ Нарышкинъ род. 1760, ум. 1826, оберъ-камергеръ, главн. директоръ театровъ съ 1799 по 1814 г., канцлеръ россійскихъ орденовъ съ 1818 г.

ли Вамъ нужно мое свидѣтельство о вашей трезвости на имя Колосовыхъ [1]). Повѣрьте что онѣ и безъ того васъ очень хорошо помнятъ и избавятъ васъ отъ труда склонять ваше имя. Жаль что мои обстоятельства еще не совсѣмъ поправились, а то бы мы поѣхали вмѣстѣ. Каченовскій какъ я вижу, обстригаетъ ножницами лишнія похвалы, а паче всего боится оскорбить сильныхъ на земли. Я жду даже что онъ совершенно перестанетъ печатать вашу статью, ибо продолженья, обѣщаннаго въ 3-й и 4-й книжкѣ, въ 5-й не вышло, и обо мнѣ въ ней ни слова нѣтъ. Что же касается до стиха *Божій промыселъ кляла* [2]), тутъ вижу я перстъ цензуры, и въ тоже время лучшее наставленье всякому порядочному человѣку впредь ничего не писать. Можно ли сдѣлать что-нибудь сносное въ такой несносной неволѣ? и такъ, c'en est fait, le dessein en est pris [3]), я схожу со скользкаго стихотворнаго поприща, и отнынѣ подражаю благоразумному молчанію Андрея Андреевича. Но, признаюсь, тѣмъ болѣе хлопочу о написанномъ мною прежде; хочу все пересмотрѣть, исправить, и будь хоть это позволятъ, напечатать. Рецензія ваша, хотя въ ней и хирятъ безъ пути, все принесетъ мнѣ не малую пользу, а если нападутъ на нее, и того больше.

Жаль что за отъѣздомъ вашимъ нескоро найдется поборникъ правды, а на Жандра надѣжда точно плоха; но увидимъ, и если можно будетъ вѣщь хорошенько оборотить не выходя изъ предѣловъ авторской скромности, я пожалуй самъ сойду in arena и пущусь ломать копья на груди всадника Бестужева и его дружины. По пріѣздѣ вашемъ въ Москву совѣтую вамъ на всякій случай постараться черезъ кого-нибудь познакомиться съ Каченовскимъ, и объяснивъ ему многое на словахъ, склонить его на нашу сторону такъ чтобъ и впредь можно было въ его журналѣ вести наступательную и оборонительную войну. Чебышовъ знаетъ его весьма коротко, и еслибъ онъ былъ въ Москвѣ, то черезъ него легко дѣло сдѣлать. Но, увы! я не раздѣляю вовсе мнѣнія вашего о самомъ Каченовскомъ. Вы почитаете его за умнаго и ученаго человѣка, а мнѣ онъ *зрится* глупымъ, недоученнымъ, раболѣпнымъ педантомъ,

---

[1]) А. М. Колосова, благодаря непріязненному къ ней отношенію кн. А. А. Шаховскаго, принуждена была временно оставить сцену и въ іюлѣ 1822 г., вмѣстѣ съ своею матерью Е. И. Колосовой, уѣхала въ Парижъ, гдѣ и пробыла цѣлый годъ. Встрѣча Бахтина съ Колосовыми произошла въ Варшавѣ („Русск. Стар." 1893 г. мартъ стр., 656).

[2]) Изъ стихотв. Катенина „Ольга".

[3]) „Свершилось, мое рѣшенье принято".

гасильникомъ; словомъ: хуже Греча. Вотъ вамъ новая причина искать случая его увидѣть и съ нимъ поговорить: тогда Вы увѣритесь кто изъ насъ справедливѣе сдѣлалъ заключеніе. Не желаю, а боюсь въ этомъ случаѣ столько же правымъ остаться сколько прежде въ размолвкѣ нашей объ умѣ Ореста Сомова [1]). Замѣчаній же моихъ на замѣчанія ваши не могу сообщить Вамъ прежде пока не увижу всего; по сіе время все хорошо. О выкинутомъ тужить напрасно: горю не пособить, а слезы вода. Вы куплетъ: Такъ весь день она рыдала [2]) и пр. также какъ Грибоѣдовъ [3]) особенно любите, я предпочитаю ему: На сраженьи пали Шведы и пр. и еще три куплета съряду, изъ коихъ первый начинается стихомъ: Мы лишь ночью скачемъ въ полѣ и пр. Говоря о Наташѣ [4]), мнѣ хотѣлось бы чтобъ Вы замѣтили какъ она мило описана въ самомъ началѣ и какъ будто познакомлена съ читателями. Въ Лѣшемъ послѣ бури не дурно было бы выписать еще четыре стиха; послѣдній: *Громкій роздался по лѣсу свистъ* важенъ тѣмъ что онъ нѣсколько страшенъ и приготовляетъ выходъ Лѣшаго. Вотъ вамъ, батюшка, начало моихъ прихотей; а что впередъ будетъ не вѣдаю.

Книгъ мнѣ купить въ чужихъ краяхъ буду Васъ просить, пришлю и списокъ и деньги. Изъ французкихъ теперь могу назначить только: Repertoire du théatre français, auteurs du second et troisième ordre, изданный кажется Г. Petitot [5]). Изъ Итальянскихъ много потребуется стихотворцевъ, ибо я имѣю только Данте, Аріоста, Тасса, Гуарини [6]), Метастазія [7]), Альфіери [8]) и Марини [9]). Нѣмец-

---

[1]) Орестъ Михайловичъ Сомовъ ум. 1833 г. Въ 1822 г. у Катенина съ Сомовымъ возникъ споръ изъ-за переводовъ итальянскихъ стихотвореній на русскій языкъ („С. От." ч. 76 № 14, стр. 303—309, ч. 77 № 16, стр. 65—67 № 17, стр. 121—125 № 19, стр. 207—214 ч. 78 № 21, стр. 28—34).

[2]) Изъ стихотворенія „Ольга".

[3]) Статья Грибоѣдова „О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады „Ленора" („С. О." 1816 ч. 31 № 30), написанная въ отвѣтъ на статью „Жителя Тентелевой деревни" (Н. И. Гнѣдича): „О вольномъ переводѣ Бюргеровой баллады" „Леонора" („С. О." 1816 г. ч. 31 № 27).

[4]) Стихотвореніе Катенина, напеч. въ „С. О." 1815 г. № 13.

[5]) Paris, 1817—1819, 33 vol. in 8.

[6]) Battista Guarini, итальянскій поэтъ, авторъ извѣстной пасторали „Pastor fido" (1585) р. въ 1537 г., ум. въ 1612 г.

[7]) Pietro-Antonio-Domenico-Bonaventura Trapassi (Metastasio) ум. въ 1782 г., извѣстный итальянскій драматическій писатель, авторъ многочисленныхъ лирическихъ драмъ.

[8]) Vittorio conte Alfieri, знаменитый драматургъ р. 1749 г., ум. въ 1803 г.

[9]) Giombattista Marini, изв. драм. писатель р. въ 1569 г., ум. въ 1625 г.

кихъ тоже нѣсколько попрошу. Но ради бога, пришлите мнѣ адресъ вашъ московскій, рижскій и еще гдѣ вы будете останавливаться. Въ бѣлокаменной коли встрѣтите Коробина бывшаго Преображенскаго либо Хрущова малинькаго, кланяйтесь имъ отъ меня. Въ театры разные заверните, и сообщите намъ нѣчто объ нихъ. Прощайте до свиданія, милый Николай Ивановичъ. Какъ далеко оно! Какъ судьба людей разбрасываетъ по всей лицу земли! Весь вашъ

Павелъ Катенинъ.

10.

22-го мая 1823 г. (Шаево).

И такъ любезнѣйшій Николай Ивановичъ, я пишу къ Вамъ уже въ чужую землю; Вы пустились на волю Божію и Александра Львовича: нетерпѣливо жду отъ Васъ извѣстій; но чтобъ и мои доходили какъ слѣдуетъ, прошу Васъ во всякомъ ко мнѣ письмѣ назначать куда именно мнѣ отвѣчать; для этого нужно порядкомъ разчесть, во сколько времени письмо можетъ дойти, и отвѣтъ воротиться. Теперь стану еще по прежнему бесѣдовать съ Вами о Россійскихъ дѣлахъ; не знаю что мнѣ съ Вами дѣлать? благодарить ли или укорять? на то и другое есть причины: благодарить слѣдуетъ за то, что Вы желая мнѣ добра и чести, написали статью съ похвальнымъ обо мнѣ отзывомъ; укорять же за то, что отъ непонятнаго упрямства писать безъ подписи, сія же статья мнѣ можетъ быть повредила. Петербургскіе *добрые люди* смѣтили о *пріятелѣ* и сочинили пародію, весьма низкую, это правда; но и грязь, которую кидаютъ въ Англіи мальчишки на улицахъ, мараетъ прохожихъ. Однако это бы ничего; но вотъ бѣда: тѣ изъ *добрыхъ людей*, которые къ прочимъ добротамъ присовокупляютъ даръ клеветы, скоро скоро шепнули Каченовскому, что я самъ себя хвалю, что ему этаго печатать не льзя; умный вашъ Г-нъ Редакторъ принялъ это за чистыя деньги, самъ письменно утвердилъ нелѣпые слухи, и *главное* для добрыхъ людей, не печатаетъ [1]). Они не позволяютъ отзываться обо мнѣ никому иначе какъ съ ругательствомъ; Зыкова статью Гречь не помѣстилъ по смѣшной плутнево отговоркѣ,

---

[1]) Каченовскій пріостановилъ печатаніе статьи Бахтина, предположивъ, что она написана самимъ Катенинымъ. См. вводную статью.

что отставному гвардейскому полковнику нельзя признаться или быть признаннымъ наставникомъ актера: какова же актера? Каратыгина! Какъ-будто упражненіе и сверьхъ того успѣшное въ искуствѣ можетъ унизить чье-нибудь званіе. О пуританы-мошенники! Вы все-таки настоятельно просите не произносить Вашего имени: воля ваша, тайна ваша; я молчу, но не одобряю этой скрытности.

Оставимъ это. Каковъ вашъ Каченовскій? съ чего вздумалъ онъ поправлять „Ленору“ на „Леонору?“ съ того чтобы передъ невѣжами блеснуть умомъ и знаніемъ: „я де подноготное развѣдалъ, вотъ де какъ Бюргеръ эту балладу написалъ“, на повѣрку же вышло, что онъ просто перевелъ предисловіе польскаго переводчика, который самъ богъ вѣсть правъ ли, полагая что польская пѣсня корень всему; кто ему сказалъ что нѣмецкая пѣсня не старѣе, что эта съ той, а не та съ этой переложена? и что смѣшнѣе важности, съ которою редакторъ поправляетъ одну букву, какъ учитель въ классѣ, да учитель же и вретъ! да учитель же оправдывается передъ другимъ вралемъ Благонамѣреннымъ! и чѣмъ оправдывается? враньемъ польскаго переводчика: „какъ де ему не знать имени піэсы, имъ переведенной!“ видно также какъ вамъ, г. Редакторъ, которые въ подлинникъ не заглянули. Не забудьте также что *шуточки* В—на кажутся Каченовскому *остры*[1]). Читали ли вы со вниманіемъ политическія извѣстія В. Е.? замѣтили ли Вы какъ онъ горячится, какъ поборается по правдѣ? его ли дѣло? успѣхъ рѣшитъ эти трудныя задачи, а не журналисты. Мнѣ нѣсколько совѣстно говорить такъ много объ одномъ предмѣтѣ, и то не слишкомъ важномъ; но для меня важно вывести Васъ изъ заблужденія, для меня тягостно видѣть умнаго человѣка, который почитаетъ умнымъ же педанта. J'ai tout dit[2]). Обращаюсь къ вамъ съ нѣкоторыми просьбами о покупкахъ, во первыхъ нѣмецкихъ книгъ, когда Вы будете въ Дрезденѣ либо въ Берлинѣ. Мнѣ нужны стихотворенія Gedichte

---

[1]) Замѣчаніе редактора „Вѣст. Евр.“ о томъ, что героиня Бюргеровой баллады именуется не „Ленорою“, а „Леонорою“, вызвало возраженіе В—на въ „Благонамѣренномъ“ 1823 г. ч. 21 № 5, стр. 369. Въ отвѣтъ на это возраженіе, Каченовскій помѣстилъ въ „Вѣст. Евр.“ того же года (№ 7 стр. 231—237) статью, въ которой, въ подтвержденіе своего мнѣнія, ссылался на польскаго переводчика нѣмецкой баллады (Dz. Wilen № 7, 1822 г. p. 213). Полемика заканчивается замѣткою В—на въ „Благонамѣренномъ“ (ч. 22 № 10, стр. 292—293),

[2]) „Я все сказалъ“.

Шиллера и Бюргера, Фоссовъ переводъ Иліады и Одиссеи [1]), Штольберговъ переводъ четырехъ трагедій Есхила [2]), да нѣтъ ли порядочнаго изданія Гётева Фауста? а то мое ни на что не похоже. Вообще прошу васъ выбирать изданія лучшія и опрятнѣйшія, избѣгать слишкомъ маленькихъ или карманныхъ, которыми въ Германіи много подчиваютъ, я же этихъ карликовъ ненавижу.

Въ Парижѣ буду Васъ просить купить мнѣ Repertoire du théatre français in 8°, да хорошіе двутысячные часы у Брегета. Назначьте когда, куда и сколько прислать денегъ во первыхъ въ Германію, а тамъ и во Францію. Письма ваши я сохраню непремѣнно; увѣренъ что въ нихъ будетъ много любопытнаго, а все совѣтую сверьхъ того вести по возможности дорожникъ: онъ крѣпко пригодится [3]). Чуть не забылъ сказать вамъ нужное слово о бумагахъ оставленныхъ Вами у Андрея Андреевича: Вы даете мнѣ волю дѣлать съ ними что хочу; но я ихъ не видалъ и живу въ Кологривѣ: Какъ же мнѣ ими распоряжать? рѣшите сами ихъ участь, либо уполномочьте Жандра; я же, какъ Моисей, могу только воздѣвать руки горѣ и желать храброму Навину побѣду надъ Амаликомъ злочестнымъ. Въ Варшавѣ находится въ Литовскомъ гвардейскомъ полку мой братъ двоюродный Ѳедоръ Андреевичъ Катенинъ, меньшой братъ Сашѣ, Подпрапорщикъ либо уже самъ Прапорщикъ: сдѣлайте одолженіе, на досугѣ сыщите его и отдайте ему мой поклонъ съ желаніемъ всѣхъ благъ, успѣховъ и повышеній. Я по сіе время живу одинъ; К. Н. Голицынъ еще не бывалъ, жду его и не дождусь; Барковъ [4]), приглашаемый мною, писалъ ко мнѣ что онъ пріѣдетъ на годъ; сверьхъ того Жандръ сулитъ мнѣ изъ

---

[1]) Переводъ J. H. Voss'a (1750—1826) Иліады и Одиссеи изд. въ 1793 г.; 5-ое изд. 1821 г.

[2]) Fr. Leopold von Stolberg (1750—1819) перевелъ 4 трагедіи Эсхила. Его произведенія и переводы составляютъ большую часть „Трудовъ братьевъ Штольбергъ“ (Werke der Bruder Stolberg. Hamburg 1821—1826 въ 22-хъ т.). Братъ его Christian (1748—1821) перевелъ трагедіи Софокла (Leipzig 1787 въ 2-хъ т.);

[3]) Въ бумагахъ Бахтина сохранился его „Журналъ заграничнаго путешествія“, писанный карандашемъ, заключающій въ себѣ мало любопытныхъ данныхъ,—это голый перечень видѣнныхъ достопримѣчательностей, безъ какихъ-либо комментаріевъ.

[4]) Дм. Ник. Барковъ род. 1796 г., ум. послѣ 1855 г., служилъ въ л.-гв. Егерскомъ полку, потомъ въ Петербургской таможнѣ, департаментѣ внѣшней торговли мин. финан., въ мин. госуд. имущ., камеръ-юнкеръ, занимался переводами театральныхъ пьесъ. См. мою замѣтку „Къ вопросу о куплетахъ Пушкина“ (Пушкинъ и его современники, 1908 г. вып. VI).

Москвы Грибоѣдова. Все это было бы прекрасно, но по сію пору этаго нѣтъ.

Между тѣмъ я совершенно селюсь въ здѣшней глуши, строюсь и выписываю всякую всячину; даже въ уѣздномъ городѣ затѣваю построить домъ, выбралъ уже мѣсто и подрядилъ бревны. Вотъ тогда обширное бы поле открылось Благонамѣренному писать объ уѣздѣ; но я опасаюсь такихъ благихъ намѣреній, самъ твердо вознамѣрился болѣе стиховъ не писать. Мнѣ кажется, для благородной цѣли жить послѣ смерти я написалъ довольно, если оно хорошо; другой же цѣли: одолѣть ненависть, заставить молчать чернь литературную, я никогда достигнуть не могу; къ ней нѣтъ пути прямаго, а кривулями, интригами я дѣйствовать не умѣю и учиться не хочу. Гдѣ Вы встрѣтили Колосовыхъ? дочь умница. Прощайте, любезнѣйшій мой Николай Ивановичъ, наблюдайте, восхищайтесь, и пишите къ намъ. Въ возможной исправности отвѣтовъ будьте всегда увѣрены. Весь вашъ.

Павелъ Катенинъ.

Сообщилъ А. Чебышевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Парижскія воспоминанія.

(Всемірная выставка 1869 г.—Наполеонъ III и поляки.—Пребываніе Александра II въ Парижѣ и покушеніе Березовскаго.—Протестантизмъ въ Парижѣ и у насъ.—Франко-прусская война 1870 г.—Замѣчаніе Ѳ. И. Тютчева о значеніи Седанской битвы для Франціи.)

Съ самаго моего дѣтства мнѣ пришлось жить и бывать въ Парижѣ почти безпрерывно до послѣдняго времени. Я въ немъ жилъ то въ качествѣ мирнаго парижскаго гражданина „citoyen Paris“, какъ прозвали меня мои петербургскіе знакомые, то въ качествѣ корреспондента русскихъ газетъ, а именно: „Новаго Времени“, „Гласности“, „Вечерней газеты“ и др. За этотъ долгій періодъ времени, живя въ блестящемъ центрѣ западной цивилизаціи, мнѣ довелось встрѣчаться и видѣть не только много знаменитыхъ личностей, но и быть свидѣтелемъ крупныхъ историческихъ событій, совершавшихся во Франціи со времени паденія имперіи Наполеона III. Между прочимъ мнѣ удалось увидѣть въ Парижѣ всѣ бывшія въ немъ четыре всемірныя выставки 1867, 1878, 1889 и 1900 гг. Но самое интересное въ Парижѣ, по моему мнѣнію, это не столько внѣшнія событія, его касающіяся, сколько самый духъ ежедневной парижской жизни, то, что составляетъ самую душу парижскаго населенія, его идеалы, его нравы, его характеръ, радости и печали. Эту сторону жизни можно узнать только долгимъ пребываніемъ въ Парижѣ и благодаря совершенному знакомству съ французскимъ языкомъ. Тотъ, кто хочетъ узнать другую страну, другую націю долженъ во-первыхъ отрѣшиться отъ предвзятыхъ политическихъ симпатій и антипатій, во-вторыхъ, долженъ умѣть приспособиться къ мѣстнымъ обычаямъ и законамъ. Я встрѣчалъ русскихъ, которые не взлюбили Парижа по слѣдующимъ причинамъ: одинъ потому, что въ

немъ нельзя достать русскихъ щей, другой потому, что въ немъ нѣтъ двойныхъ рамъ въ окнахъ, третій потому, что ему подали не вкусный обѣдъ въ ресторанѣ. И такихъ лицъ, выносящихъ свое сужденіе о всей странѣ по такимъ мелочамъ, гораздо больше, чѣмъ можно бы думать. И это не удивительно. Не многимъ дано узнать душу человѣка другой національности, когда душа эта скрыта подъ тройной броней: другого языка, другой исторіи и другихъ воззрѣній. Въ настоящемъ очеркѣ я не буду придерживаться какого-нибудь строго-хронологическаго порядка изложенія того, что меня болѣе поразило или интересовало изъ видѣннаго мною въ Парижѣ. Это просто рядъ пережитыхъ впечатлѣній за сорокъ лѣтъ парижской жизни.

Первая всемірная парижская выставка 1867 г. была какъ бы апоѳеозомъ имперіи Наполеона III. Всѣ государи Европы собрались на этотъ праздникъ мирнаго культурнаго соперничества и никому, конечно, не могло придти въ голову, что всего три года спустя маленькая Пруссія, какъ ее тогда еще называли, превратится въ грозную Германскую имперію, Франція сдѣлается республикой, а Наполеонъ III окончитъ жизнь въ безславномъ и горькомъ изгнаніи. Всемірная выставка 1867 г. была одна изъ самыхъ удачныхъ изъ всѣхъ бывшихъ впослѣдствіи выставокъ, во-первыхъ, потому, что она была новинкой въ этомъ родѣ развлеченій, а во-вторыхъ—по числу собравшихся по этому случаю въ Парижѣ коронованныхъ особъ съ ихъ блестящей свитой. Знаменитый царь вальса Іоганъ Штраусъ нарочно сочинилъ и въ первый разъ сыгралъ во главѣ своего оркестра свой извѣстный вальсъ „An der blau Donau“ при открытіи выставки.

Звуки этого вальса съ этого времени обошли весь свѣтъ. Вообще эта первая выставка носила особенный характеръ какого-то всемірнаго братства. Многіе вѣрили, что положено начало для новыхъ международныхъ отношеній, гдѣ соревнованіе между націями будетъ выражаться впредь исключительно на почвѣ труда и промышленнаго прогресса. Состоявшее при выставкѣ библейское общество распространяло безвозмездно въ публикѣ въ количествѣ милліоновъ экземпляровъ переведенные на разные языки отрывки изъ Библіи и Евангелія, а также отдѣльные разсказы, въ видѣ изящно переплетенныхъ маленькихъ брошюръ. Общество поручало дѣтямъ дѣло распространенія этихъ брошюръ среди публики, и мнѣ доставляло большое удовольствіе принимать участіе въ этой мирной пропагандѣ. Между распространяемыми такимъ образомъ душеспасительными книжками особенно пользовался успѣхомъ символическій разсказъ изъ русской жизни подъ названіемъ „Вѣрный

слуга", въ которомъ русскій крѣпостной, чтобы спасти своихъ господъ, ѣдущихъ въ саняхъ въ зимнюю ночь, преслѣдумыхъ голодными волками, жертвуетъ собой и бросается изъ саней на растерзаніе волкамъ.

Во время парижской выставки полякъ Березовскій совершилъ покушеніе на жизнь Императора Александра II. Событія 1863 года въ Польшѣ были причиной того, что Парижъ наводнила масса польскихъ бѣглецовъ. Наполеонъ III игралъ въ либерализмъ и на словахъ, конечно, выражалъ свое сочувствіе Польшѣ.

Мицкевичъ получилъ казенное мѣсто профессора славянской литературы въ Сорбоннѣ, и польская эмиграція вѣрила, что Франція активно заступится за Польшу. При какомъ-то оффиціальномъ пріемѣ, адвокатъ Флокэ, впослѣдствіи предсѣдатель французской палаты депутатовъ и прославившійся своимъ участіемъ въ скандальномъ дѣлѣ Панамы, обратился къ Александру II съ такими словами: „Vive la Pologne, Monsieur!".

Вообще французское правительство, опьяненное внѣшнимъ блескомъ Наполеоновскаго царствованія, не знало предѣловъ своему высокомѣрію и самообольщенію. При такихъ обстоятельствахъ совершилось покушеніе Березовскаго. Александръ II ѣхалъ въ открытой коляскѣ съ Наполеономъ III въ Булонскомъ лѣсу. Какой-то человѣкъ выскочилъ на дорогу и выстрѣлилъ изъ револьвера въ коляску. Пуля однако задѣла только голову лошади адъютанта Наполеона III, ѣхавшаго верхомъ съ боку коляски. Говорили, что сейчасъ послѣ покушенія Наполеонъ III воскликнулъ: „это противъ меня—итальянецъ". А Александръ II замѣтилъ, что вѣроятно покушался противъ него полякъ. Послѣднее оказалось вѣрнымъ.

Мнѣ пришлось присутствовать нѣсколько дней спустя на торжественномъ благодарственномъ молебнѣ, совершенномъ по этому случаю въ русской церкви въ улицѣ Дарю въ присутствіи коронованныхъ лицъ, Наполеона III и Вильгельма I, тогда еще бывшаго только прусскимъ королемъ. Я стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ французскаго императора и помню его блѣдное усталое лицо съ большими усами, омраченное загадочной грустью. Онъ уже тогда болѣлъ каменной болѣзнью, которая унесла его въ могилу. Напротивъ, Вильгельмъ I, хотя старше годами, чѣмъ Наполеонъ, поражалъ своимъ здоровымъ и довольнымъ видомъ и подвижностью. Послѣ молебна онъ вышелъ на крыльцо церкви, окруженный приближенными, между которыми находился Бисмаркъ, и ждалъ нѣсколько минутъ приближенія экипажа. Для него блестящая пора его царствованія была еще вся впереди. Впослѣдствіи я видалъ не разъ Императора Вильгельма въ Берлинѣ и всегда вспоминалъ его

въ той скромной роли, въ которой мнѣ пришлось его встрѣтить на Парижской всемірной выставкѣ въ 1867 году.

Въ молодые годы моего пребыванія въ Парижѣ мнѣ пришлось вращаться въ французскихъ протестантскихъ кружкахъ, представлявшихъ тогда большой интересъ вслѣдствіе выдающихся проповѣдниковъ, которые привлекали избранную публику. Между такими проповѣдниками отмѣчу: Берсье, основатель свободной церкви въ Парижѣ, Кулэнъ, привлекшій массу слушателей рядомъ блестящихъ по изложенію проповѣдей на тему: „Сынъ человѣческій“ и Прессансэ пасторъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сенаторъ, отецъ извѣстнаго журналиста и депутата. Всѣ эти проповѣдники имѣли сильное вліяніе на политику, направляя ее въ либеральное русло. Они встрѣчали противодѣйствіе въ католическихъ клерикальныхъ сферахъ. Но Парижъ временъ варѳоломеевской ночи и преслѣдованія гугенотовъ давно пережилъ періодъ религіозной нетерпимости, и въ настоящее время нѣтъ націи, болѣе терпимой къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, какъ французы. Нѣсколько лѣтъ назадъ можно было видѣть одного французскаго депутата, принявшаго магометанство, производящаго передъ тѣмъ, чтобы войти въ зданіе парламента, омовеніе на берегу Сены на глазахъ равнодушной уличной толпы. Изъ названныхъ проповѣдниковъ особенно славился Берсье, очень извѣстный среди тогдашней русской колоніи.

Не могу не упомянуть, говоря о французскомъ протестантизмѣ, о замѣчательной женщинѣ г-жѣ Андрэ, жившей въ Версалѣ въ чудномъ собственномъ домѣ и занимавшейся исключительно, если можно такъ выразиться, активной религіозной пропагандой. Это была старая, но жизнерадостная дама, очень богатая вдова, посвятившая остатокъ своей жизни дѣланію добра и молитвѣ. Въ ея виллѣ „Ля Розере“ каждое воскресенье собиралось большое общество вмѣстѣ съ простымъ народомъ и день проходилъ въ пѣніи гимновъ и въ проповѣдяхъ. Мы часто бывали на этихъ собраніяхъ, отличавшихся рѣдкимъ оживленіемъ и радушіемъ и оставлявшихъ впечатлѣніе религіозныхъ собраній первыхъ временъ христіанства, откуда были изгнаны всякія формальности, и гдѣ всякій, желавшій излить свои чувства, имѣлъ свободный доступъ на каѳедру. У г-жи Андрэ были уже взрослые сыновья и дочери высокопоставленные въ парижскомъ свѣтскомъ обществѣ и которые также принимали живое участіе въ этихъ религіозныхъ собраніяхъ. Въ нихъ не было политической подкладки, но бѣдные и богатые соединялись въ одномъ молитвенномъ настроеніи. Тотъ же характеръ свободной религіозной проповѣди проявился впослѣдствіи въ учрежденной генераломъ Бутсомъ „Арміи спасенія“, а у насъ въ сектѣ „Паш-

ковцевъ". Впослѣдствіи мнѣ пришлось болѣе близко познакомиться съ г. Пашковымъ и дѣятельностью арміи спасенія г. Бутса, къ которому примкнулъ Пашковъ, удаленный за свою дѣятельность изъ Россіи. Помню, какъ въ одинъ прекрасный день онъ явился ко мнѣ въ Парижѣ на квартиру, совершилъ молитву и снабдилъ билетомъ для входа въ собраніе арміи.

Извѣстіе о началѣ войны 1870 года застало насъ, когда мы находились на морскихъ купаніяхъ въ Остендэ. Телеграммы нѣсколько разъ въ день вывѣшивались на стѣнахъ казино. Возбужденіе публики было чрезвычайное, особенно находящихся въ Остендэ французовъ. Эти послѣдніе все ждали извѣстій о французскихъ побѣдахъ. Вмѣсто этого пришли первыя вѣсти о дѣлахъ при Сарбрюкенѣ, Вертѣ и т. п. Успѣхъ при первыхъ же столкновеніяхъ сразу опредѣлился на сторонѣ нѣмцевъ. Весь ложный блескъ наполеоновской имперіи поблекъ въ нѣсколько недѣль. Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ, котораго мы встрѣтили въ Вѣнѣ въ день Седанской катастрофы, выразилъ свое мнѣніе о Франціи слѣдующими словами: „Tout est perdu surtout l'honneur!" (все потеряно и главнымъ образомъ честь). Проѣзжая черезъ Германію, приходилось встрѣчать поѣзда, наполненные ранеными. Особенно поразилъ меня видъ раненыхъ въ голову. Эти обвязанныя тряпками головы съ блѣдными удрученными лицами и лихорадочными глазами остались въ моей памяти на всегда. Воображеніе уносило мысль на далекія поля битвы, гдѣ разыгрывалась эта кровавая драма. Только много лѣтъ спустя, я пришелъ къ убѣжденію, что этотъ тяжелый урокъ нуженъ былъ Франціи: онъ умѣрилъ ея самомнѣніе и показалъ міру, что самая непрочная слава—это военная слава.

Эта война была послѣднимъ впечатлѣніемъ моихъ дѣтскихъ воспоминаній о Франціи.

Алексѣй Плетневъ.

Воспоминанія жизни Ѳ. Ѳ. Тернера[1].

Весною въ Лугѣ происходили выборы въ земское собраніе. Считая долгомъ каждаго исполнять свои гражданскія обязанности и я поѣхалъ на выборы. Всѣ почти пріѣхали за день до выборовъ; предшествующее собраніе было посвящено разнымъ толкамъ и разговорамъ въ виду предстоящаго дѣла. Въ началѣ собранія, на слѣдующій день, прежде всего былъ возбужденъ вопросъ, въ какомъ порядкѣ баллотировать, и было рѣшено въ алфавитномъ порядкѣ фамилій. Такое рѣшеніе казалось самымъ естественнымъ, а между тѣмъ оно влекло за собою существенное неудобство. Въ началѣ большинство лицъ, изъявившихъ желаніе баллотироваться, получали избирательные шары, — но вскорѣ остальные сообразили, что такимъ образомъ будутъ преимущественно избраны лица, фамиліи коихъ начинаются съ первыхъ буквъ алфавита, и на остальныхъ не останется уже вакансій. Вслѣдствіе того, избиратели стали затѣмъ класть почти всѣ черные шары, и большинство остальныхъ землевладѣльцевъ стало отказываться отъ баллотировки. При такихъ условіяхъ, когда дѣло дошло до буквы Т., и я отказался отъ баллотировки. Но затѣмъ произошелъ слѣдующій непріятный для меня инцидентъ. Въ числѣ дворянъ землевладѣльцевъ былъ богатый помѣщикъ П., извѣстный своими постоянными интригами и находящійся обыкновенно во враждѣ съ тѣмъ или другимъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Въ составѣ прежнихъ членовъ земскаго собранія нахо-

[1]) См. „Русская Старина“, іюль 1910 года.

дился Лихонинъ, личность весьма почтенная, но П. былъ съ нимъ во враждѣ по какому-то неудовольствію. Лихонинъ въ собраніи не присутствовалъ и потому могъ баллотироваться только послѣ присутствовавшихъ. Когда выборы по списку кончились, но вслѣдствіе многочисленныхъ отказовъ оставалось еще одна или двѣ вакансіи не замѣщенными, тогда предложили баллотировать Лихонина. Но П., желая ему сдѣлать непріятность, произнесъ рѣчь, сказавъ, что Лихонинъ въ собраніи не присутствовалъ, а между тѣмъ въ числѣ присутствующихъ есть такая достойная личность, какъ Тернеръ, котораго слѣдовало бы прежде баллотировать, если онъ на то согласится. Не зная ничего объ отношеніяхъ П. къ Лихонину и не подозрѣвая въ рѣчи П. какого-либо подвоха, хотя и удивлялся, что онъ вдругъ меня сталъ такъ выхвалять, я наивно согласился на баллотировку. Я оказался избраннымъ незначительнымъ большинствомъ, а такъ какъ при этомъ оказалась еще какая-то ошибка въ счетѣ шаровъ, то я окончательно въ гласные не попалъ—а между тѣмъ, благодаря этому маневру, Лихонинъ остался не выбраннымъ. Впослѣдствіи мои друзья упрекали меня въ томъ, что я оказался причиною невыбора Лихонина—согласившись на лукавое предложеніе П-а. Мнѣ, разумѣется, это было очень непріятно—тѣмъ болѣе, что я не подозрѣвалъ никакой интриги въ предложеніи П-а пустить меня на баллотировку и только потому и согласился на него.

По возвращеніи въ Петербургъ, я узналъ о смерти Ю. Ѳ. Самарина. Это извѣстіе меня поразило очень печально потому, что я весьма уважалъ и цѣнилъ его. Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ всегда высказывался политическимъ противникомъ нѣмцевъ и Германіи, въ сущности же онъ любилъ нѣмцевъ и горячо былъ преданъ нѣмецкой наукѣ—и замѣчательно, что ему суждено было умереть въ нѣмецкомъ госпиталѣ, въ Берлинѣ, гдѣ онъ незадолго передъ тѣмъ дѣлалъ сообщеніе въ большомъ обществѣ, не помню, по какому-то вопросу въ связи съ Россіей, сообщеніе, которое было выслушано съ живѣйшимъ интересомъ.

Юрій Ѳедоровичъ находился до самой смерти въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ баронессой Эдитой Ѳедоровной Рааденъ; между нею и Самаринымъ происходила, между прочимъ, весьма интересная переписка по поводу остзейскаго вопроса. Русская патріотка въ душѣ, баронесса Эдита Ѳедоровна считала долгомъ отстаивать вмѣстѣ съ тѣмъ историческія права остзейцевъ, не соглашаясь съ умѣстностью той крайней руссификаціи, которая началась въ царствованіе Александра III. Самаринъ, какъ извѣстно, состоялъ въ молодости чиновникомъ по особымъ порученіямъ при князѣ Суворовѣ въ Ригѣ и сильно агитировалъ въ русскихъ кругахъ противъ

остзейскихъ порядковъ. Это было при Императорѣ Николаѣ I. Государь потребовалъ его къ себѣ и въ разговорѣ съ нимъ заявилъ ему, что онъ признаетъ его стремленіе, хотя и совершенно почтеннымъ, но чисто идеалистическимъ увлеченіемъ и что онъ не считаетъ политически умѣстнымъ производить пертурбацію въ краѣ. Засимъ служба Самарина въ Ригѣ прекратилась; впослѣдствіи, уже при Александрѣ II-мъ, вышла его книга о балтійскихъ окраинахъ, надѣлавшая столько шума. Вотъ по этому поводу и происходила продолжительная и крайне интересная переписка его съ баронессою Рааденъ. Разумѣется, эта переписка не привела ихъ къ соглашенію, каждая сторона, какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, осталась при своемъ мнѣніи. Замѣчательно, что эти двѣ выдающіяся личности, стоявшія въ такомъ важномъ вопросѣ на совершенно противоположныхъ точкахъ зрѣнія, до конца жизни оставались въ самыхъ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ.

Къ баронессѣ Эдитѣ Ѳедоровнѣ я всегда питалъ глубокое уваженіе; разъ только между нами произошла временная размолвка по поводу дешевыхъ столовыхъ для студентовъ, о которыхъ выше была рѣчь. Вотъ, послѣ того какъ я отказался отъ предсѣдательства въ комитетѣ столовыхъ, мы нѣкоторое время оставались съ нею въ весьма холодныхъ отношеніяхъ. Впослѣдствіи мало-по-малу наши отношенія пришли, однако, въ прежнее положеніе. Наше сближеніе особенно подвинулось въ моментъ трагическаго происшествія 1-го марта. Подъ вліяніемъ этого тяжелаго впечатлѣнія, Эдита Ѳедоровна пригласила меня провести у нея вечеръ, чтобы поговорить о совершившемся, присовокупивъ, что въ такое печальное время всѣ порядочные люди должны соединиться вмѣстѣ. Послѣ того наши дружескія отношенія продолжались до самой ея смерти.

Около этого времени я случайно прочелъ въ газетахъ о несчастномъ положеніи бѣдной женщины С., мужъ которой, служившій въ Государственномъ Банкѣ, за поддѣлку векселей, былъ сосланъ въ Сибирь, и которая съ двумя малолѣтними дѣтьми осталась безъ всякихъ средствъ. Меня этотъ случай заинтересовалъ, и я поѣхалъ посѣтить ее. Все это оказалось правдой—я далъ ей нѣкоторое денежное пособіе и затѣмъ продолжалъ по временамъ оказывать ей помощь. Обо всемъ этомъ я разсказываю только въ виду послѣдующаго трагическаго эпизода, происшедшаго съ сыномъ этой женщины. Мальчикъ оказался очень способнымъ и современемъ перешелъ въ Кронштадтскую гимназію, такъ какъ мать его опредѣлилась туда въ Красный Крестъ. Тамъ онъ оказался однимъ изъ первыхъ учениковъ, такъ что получилъ казенную стипендію; по окончаніи курса въ гимназіи, онъ поступилъ въ медицинскую академію. Этотъ не-

счастный, вмѣсто того, чтобы думать о поддержаніи матери и сестры, увлекся въ политическое революціонное дѣло,—участниками котораго въ Кронштадтѣ было даже совершено убійство одного гимназиста, котораго вѣроятно подозрѣвали въ измѣнѣ. Объ этомъ дѣлѣ въ свое время много говорили. Вскорѣ послѣ поступленія молодого человѣка въ медицинскую академію, онъ былъ арестованъ, подвергнутъ суду и приговоренъ къ ссылкѣ на Сахалинъ, гдѣ онъ годъ или два спустя и скончался. Послѣднее время, до этой катастрофы, когда онъ приходилъ ко мнѣ, я былъ удивленъ тѣмъ, что на его лицѣ появилось какое-то ожесточенное выраженіе—между тѣмъ какъ прежде это былъ добродушный мальчикъ. Очевидно, контрастъ между положеніемъ его сверстниковъ въ гимназіи, принадлежащихъ большею частью къ состоятельнымъ семействамъ, и его собственнымъ приниженнымъ положеніемъ у бѣдной матери, ожесточилъ самолюбиваго и способнаго мальчика, и этимъ настроеніемъ воспользовались пропагандисты, чтобы привлечь его въ свою среду.

Во второй половинѣ мая ко мнѣ зашелъ директоръ Кредитной Канцеляріи А. В. Цимсенъ и сообщилъ мнѣ, что оказывается необходимымъ послать особо довѣренное лицо отъ министра финансовъ въ Румынію, для заключенія съ румынскимъ правительствомъ и румынскими желѣзными дорогами конвенціи, относительно способа уплаты за перевозку нашихъ войскъ,—и что Михаилъ Христофоровичъ намѣренъ возложить это порученіе на меня. Столь неожиданное предложеніе меня, разумѣется, крайне поразило. Отправленіе на театръ войны, въ центръ происходившихъ тогда событій, представляло несомнѣнно большой интересъ, но съ другой стороны трудность такого порученія и сомнѣніе—удастся ли мнѣ привести довольно сложную въ частностяхъ задачу къ удовлетворительному окончанію, не мало меня смущало. Несмотря на то, я изъявилъ согласіе принять дѣлаемое мнѣ предложеніе (Рейтернъ въ этомъ отношеніи былъ очень деликатенъ: давая служащимъ у него какое-либо особенное порученіе, онъ передъ тѣмъ всегда спрашивалъ ихъ на то согласіе). — На другой день уже послѣдовало утвержденіе моей командировки.

Пришлось, не теряя времени, готовиться къ отъѣзду—запасаться необходимыми вещами на дорогу, дѣлать прощальные визиты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, знакомиться съ предварительной перепиской по предстоящему мнѣ дѣлу. На все это прошло дня три. Покончивъ со всѣми приготовленіями и посѣтивъ на прощаніе могилу жены, я 26-го мая выѣхалъ изъ Петербурга, въ сопровожденіи служившаго у меня человѣка, черезъ Берлинъ, Дрезденъ въ Пештъ. Изъ Дрездена, гдѣ я пробылъ цѣлый день, я вечеромъ отправился въ эки-

нажѣ въ лежащее близъ Дрездена мѣстечко Пильницъ, чтобы проститься съ матушкой и сестрами, которыя тамъ находились. На слѣдующій день я поѣхалъ дальше—въ Пештъ.

Во время дороги мнѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что сопровожденіе русской прислуги, въ заграничномъ путешествіи, не облегчаетъ, а затрудняетъ путешествіе, потому что приходится постоянно заботиться о прислугѣ, не говорящей на иностранномъ языкѣ, чтобы не потерять ее изъ виду. Такъ, напримѣръ, на одной изъ станцій, гдѣ пришлось пересаживаться на другой поѣздъ, такъ какъ тотъ поѣздъ, съ которымъ мы выѣхали изъ Дрездена, направлялся въ Вѣну, мнѣ немалаго труда стоило отыскать Никиту въ массѣ пассажировъ, чтобы указать ему, въ какой вагонъ ему слѣдуетъ пересѣсть. Были съ нимъ также курьезныя сцены. Разъ, какъ-то, онъ сидѣлъ въ сосѣднемъ со мною отдѣленіи, и я слышалъ, какъ спутникъ его что-то очень оживленно ему говорилъ и потомъ даже сталъ кричать. Оказалось, что его спутникъ говорилъ съ нимъ по-нѣмецки; ничего не понимая, Никита все время молчалъ и только моталъ головою, но ѣхавшій съ нимъ наивный нѣмецъ никакъ не допускалъ возможности, чтобы пассажиръ не понималъ по-нѣмецки, и потому воображалъ, что Никита глухой, и сталъ громче кричать, чтобы онъ его понялъ...

Пештъ меня поразилъ красотою своихъ строеній; я остановился въ Grand Hôtel, роскошной европейской гостиницѣ, и пробылъ тамъ до другого дня, такъ какъ необходимо было запастись мѣстами на пароходѣ, — изъ Пешта до Орсова приходилось ѣхать по Дунаю. Какъ я уже сказалъ, Пештъ очень элегантный городъ, большіе изящные дома, широкія улицы и скверы, набережная рѣки, противъ города, посреди Дуная красивый островъ Margaretheninsel, на которомъ разведенъ изящный паркъ съ рестораномъ,—все это производитъ впечатлѣніе большого европейскаго города и нѣсколько напоминаетъ Вѣну.

Пароходъ австрійскаго ллойда, на которомъ я отправился на другой день изъ Пешта, превосходно и комфортабельно устроенный, представлялъ полное удобство для пассажировъ. По случаю половодья весною, Дунай разлился широкою полосою, затопивъ на большомъ пространствѣ плоскіе берега съ обѣихъ сторонъ. По берегамъ, казавшимся пустынными, виднѣлись разныя заросли, въ руслѣ рѣки, по временамъ попадались плавучія мельницы, установленныя на якоряхъ. Видъ Дуная, въ этой части исполненнаго пустынной своеобразной поэзіей, нисколько не напоминалъ Рейна или другія европейскія рѣки; мнѣ казалось, что въ такомъ родѣ должно быть зрѣлище на грандіозныхъ американскихъ рѣкахъ, напр., на Миссисипи.

Гуляя послѣ обѣда на палубѣ парохода и любуясь раскрывавшимися передъ моими глазами видами, я услышалъ довольно громкій разговоръ кучки пассажировъ, сидѣвшихъ въ сторонѣ тоже на палубѣ. Бесѣда шла у нихъ, разумѣется, о войнѣ; одинъ старикъ венгерецъ особенно какъ-то горячился, утверждая, что Россія имѣетъ завоевательные планы, но нѣкоторые изъ собесѣдниковъ, особенно одинъ австрійскій офицеръ, возражали ему, указывая на то, что Государь объявилъ при началѣ войны, что никакихъ завоевательныхъ плановъ у него не имѣется, и что нѣтъ повода сомнѣваться въ неискренности такого заявленія, но старый венгерецъ никакъ не могъ на томъ успокоиться и кричалъ все: „Er lügt, er lügt“. У меня было поползновеніе подойти къ нему и, сказавъ, что я русскій, замѣтить ему, что не слѣдуетъ такъ непочтительно отзываться о моемъ Государѣ. Но такъ какъ я былъ совершенно безъ знакомыхъ на пароходѣ и при томъ съ оффиціальнымъ характеромъ, то я не рѣшился это сдѣлать, опасаясь, что могла выйти пренепріятная сцена, если бъ старый венгерецъ не согласился принять спокойно моего возраженія къ свѣдѣнію; но все же, вслѣдствіе этой нерѣшительности, я остался въ какомъ-то непріятномъ настроеніи. Рано утромъ, часа въ 4, нашъ пароходъ остановился у Бѣлграда. Я проснулся нѣсколько позже и поторопился одѣться и выйти на палубу, но стоянка уже кончилась, и нашъ пароходъ отчаливалъ; мнѣ удалось только увидѣть городъ издали. Это была масса какихъ-то небольшихъ бѣлыхъ домиковъ, совсѣмъ не представлявшая вида большого города; по крайней мѣрѣ, я не могъ, правда издали, усмотрѣть хоть одно большое строеніе въ этой массѣ мелкихъ домовъ.

Въ Орсовѣ намъ пришлось покинуть нашъ гостепріимный пароходъ. Я помѣстился въ маленькой, кажется единственной, но довольно чистой гостиницѣ и сталъ собирать справки, какимъ путемъ слѣдовать далѣе въ Бухарестъ. Оказалось, что поѣздъ изъ близъ лежащей станціи Верцерово отправляется рано утромъ и что потому придется провести весь день въ Орсовѣ. Самый городишко не представлялъ ничего интереснаго; на мой вопросъ, что бы можно осмотрѣть замѣчательнаго въ окрестностяхъ города, мнѣ указали на желѣзныя ворота (Eisernes Thor) на Дунаѣ и на турецкую крѣпостцу, кажется, Адда-Калэ, лежащую на островѣ противъ Орсова. Эта крѣпостца представляла какой-то замѣчательный историческій анахронизмъ. Она была расположена, какъ уже сказано, на островѣ, посреди Дуная, т. е. въ водахъ чужого государства, потому что оба берега рѣки принадлежали Австро-Венгріи. Когда-то, послѣ войны, состоялось соглашеніе Австріи съ Турціей, по которому берега Дуная отошли во владѣніе этого государства, а крѣпость Адда-Калэ

оставалась за Турціей, какъ нѣкоторое историческое воспоминаніе господства ея надъ этою страною. Въ крѣпости содержался незначительный турецкій гарнизонъ. Никакого стратегическаго значенія она, разумѣется, не имѣла, ибо оставалась въ рукахъ Турціи только по долготерпѣнію Австріи. Пріѣзжіе въ Орсово обыкновенно ѣздили осматривать этотъ историческій курьезъ: гарнизонъ крѣпости всегда очень привѣтливо принималъ посѣтителей, въ надеждѣ на полученіе бакшиша. Мнѣ также предложили поѣхать осмотрѣть Адда-Калэ, но я нашелъ это рискованнымъ: мы находились въ войнѣ съ Турціей, турецкій комендантъ могъ узнать случайно, что я русское оффиціальное лицо, и задержать меня, — я не хотѣлъ рисковать этимъ и отказался отъ посѣщенія крѣпости.

Но зато я рѣшился поѣхать на Желѣзныя Ворота. Мѣстность, носящая это названіе Eisernes Thor, замѣчательна порогами на Дунаѣ, которые дѣлали дальнѣйшее судоходство по рѣкѣ невозможнымъ (не знаю, устранено-ли въ настоящее время это препятствіе). Кромѣ того, около этого мѣста, во время венгерской революціи, была запрятана въ землѣ корона Венгріи со всѣми ея регаліями. Я взялъ съ собою кельнера гостиницы въ качествѣ cicerone и въ нанятой колескѣ отправился къ Желѣзнымъ Воротамъ. Дорога шла вдоль Дуная, представляла мало интереснаго въ качествѣ пейзажа. Когда мы доѣхали до Желѣзныхъ Воротъ, нашимъ взорамъ представился Дунай, съуженный высокими отвѣсными скалами и пересѣченный рядомъ пороговъ, по которымъ масса воды, сдавленной съ обѣихъ сторонъ скалами, устремлялась съ удивительною быстротою и силою, покрывая все пространство бѣлою пѣной. Нагроможденныя какъ бы какою-то гигантскою рукою на берегу рѣки громадныя, суровыя, сѣрыя скалы были почти лишены всякой растительности; все это представляло грандіозную, но чрезвычайно дикую картину.

Осмотрѣвъ это интересное явленіе природы, мы отправились обратно, потому что мѣстечко, гдѣ была открыта зарытою въ землѣ венгерская корона, лежало въ сторонѣ отъ Желѣзныхъ Воротъ и само по себѣ ничего интереснаго не представляло.

Поѣздъ въ Бухарестъ отправлялся не изъ самой Орсовы, а съ пограничной румынской станціи Верцерово, которая съ Орсовой не была соединена желѣзною дорогой. Поэтому, въ Верцерово приходилось ѣхать въ экипажѣ, а такъ какъ на этотъ путь требовалось часа два или три времени, то пришлось на другой день отправляться въ путь рано утромъ, почти ночью. Я выѣхалъ натощакъ, такъ какъ рано утромъ у насъ въ гостиницѣ ничего нельзя было получить; кельнеръ, извиняясь, объяснилъ мнѣ, что на станціи я найду буфетъ и готовый кофе. Въ Верцерово я прибылъ во-

время; пришлось даже ждать отхода поѣзда. Я отправился въ буфетъ, который оказался далеко не завиднымъ, и напился тамъ прескверная кофе. Въ ожиданіи отправленія поѣзда мнѣ удалось увидѣть на станціи Милана, который тоже куда-то ѣхалъ. Онъ поразилъ меня своею некрасивою фигурой. Толстое туловище и короткія ноги; облеченный въ обтянутый уланскій мундиръ, онъ представлялъ собою что-то карикатурное. Впослѣдствіи я видѣлъ Милана въ Карлсбадѣ въ гражданскомъ платьѣ; штатскій костюмъ нѣсколько скрывалъ неграціозность его фигуры, но военный мундиръ какъ-то особенно выставлялъ уродливость его тѣлосложенія.

Часовъ въ восемь утра поѣздъ двинулся въ путь, и поздно вечеромъ мы прибыли въ Бухарестъ. Дорога не представляла ничего интереснаго; мѣстность ровная и не живописная. Во время пути намъ попадались навстрѣчу поѣзда, нагруженные понтонами; меня удивляло, что эти поѣзда направлялись то въ одну, то въ другую противоположную сторону. Впослѣдствіи я узналъ, что, въ виду предстоящаго перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай, чтобы лишить непріятеля возможности предугадать, гдѣ будетъ происходить переправа, понтоны подвозились къ разнымъ мѣстамъ Дуная, т. е. даже въ такіе пункты, гдѣ переправа совершенно не предполагалась. Эта военная хитрость имѣла полный успѣхъ: турки не догадались, гдѣ произойдетъ переправа нашихъ войскъ, и таковая совершилась благополучно.

Во время пути на разныхъ станціяхъ въ нашъ вагонъ входили очень элегантныя дамы, очевидно принадлежавшія къ мѣстному обществу, обыкновенно въ сопровожденіи румынскихъ офицеровъ, которые разсыпались передъ ними въ любезностяхъ; какъ по ихъ костюму, такъ и по обращенію видно было, что онѣ во всемъ старались подражать Парижу, ихъ идеалу, но только еще въ сильно утрированномъ видѣ; онѣ двигались и разговаривали какъ на сценѣ, будто для публики; всѣ ихъ движенія поражали изысканностью и неестественностью.

Въ Бухарестъ мы прибыли довольно поздно. Я надѣлся встрѣтить на станціи комиссіонера отъ нашего генеральнаго консула, которому я телеграфировалъ о моемъ пріѣздѣ, но такого не оказалось.

Пришлось о всемъ хлопотать самому. Получивъ багажъ и нанявъ извозчика, я приказалъ ему ѣхать въ главную гостиницу, которую мнѣ рекомендовали, — насколько помню, Grand Hôtel. Пріѣхавъ къ гостиницѣ, я, къ немалому моему смущенію, отъ хозяина ея и портьера, стоявшихъ у входа, получилъ отвѣтъ, что свободныхъ мѣстъ въ гостиницѣ нѣтъ. Это было чрезвычайно непріятно:

ѣхать вечеромъ по чужому городу, отыскивая помѣщеніе въ другихъ второстепенныхъ гостиницахъ, была пренепріятная перспектива. На мое счастье, пока я разспрашивалъ, куда бы отправиться, изъ гостиницы случайно вышелъ одинъ господинъ, съ которымъ я познакомился въ Вѣнѣ, во время происходившихъ тамъ переговоровъ. Онъ узналъ меня и подошелъ ко мнѣ поздороваться; когда я ему объяснилъ мое непріятное положеніе, онъ немедленно подошелъ къ хозяину гостиницы, съ которымъ онъ, повидимому, былъ знакомъ, и объяснилъ ему, что такому важному лицу необходимо дать помѣщеніе въ гостиницѣ. Убѣдившись, что новый пассажиръ заслуживаетъ вниманія, хозяинъ немедленно отвелъ мнѣ красивую комнату, въ которой я и жилъ до конца моего пребыванія въ Бухарестѣ. Гостиница содержалась совершенно по-европейски и могла равняться лучшимъ гостиницамъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, такъ что въ ней жилось очень комфортабельно.

На другой день я поѣхалъ съ визитомъ къ нашему генеральному консулу, барону Стуарту. Баронъ принялъ меня очень любезно и вмѣстѣ съ тѣмъ извинился, что онъ не встрѣтилъ меня на станціи,—это было сказано съ нѣсколько насмѣшливымъ выраженіемъ. Я сейчасъ замѣтилъ, въ чемъ дѣло. Баронъ Стуартъ, получивъ мою депешу, вообразилъ, что я ожидаю его встрѣчи на вокзалѣ, и нашелъ, вѣроятно, что это не соотвѣтствуетъ его положенію. Я ему отвѣтилъ, что мнѣ никогда и въ умъ не приходило ожидать его встрѣчи, но что я позволилъ себѣ ему телеграфировать, въ надеждѣ, что онъ вышлетъ мнѣ на станцію человѣка, который могъ бы меня проводить до гостиницы въ совершенно неизвѣстномъ мнѣ городѣ. Черезъ два часа баронъ Стуартъ отдалъ мнѣ визитъ въ гостиницѣ. Мы разговорились съ нимъ о положеніи дѣла и разстались пріятелями; предварительное объясненіе этому не помѣшало.

Затѣмъ я отправился къ нашему главному полевому казначею, Кидошенкову, чтобы и съ нимъ познакомиться и переговорить о дѣлахъ. Онъ мнѣ показался личностью чрезвычайно дѣльною и порядочною, такъ что мы скоро съ нимъ сблизились. На другой день мнѣ надо было представляться Государю и главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу въ Плоэштахъ, гдѣ тогда находилась наша главная квартира. Мы условились съ Кидошенковымъ, у котораго тоже были дѣла въ Плоэштахъ, отправиться туда вмѣстѣ и я даже остановился тамъ у него на квартирѣ.

На войнѣ полевому казначею приходится большею частью исполнять свои обязанности въ открытомъ полѣ, поэтому у него имѣется особенная полевая касса, при которой всегда находится часовой.

Это была телѣжка, на которой помѣщенъ родъ комода съ множествомъ выдвижныхъ ящиковъ, въ которыхъ хранились: различные сорта денегъ, бланки, квитанціи, ассигновки и другія бумаги. Изъ этой кассы казначей выдавалъ деньги, дѣлалъ на ней записи въ кассовую книгу и т. п. Я часто присутствовалъ при расплатахъ, производившихся Кидошенковымъ на улицѣ или въ полѣ, и удивлялся, какъ это онъ все дѣлалъ быстро и практично.

Слѣдующій день былъ воскресенье. Мнѣ дали знать, что Государь и Великій Князь примутъ меня послѣ обѣдни. Въ этотъ день въ плоэштинской церкви служилась заупокойная обѣдня и панихида съ колѣнопреклоненіемъ въ память солдатъ, убіенныхъ на войнѣ. Это были первыя жертвы; пока ихъ было немного, но скоро число ихъ стало достигать ужасающихъ размѣровъ, особенно послѣ Плевны. Заупокойная обѣдня въ присутствіи Государя, главнокомандующаго и всѣхъ военныхъ была необыкновенно торжественна и произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Послѣ панихиды Государь вышелъ изъ церкви, обошелъ роты солдатъ, выстроившихся передъ церковью, и затѣмъ тутъ же, на площади, принялъ меня и переговорилъ со мною нѣсколько словъ. Затѣмъ я представлялся Великому Князю Николаю Николаевичу. Разспросивъ меня о цѣли моего пріѣзда, онъ сказалъ мнѣ, что въ этотъ день подъ предсѣдательствомъ Государя имѣетъ собраться совѣтъ (Милютинъ, Черкасскій и др.) для обсужденія разныхъ мѣстныхъ дѣлъ и такъ какъ при этомъ коснутся, вѣроятно, и разныхъ финансовыхъ вопросовъ, то, можетъ быть, отъ меня потребуются нѣкоторыя разъясненія. Онъ пригласилъ меня потому явиться также въ мѣсто совѣщанія. Я, разумѣется, исполнилъ приказаніе Великаго Князя и въ условленное время отправился на квартиру, гдѣ происходило совѣщаніе, и сталъ ожидать въ сосѣдней комнатѣ. Я ждалъ довольно долго и меня все не приглашали; затѣмъ стали выходить изъ засѣданія одинъ членъ за другимъ. Дм. А. Милютинъ, увидѣвъ меня, подошелъ ко мнѣ и спросилъ меня, кого я ожидаю. Когда я ему сказалъ о приказаніи Великаго Князя, онъ отвѣтилъ мнѣ, что засѣданіе уже окончено и что мнѣ нечего болѣе ждать. Вслѣдъ за нимъ вышелъ князь Черкасскій, подошелъ также ко мнѣ и сталъ спрашивать моего мнѣнія, какъ слѣдуетъ вести разсчеты — на франки или на рубли. На мое замѣчаніе, что слѣдовало бы вести на рубли, онъ мнѣ отвѣтилъ, что въ сущности это все равно „bonnet blanc et blanc bonnet“. Но я ему замѣтилъ, что, по моему мнѣнію, это не все равно въ томъ смыслѣ, что такъ какъ наши войска занимаютъ страну, то умѣстно, чтобы въ дѣлахъ съ нами разсчеты велись на нашу монету, и что поэтому слѣдуетъ курсировать франки, а не рубли. Полагаю, что

этотъ вопросъ князя Черкасскаго былъ не случайный, но что во время происходившаго передъ тѣмъ совѣщанія ему было поручено условиться со мною по этому вопросу.

Переговоривъ съ кѣмъ слѣдовало изъ нашихъ властей по моему дѣлу, я на другой день возвратился въ Бухарестъ, гдѣ собственно и находилось мое постоянное мѣстопребываніе. Въ Плоэшты я заѣзжалъ только по временамъ на нѣсколько дней по разнымъ дѣламъ. Въ Плоэштахъ былъ заведенъ такой порядокъ, что ежедневно всѣ русскіе офицеры и гражданскіе чины, находившіеся въ городѣ, завтракали и обѣдали у Великаго Князя. Я тоже получилъ приглашеніе на эти обѣды и завтраки во время моего пребыванія въ Плоэштахъ. Тутъ можно было встрѣтить всѣхъ дѣйствующихъ лицъ и переговорить со всѣми; здѣсь, въ живой пріятельской бесѣдѣ, обсуждались военныя дѣйствія и событія дня. Живо помню еще то утро, когда за завтракомъ было получено извѣстіе, что первыя наши части перешли черезъ Дунай. Это извѣстіе привело всѣхъ присутствующихъ въ лихорадочное возбужденіе... какъ это обойдется, успѣютъ ли подкрѣпить ихъ достаточными силами... не будетъ ли нашъ, пока еще небольшой, передовой отрядъ уничтоженъ непріятелемъ—такіе вопросы поглощали вниманіе всѣхъ и каждаго изъ собесѣдниковъ. У всѣхъ какъ камень спалъ съ души, когда вечеромъ было получено извѣстіе, что за первыми эшелонами уже переброшены другія части, составляющія достаточную силу, и что вообще никакого серьезнаго сопротивленія турки намъ не оказали.

Бухарестъ, въ которомъ мнѣ пришлось прожить около мѣсяца, носилъ характеръ только что развивающагося города. Большіе каменные дома на улицахъ перемежались съ незначительными домишками, роскошные магазины и дрянныя лавченки, элегантныя кафе и простыя харчевни, однимъ словомъ, смѣшеніе юныхъ стремленій къ роскоши со старинымъ обиходомъ; все это мнѣ напоминало нѣсколько характеръ нѣкоторыхъ нашихъ улицъ въ С.-Петербургѣ во дни моей юности. Во время моего пребыванія въ Бухарестѣ, тамъ стояла жара нестерпимая, и странно, что отъ нея приходилось страдать не столько днемъ, сколько вечеромъ по закатѣ солнца. Стѣны каменныхъ домовъ накалялись днемъ отъ солнечныхъ лучей и вечеромъ дѣйствовали какъ печи, отдавая свою жару; а такъ какъ въ городѣ ежедневно происходила поливка улицъ, то вода испарялась и къ вечеру атмосфера становилась нестерпимою: трудно было иногда дышать. Какъ сильно было дѣйствіе солнечныхъ лучей, можно усмотрѣть изъ слѣдующаго бывшаго со мною случая. Я шелъ днемъ по улицѣ въ тѣни довольно высокихъ строеній, затѣмъ между нами оказался маленькій домишко, стѣны котораго уже не могли защи-

щать меня отъ солнца. До слѣдующаго высокаго дома приходилось пройти какихъ-нибудь пятьдесятъ шаговъ, я продолжалъ спокойно путь, но вдругъ почувствовалъ столь сильное дѣйствіе солнечныхъ лучей на мою голову, несмотря на то, что былъ въ бѣлой полотняной фуражкѣ, — что я думалъ, что получу солнечный ударъ, и инстинктивно рысью побѣжалъ до слѣдующаго дома, гдѣ опять попалъ въ тѣнь. За городомъ находилась аллея бѣлыхъ акацій, представлявшая мѣсто гуляній,—Баньяръ. Послѣ обѣда она наполнялась ежедневно элегантными экипажами и гуляющими пѣшеходами. Акаціи въ цвѣту издавали чудный запахъ жасмина, но ужасная пыль, поднимавшаяся съ плоскихъ окрестностей, портила наслажденіе прогулкой.

Вскорѣ по возвращеніи въ Бухарестъ, я имѣлъ совѣщаніе съ министрами Братьяно и Когольчанино, при которомъ присутствовалъ и нашъ ген. консулъ баронъ Стуартъ. Мы безъ труда условились въ главныхъ началахъ, на которыхъ я принялся за разработку проекта положенія взаимныхъ разсчетовъ и контроля. Такимъ образомъ съ румынскимъ правительствомъ я скоро пришелъ къ соглашенію, но это касалось пока только правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ; что же касается правленій линій частныхъ жел. дорогъ, то съ ними никакъ нельзя было поладить. Переговоры съ ними продолжались нѣсколько недѣль и все безъ результата.

Въ теченіе этого времени я воспользовался свободнымъ днемъ для поѣздки въ Журжево. Этотъ городъ, лежащій на берегу Дуная и находящійся по желѣзной дорогѣ въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ Бухареста, турки обстрѣливали изъ батарей, помѣщенныхъ на противоположномъ берегу Дуная. Желая посмотрѣть на результаты бомбардировки, я и поѣхалъ въ Журжево. Выѣхавъ рано утромъ изъ Бухареста, я прибылъ около двѣнадцати часовъ въ Журжево и пошелъ гулять по улицамъ этого небольшого, но красиваго города. Вездѣ были видны слѣды бомбардированія: мостовая на улицахъ была мѣстами взрыта разорвавшимися бомбами; нѣкоторые дома прострѣлены, у другихъ отбиты углы и части стѣнъ, однимъ словомъ—городъ представлялъ картину частичнаго разрушенія. Несмотря на то, по улицамъ происходило движеніе людей, имѣвшихъ довольно спокойный видъ. Затѣмъ я прошелъ къ берегу Дуная, и мнѣ показали турецкія батареи, жерла которыхъ были направлены на городъ, которыя хорошо можно было видѣть. Въ городѣ говорили, что въ этотъ день бомбардировка начнется какъ обыкновенно около трехъ часовъ. Поѣздъ въ Бухарестъ отходилъ только въ пять; такимъ образомъ мнѣ пришлось бы часа два пробыть въ городѣ, подвергаемомъ обстрѣливанію. Погода была

хорошая, и потому, не желая безцѣльно подвергать себя опасности быть убитымъ, я отправился изъ Журжево пѣшкомъ до слѣдующей станціи Фратешти и тамъ сѣлъ на поѣздъ.

Нѣсколько дней по возвращеніи въ Бухарестъ, я представлялся князю (нынѣ королю) Карлу и его супругѣ кн. Елисаветѣ. Князь Карлъ сдѣлалъ на меня впечатлѣніе свѣжаго и привѣтливаго молодого человѣка, который держалъ себя съ достоинствомъ, но весьма просто. Меня особенно интересовала княгиня Елисавета, его супруга. Реформатскій пасторъ Дальтонъ, съ которымъ я былъ знакомъ въ Петербургѣ и который прибылъ въ Бухарестъ въ сопровожденіи госпитальнаго отряда, сооруженнаго протестантскими приходами въ Петербургѣ, много мнѣ разсказывалъ о княгинѣ, съ которою онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ по дѣламъ благотворительности. Годъ тому назадъ княгиня потеряла единственную свою дочь и была тѣмъ болѣе убита этимъ горемъ, что состояніе здоровья не давало ей надежды имѣть другихъ дѣтей. Послѣ перваго времени горестнаго унынія, она стала искать развлеченія или скорѣе успокоенія въ усиленныхъ занятіяхъ дѣлами благотворительности. Благодаря ей, въ Бухарестѣ стали возникать разные воспитательные пріюты для дѣтей. Особенно замѣчателенъ основанный ею институтъ для дѣвицъ въ Кватрочени, который я осматривалъ. Институтъ этотъ превосходно устроенъ, и въ немъ заведена очень разумная система: по окончаніи образованія, дѣвицы остаются еще года два или три въ институтѣ, такъ что онѣ вступаютъ въ самостоятельную жизнь уже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Княгиня интересовалась кромѣ того произведеніями искусства; ея дворецъ, похожій на комфортабельный домъ богатаго человѣка, былъ отдѣланъ съ большимъ вкусомъ, но безъ излишней роскоши и наполненъ предметами искусства. Въ послѣднее время королева составила себѣ имя въ литературѣ; стихотворенія и разсказы ея изъ мѣстной жизни, выходящіе подъ псевдонимомъ Carmen Sylva, не лишены литературнаго достоинства.

Переговоры все тянулись и не приходили къ окончанію вслѣдствіе несогласія частныхъ жел. дорогъ. Разъ какъ-то вечеромъ, ко мнѣ заѣхалъ министръ финансовъ Братьяно; переговоривъ обстоятельно о положеніи дѣла, мы пришли къ заключенію, что нѣтъ основанія ожидать долѣе отвѣта правленій частныхъ дорогъ— и что можно приступить къ заключенію договора съ правительствомъ, предоставивъ частнымъ дорогамъ впослѣдствіи присоединиться къ нему.

Братьяно просидѣлъ у меня цѣлый вечеръ, и мы долго бесѣдовали съ нимъ о политическихъ дѣлахъ и объ отношеніи Россіи къ

Румыніи, при чемъ Братьяно объяснялъ мнѣ, почему румынское правительство желаетъ немедленно принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ, пока дѣла наши шли хорошо, мы постоянно отклоняли предложеніе румынскаго правительства подъ предлогомъ, что не пришло еще тому время; князь Горчаковъ, съ которымъ я говорилъ по этому предмету, отзывался въ томъ же смыслѣ, прибавляя, что можетъ быть впослѣдствіи мы снизойдемъ на желаніе румынскаго правительства. И что же,—уже нѣсколько недѣль спустя, когда начались наши неудачи подъ Плевной и когда наши войска, выдвинувшіяся впередъ, принуждены были ретироваться въ виду опасности быть отрѣзанными турецкою арміею, намъ пришлось чуть ли не упрашивать румынъ придти намъ на помощь.

Нѣсколько дней послѣ разговора съ Братьяно, договоръ былъ подписанъ представителями румынскаго правительства и мною, при чемъ была сдѣлана оговорка—что правленіямъ частныхъ жел. дорогъ предоставляется приступить къ нему, подчиняясь всѣмъ пунктамъ соглашенія между обоими правительствами.

Затѣмъ мнѣ нечего было болѣе оставаться въ Бухарестѣ, тѣмъ болѣе, что я спѣшилъ ѣхать въ Карлсбадъ, гдѣ въ это время было мое семейство, и куда мнѣ хотѣлось прибыть ко дню рожденія моей сестры.

Я послалъ въ Петербургъ Рейтерну оригинальный текстъ заключеннаго мною договора, объясняя, что я считалъ наиболѣе умѣстнымъ произвести нѣкоторое давленіе на правленія частныхъ дорогъ заключеніемъ договора, не ожидая ихъ согласія, такъ какъ то неопредѣленное положеніе, въ которомъ они оставались, должно побудить ихъ присоединиться къ договору. Извѣщая затѣмъ Михаила Христофоровича, что я уѣзжаю въ Карлсбадъ, я присовокуплялъ, что если бы мои предположенія не оправдались и пришлось бы все же еще вести переговоры съ частными дорогами, то по окончаніи курса леченія въ Карлсбадѣ, я опять отправлюсь въ Бухарестъ. Правильность моего предположенія, однако, вполнѣ оправдалась. Недѣли черезъ двѣ послѣ пріѣзда въ Карлсбадъ, я получилъ извѣщеніе, что частныя жел. дороги, поставленныя нашими рѣшеніями au pied du mûr, выразили полное согласіе присоединиться къ договору, заключенному между двумя правительствами, и подписали всѣ его стипуляціи.

Послѣдній день передъ отъѣздомъ я еще посвятилъ осмотру нѣкоторыхъ мѣстныхъ достопримѣчательностей; такъ, между прочимъ, я посѣтилъ патріархію, громадное темное зданіе, напоминающее по своей архитектурѣ нѣкоторые монастыри въ Римѣ.

Затѣмъ я посѣтилъ въ городской больницѣ лежавшаго тамъ лейтенанта Скрыдлова, раненаго во время произведеннаго имъ взрыва турецкаго судна.

Въ послѣднихъ числахъ іюня я выѣхалъ изъ Бухареста. Вмѣсто прежняго пути я избралъ дорогу на Плоэштъ, Синяю, Кронштадтъ (въ Трансильваніи) и Пештъ, такъ какъ въ этомъ направленіи отъ Кронштадта до Карлсбада было прямое желѣзнодорожное сообщеніе. Изъ Плоэшта въ Кронштадтъ приходилось ѣхать въ дилижансѣ, который отходилъ ежедневно вечеромъ и утромъ изъ гостиницы Hôtel de Moldavie. Я надѣялся прямо съ желѣзной дороги сѣсть въ дилижансъ, но мой разсчетъ не оправдался. Когда поѣздъ прибылъ въ Плоэштъ, тамъ разразился проливной дождь, извозчиковъ на станціи не было и пришлось прождать болѣе часа, пока комиссіонеръ досталъ мнѣ, наконецъ, извозчика. Пріѣхавъ въ Hôtel de Moldavie къ моменту самаго отхода дилижанса, нашелъ, что уже слишкомъ поздно, всѣ мѣста были заняты, и дилижансъ отправился безъ меня; пришлось дожидаться слѣдующаго утра. Hôtel de Moldavie оказался довольно плохой гостиницей съ садомъ, нѣчто въ родѣ очень невзрачнаго café chantant. Мнѣ отвели душную комнатку, въ которой почти не спалось. Эта задержка мнѣ была очень непріятна въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, я терялъ цѣлый день и опасался опоздать въ Карлсбадъ, а затѣмъ я разсчитывалъ, уѣзжая вечеромъ, проѣхать Синяю въ теченіе дня. Синяя, лѣтнее пребываніе княжескаго семейства, лежитъ въ горахъ, въ такъ называемой Румынской Швейцаріи и представляетъ чрезвычайно живописное мѣстоположеніе. Теперь пришлось проѣзжать Синяю поздно вечеромъ и частью ночью, такъ что я едва могъ разглядѣть окружавшіе меня виды. Мѣстность напоминала нѣсколько Австрійскую Швейцарію, въ окрестностяхъ Зальцбурга.

Дилижансъ, въ которомъ я выѣхалъ на другой день утромъ, былъ какой-то допотопный рыдванъ, родъ большого ящика на колесахъ, но четверка здоровыхъ лошадей везла насъ быстро. Въ Кронштадтъ мы прибыли на другой день утромъ. Это небольшой, но крайне живописный городъ, расположенный въ равнинѣ среди зеленыхъ холмовъ и горъ. Мѣстность такъ и звала на прогулку, но поѣздъ отходилъ черезъ нѣсколько часовъ и пришлось отказаться отъ желанія погулять въ этой милой окрестности.

Пройдя невысокія горы, окружающія Кронштадтъ, желѣзнодорожный поѣздъ продолжалъ путь, почти до самаго Пешта, по плоской малонаселенной равнинѣ, это венгерская Пуста. Поѣздъ былъ небольшой, вагоны скромные, но чистые—шелъ довольно медленнымъ ходомъ и останавливался нѣкоторое время на каждой станціи,

такъ что можно было выходить изъ вагона и прохаживаться по полю. Эта часть пути напоминала скорѣе какую-то partie de plaisir экскурсію, чѣмъ серьезное желѣзнодорожное путешествіе. Не останавливаясь въ Пештѣ, я проѣхалъ прямо въ Вѣну, гдѣ пришлось провести утро, такъ какъ поѣздъ въ Карлсбадъ отходилъ послѣ двухъ часовъ. Оставивъ вещи мои на вокзалѣ, я пошелъ гулять по городу, зашелъ въ гостиницу позавтракать и затѣмъ продолжалъ путь.

Въ Карлсбадѣ я провелъ очень пріятно четыре недѣли. Кромѣ моего семейства я засталъ тамъ много знакомыхъ: академика Гельмерсена, статсъ-секретаря Гагемейстера, Черткова съ женою (бѣдный Чертковъ страдалъ антоновымъ огнемъ въ ногѣ и собирался отправиться въ Вѣну для ампутаціи), Бравура съ женою, доктора Шмидта и его сына съ молодой женой.

Время проходило очень пріятно въ обществѣ знакомыхъ, въ прогулкахъ и обычныхъ моихъ занятіяхъ. Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда въ Карлсбадъ, я отправился утромъ пить кофе въ Kaiserpark и, просматривая журналы, съ немалымъ удивленіемъ увидѣлъ въ нѣмецкой газетѣ отчетъ о засѣданіи Общества Духовнаго Просвѣщенія, въ которомъ я держалъ рѣчь о свободѣ совѣсти, съ приведеніемъ текста моихъ тезисовъ.

Изъ Карлсбада я предпринялъ экскурсію въ близлежащій Теплицъ, для восхожденія на находящуюся возлѣ Теплица гору Миллешауеръ. Эта замѣчательная гора поднимается среди равнины конусообразно,—при восхожденіи ея, дорога идетъ постоянно лѣсомъ, а съ вершины ея открывается довольно обширный видъ на окружающую мѣстность.

Въ Карлсбадской церкви это лѣто служилъ протоіерей А. Лебедевъ, состоявшій при православномъ соборѣ въ Прагѣ и пріѣзжавшій только на лѣто въ Карлсбадъ. Я съ нимъ познакомился, бывалъ у него по вечерамъ, бесѣдуя о разныхъ религіозныхъ вопросахъ, и сошелся съ нимъ довольно близко. Нѣсколько времени спустя онъ былъ переведенъ въ Петербургъ священникомъ въ церковь Вознесенія, а затѣмъ былъ назначенъ благочиннымъ въ Казанскій соборъ. Тутъ мы стали съ нимъ часто видѣться и совершенно подружились. Онъ занимался много духовной литературой [1]) такъ же, какъ и я; эти работы составляли постоянные предметы нашихъ бе-

[1]) Главные труды А. Лебедева: 1) Разности Церквей Восточной и Западной въ ученіи о Пресв. Дѣвѣ Маріи Богородицѣ и непорочномъ зачатіи и въ ученіи о любви; 2) О латинскомъ культѣ Сердца Іисусова; 3) Ученіе Церкви о главенствѣ Папы; 4) Святитель Тихонъ Задонскій и всея Руси Чудотворецъ; этотъ трудъ выдержалъ три изданія.

сѣдъ; онъ мнѣ сообщалъ свои богословскія предположенія, я ему читалъ мои статьи. Затѣмъ у насъ явился общій интересъ по Казанскому собору, гдѣ онъ былъ благочиннымъ и предсѣдателемъ приходскаго попечительства о бѣдныхъ, въ которомъ я въ то время состоялъ помощникомъ предсѣдателя, — все это насъ все болѣе и болѣе сближало.

Мнѣ рѣдко встрѣчался человѣкъ столь добрый, столь благожелательный, прямой и просвѣщенный, при глубокомъ и искреннемъ христіанскомъ настроеніи. Когда А. А. Лебедевъ скончался, въ 1898 году, я былъ глубоко опечаленъ его потерей. Для большей его характеристики, привожу здѣсь краткій его некрологъ, который я помѣстилъ вскорѣ послѣ его смерти въ Прибавленіи къ „Церковнымъ Вѣдомостямъ“.

„Всѣ, знавшіе близко Александра Алексѣевича Лебедева, несомнѣнно, будутъ искренно оплакивать его преждевременную кончину. Исполненный глубокаго христіанскаго чувства, проникнутый живою любовью къ ближнимъ, всегда готовый помогать и словомъ, и дѣломъ, и духовнымъ совѣтомъ, и матеріальнымъ пособіемъ всѣмъ, обращавшимся къ нему по какому-либо дѣлу, покойный отецъ Александръ оставляетъ послѣ себя неизгладимую теплую память въ сердцахъ тѣхъ, которые его знали и любили.

„Имѣвъ счастье около двадцати лѣтъ находиться съ покойнымъ въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ, считаю потребностью сердца сказать нѣсколько словъ по случаю его кончины и коснуться при этомъ одной стороны его дѣятельности, которая, можетъ быть, менѣе другихъ извѣстна.

„Несмотря на то, что все его время было поглощено частью исполненіемъ его пастырскихъ обязанностей и служебною дѣятельностью, частью распоряженіями по управленію экономическими дѣлами собора, котораго онъ состоялъ настоятелемъ, покойный всякую минуту свободнаго времени посвящалъ литературнымъ занятіямъ въ области религіозныхъ вопросовъ. Различныя его сочиненія и между прочимъ одно изъ послѣднихъ „О главенствѣ Папы“ достаточно извѣстны, но мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о трудѣ, который постоянно занималъ о. Александра Алексѣевича въ послѣдніе годы его жизни и который ему не суждено было привести къ окончанію. Покойнаго занимала мысль о составленіи руководства нравственнаго богословія. Существующія руководства не удовлетворяли о. протоіерея Лебедева: онъ находилъ ихъ либо слишкомъ схоластически излагающими частности разныхъ нравственныхъ обязанностей, безъ общей связующей мысли, которая бы достаточно освѣщала ихъ внутреннее значеніе съ христіанской точки

зрѣнія, либо разсматривающими, напротивъ того, предметъ слишкомъ отвлеченно, съ чисто философской точки зрѣнія. По словамъ покойнаго Александра Алексѣевича, христіанская нравственность въ существѣ своемъ зиждется во Христѣ; Спаситель представляется какъ бы источникомъ, изъ котораго проистекаетъ вся христіанская нравственность. Она должна опредѣляться не внѣшними правилами, а любовью къ Спасителю. Немногими словами можно бы сказать, что все то, что согласно съ этою любовью, — нравственно, а что не согласно, — не нравственно. Эту столь отрывочно и несовершенно изложенную мною мысль покойный стремился развить въ стройную систему, эта мысль постоянно его занимала; въ видѣ подготовительной работы, о. Александръ Алексѣевичъ просматривалъ все, появлявшееся по этому предмету въ отечественной и иностранной литературѣ, дѣлалъ разные наброски и замѣтки и приступилъ даже въ послѣдніе два года къ писанію вступленія къ своему труду и перваго начала его. Какъ часто покойный жаловался на то, что масса другихъ занятій не даетъ ему возможности вполнѣ посвятить себя разработкѣ любимой его задушевной мысли! Еще за нѣсколько дней до смерти покойный Александръ Алексѣевичъ говорилъ мнѣ, что теперь уже предпринимаемая работа совершенно созрѣла въ его умѣ и остается только приступить къ изложенію ея на бумагѣ; но ему не суждено было привести въ исполненіе то, что всецѣло занимало его думы въ теченіе многихъ лѣтъ его жизни... Хотѣлось бы надѣяться, что рано или поздно найдутся другіе, которые пойдутъ по его слѣдамъ и которымъ удастся осуществить то, о чемъ покойный постоянно думалъ, но что ему самому не удалось исполнить.

„Оканчивая эту краткую замѣтку, я бы желалъ заключить ее собственными словами покойнаго, произнесенными имъ въ надгробной рѣчи по случаю смерти одного близкаго нашему семейству родного лица: „Какъ завершительный конецъ внесеннаго въ нашу природу разстройства, смерть отвратительна; какъ наказаніе за грѣхъ, смерть ужасна; какъ окончательная на этой землѣ разлука съ любимыми существами, смерть прискорбна, тягостна, неизлѣчима; но, тѣмъ не менѣе, вѣруйте въ Сына Божія, подъявшаго на Себя смерть, и узрите славу Божію“.

Господу угодно было даровать А. А. Лебедеву замѣчательно мирную и благодатную кончину. Рано утромъ 23 марта, въ день своей кончины, причастившись Св. Тайнъ и прослушавъ благодарственныя молитвы по причащеніи, онъ затѣмъ началъ пѣть молебный канонъ Казанской Богоматери и послѣ чтенія евангелія поднялся, снялъ съ груди повязку, омылъ лицо и руки и, произнеся:

„Больше сего мнѣ ничего не нужно“, смолкъ и скончался тихо и безъ страданій.

Возвращаюсь къ описанію осени 1877 года. Въ послѣднихъ числахъ августа мы оставили Карлсбадъ и чрезъ Пильзенъ (гдѣ я не преминулъ выпить пильзенскаго пива) отправились для Nachcur въ Австрійскую Швейцарію, такъ называемый Зальцкаммергутъ. Дорогой мы остановились на нѣсколько дней въ красивомъ Гмунденѣ, гдѣ семейство Бравура, которое раньше насъ уѣхало изъ Карлсбада, ожидало насъ и приготовило намъ помѣщеніе въ хорошенькой гостиницѣ Goldenes Schiff. Гмунденъ лежитъ на берегу живописнаго озера Traunsee, изъ котораго вытекаетъ быстрая рѣчка Traunfluss. Траунфлусъ въ трехъ мѣстахъ пересѣкается каменистыми порогами и потому для обыкновенныхъ судовъ не судоходна, но по ней сплавляются, кажется въ городъ Линцъ, плоскодонныя деревянныя суда, нагруженныя солью—Salzschiffe. Такъ какъ проходъ этихъ судовъ чрезъ пороги не лишенъ интереса, то съ этими судами отправляются нерѣдко до конца пороговъ и посторонніе посѣтители Гмундена. Въ одинъ изъ прежнихъ моихъ пріѣздовъ въ Гмунденъ и я совершилъ поѣздку на такомъ суднѣ. Судно, довольно длинное и очень крѣпко построенное, несется быстро по теченію рѣки. Вдругъ, взорамъ пассажира представляется посреди рѣки груда камней, чрезъ которые быстротечная рѣка перебрасывается съ шумомъ, подымая клубы бѣлой пѣны. Сознаюсь, что момента переѣзда ожидаешь съ нѣкоторымъ возбужденіемъ: кажется, вотъ-вотъ барку разобьетъ въ щепы, — но барка налетаетъ на пороги, перегибается чрезъ нихъ, какъ длинная плетеная корзина, трещитъ по всѣмъ швамъ—и затѣмъ благополучно продолжаетъ плаваніе по спокойному руслу рѣки. Впечатлѣнія такой поѣздки крайне интересны, и я могъ бы совѣтовать только каждому путешественнику, прибывающему въ Гмунденъ, проѣхаться на соляныхъ баркахъ чрезъ пороги Траунфлуса, если онѣ до сихъ поръ еще продолжаютъ совершать это плаваніе.

Просматривая однажды въ Гмунденѣ въ гостиницѣ журналы, мнѣ случайно попалась въ руки австрійская газета „Die Reform“ (издаваемая Шузельской), и въ ней меня поразила чрезвычайно интересная статья, содержавшая отзывъ Наполеона, который, какъ извѣстно, не считался вѣрующимъ человѣкомъ, о христіанствѣ, произнесенный имъ во время своего заточенія на островѣ Св. Елены. По словамъ газеты, это изреченіе было записано генералами Монтолономъ и Бертрамомъ, находившимися при Наполеонѣ на остр. Св. Елены, и поэтому подлинность его, яко бы, не подлежитъ сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ, отзывъ этотъ заключалъ столь ориги-

нальныя и глубокія мысли и, повидимому, такъ согласовался съ обычной дикціей Наполеона, что онъ не могъ не поразить меня оригинальностью своего содержанія, такъ что я даже записалъ его себѣ.

Привожу здѣсь переводъ съ него:

„Несомнѣнно, говоритъ Наполеонъ, христіанство предлагаетъ нашему вѣрованію рядъ тайнъ, приказывая авторитетно вѣровать въ нихъ. Для пріемлемости ихъ оно не даетъ намъ никакихъ другихъ причинъ, кромѣ страшнаго слова: „Я есмь Богъ“, и несомнѣнно христіанину необходимо вѣровать въ это изреченіе, потому что изъ него вытекаютъ всѣ остальныя положенія христіанства. Но разъ только допустить божественный характеръ Христа, все христіанское ученіе представляется съ алгебраическою опредѣленностью и ясностью, и нельзя не удивляться связи и единству, его проникающимъ.

„Основываясь на Библіи, христіанское ученіе даетъ наилучшее объясненіе міровыхъ преданій, оно освѣщаетъ ихъ и всѣ догматы соединяются съ этимъ преданіемъ, какъ неразрывныя звенья одной цѣпи.

„Ученіе Христа съ начала до конца таинственно, съ этимъ я согласенъ, но эта тайна соотвѣтствуетъ тѣмъ трудностямъ (Schwierigkeiten), которыя встрѣчаются въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка. Если не принять это ученіе, то міръ представляется загадкой, если же принять его, то оказывается достойное удивленія разрѣшеніе исторіи человѣка.

„Христіанство имѣетъ то преимущество предъ всѣми другими религіями и философскими системами, что христіане не обманываютъ себя относительно существа вещей. Ихъ нельзя упрекать въ остроумныхъ тонкостяхъ идеологовъ, которые стремятся разрѣшить великую задачу богословскихъ вопросовъ пустыми разсужденіями. Христіанство прямо и просто говоритъ: Никто не видѣлъ Бога кромѣ Того, который отъ Бога, Богъ открылъ то, чтъ Онъ былъ и есть. Его откровеніе тайна, ни разсудокъ, ни разумъ не могутъ постичь ее. Но такъ какъ это изрекъ Богъ, то надо этому вѣрить—и это разумно.

„Евангеліе обладаетъ таинственною силою и теплотой, которыя охватываютъ умъ и увлекаютъ сердце. Если ближе вникнуть въ него, то ощущаешь нѣчто подобное, какъ когда смотришь на небо. Евангеліе не книга, а живое существо, исполненное движенія и силы, которое увлекаетъ за собою все, что хотѣло бы противиться его распространенію. Вотъ оно здѣсь лежитъ у меня на столѣ—я не устаю читать его и читаю его ежедневно съ тою же радостью. Христосъ не мѣняется, никогда не колеблется въ своемъ ученіи и малѣйшее Его изреченіе носитъ на себѣ печать простоты и глубины, побѣждающихъ überwältigt какъ ученаго, такъ и неученаго, если

только вникнуть въ него, хотя и съ малѣйшимъ вниманіемъ. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не найти такого ряда прекрасныхъ мыслей и нравственныхъ правилъ, которыя дефилируютъ (передъ читателемъ), какъ батальоны небесныхъ силъ—и вызываютъ въ насъ то же чувство—которое ощущаешь при взираніи на безграничную ширь неба, когда оно въ чудную лѣтнюю ночь освѣщается блескомъ свѣтилъ. Нашъ умъ не только увлеченъ чтеніемъ евангелія, но и подпадаетъ его вліянію; вѣрующая душа никогда не будетъ въ опасности сгинуть, обладая этой книгой. Разъ, что евангеліе овладѣло нашимъ умомъ, оно захватываетъ и наше сердце. Богъ нашъ другъ, нашъ отецъ, и во истину Богъ. Душа, которая увлекается красотою евангелія, уже не принадлежитъ себѣ: Богъ завладѣлъ ею, Онъ направляетъ ея мысли и ея силы, она всецѣло предается Ему. Какое это доказательство божественности Христа! Обладая такою абсолютною властію, Онъ не имѣетъ другой цѣли какъ—духовное совершенствованіе каждой отдѣльной личности, чистоту совѣсти, единеніе съ истиной и святость души.

„Наконецъ, и это мой главный аргументъ: не было бы Бога на небѣ, если бъ отдѣльный человѣкъ могъ составить такой грандіозный планъ и привести его въ исполненіе—т. е. привлечь къ себѣ высшій культъ и узурпировать имя Бога. Іисусъ—единственная личность, которая посмѣла это сдѣлать. Онъ одинъ говоритъ открыто: Я есмь Богъ, Ich bin Gott, что однако отличается отъ утвержденія: Я Богъ, Ich bin ein Gott [1]). Исторія не знаетъ другой личности, которая бы присвоила себѣ названіе Бога въ абсолютномъ смыслѣ. Къ обоготворенію Александра Македонскаго и римскихъ императоровъ никто серьезно не относится. Магометъ и Конфуцій заявляли себя только агентами божества.

„Какимъ это образомъ могъ іудей, историческое существованіе котораго болѣе несомнѣнно доказано, чѣмъ существованіе всѣхъ его современниковъ, сынъ плотника, съ самаго начала объявить Себя Богомъ, Высшимъ Существомъ, Создателемъ всѣхъ существъ? Онъ присваиваетъ Себѣ всякое почитаніе и собственными руками создаетъ свой культъ. Удивляются завоеваніямъ Александра Македонскаго, а здѣсь мы видимъ завоевателя, который поглощаетъ въ Себѣ—все человѣчество. Какое это чудо! Человѣческая душа со всѣми ея способностями и силами становится принадлежностью существа Христова.

И какимъ образомъ это совершается? Чудомъ, которое превы-

---

[1]) Тутъ вѣроятно имѣется въ виду разница между утвержденіями: Я—божественнаго естества и Я—Богъ. Je suis Dieu и Je suis un Dieu.

шаетъ всѣ чудеса. Онъ требуетъ отъ человѣка любви, т. е. того что на свѣтѣ труднѣе всего пріобрѣсть... Правда, мы любимъ нашихъ дѣтей, но почему—потому что мы слѣдуемъ природному инстинкту, а сколько дѣтей не отвѣчаютъ родителямъ на ихъ любовь! Вы, генералъ Бертрамъ, несомнѣнно любите вашихъ дѣтей, а увѣрены ли вы въ томъ, что они васъ любятъ? Ни вашими благодѣяніями, ни естественному влеченію не удастся вселить въ вашихъ дѣтей такую любовь къ вамъ, какъ Христосъ приноситъ Своему Богу...

„Христосъ глаголетъ, и всѣ поколѣнія присоединяются къ Нему. Связь, соединяющая ихъ со Христомъ, искреннѣе и тѣснѣе связи крови. Это единеніе полнѣе довѣрія и сильнѣе всякаго другого. Онъ возжигаетъ пламя любви, которое гаситъ наше самолюбіе и превышаетъ всякую другую любовь. Какъ не видѣть въ этомъ чудо! Его воля—то Слово, которое создало міръ.

„Созидатели другихъ религій даже не имѣли и понятія о той мистической любви, которая составляетъ существо христіанства.

„Несомнѣнно величайшее чудо Христа это господство любви. Ему одному удалось возвысить сердца людей до Невидимаго, до принесенія въ жертву самаго времени (Opfer der Zeit)[1]. Тѣмъ, что Онъ осуществилъ эту жертву, Онъ Одинъ создалъ связь между небомъ и землею. Всѣ, кто истинно въ Него вѣруетъ, ощущаютъ достойную удивленія сверхъестественную, непонятную для разума любовь, это превосходящее силы человѣка явленіе. Святой огонь, возженный на землѣ этимъ новымъ Прометеемъ, продолжаетъ существовать и сохраняетъ силу, которую не можетъ угасить время—этотъ великій гаситель. Это мнѣ доказываетъ вполнѣ Божество Іисуса.

„И я, Наполеонъ, преклоняюсь съ удивленіемъ (bewundere) предъ этимъ, тѣмъ болѣе, что я самъ стремился пріобрѣсть себѣ подобныхъ послѣдователей. Я воодушевлялъ многія тысячи людей, которые за меня шли на смерть. Но да предохранитъ меня Господь—допустить возможность сравненія этого энтузіазма солдатъ съ христіанскою любовію. Они на столько различны, какъ и ихъ побужденія. Слово, взгляды мои воодушевляли всѣхъ. Я обладалъ тайною той чарующей силы, которая возбуждаетъ духъ, но эту силу я никому не могъ передать. Я также не обладалъ тайной увѣковѣчить въ сердцахъ людей мое имя и любовь ко мнѣ. Теперь, когда я заключенъ на скалѣ Св. Елены, кто еще будетъ за меня сражаться, куда дѣлись въ моемъ несчастіи мои придворные, кто

[1]) т. е. пожертвованіемъ временемъ въ видахъ вѣчности.

обо мнѣ еще безпокоится въ Европѣ, кто мнѣ остался вѣренъ, гдѣ мои друзья? Это вы, да еще два, три человѣка; ваша вѣрность сдѣлаетъ васъ безсмертными, вы раздѣляете мою ссылку и утѣшаете меня.

„Наша судьба могла считаться блестящею, а что теперь осталось отъ озарявшаго меня блеска,—скоро меня и на землѣ уже не будетъ. Такова судьба великихъ людей, такова же была судьба Александра, Цезаря. Насъ забудутъ, имена завоевателей останутся только въ школьныхъ учебникахъ. Только-что Людовикъ XIV скончался, какъ всѣ покинули его спальню, никто изъ его придворныхъ уже болѣе о немъ не заботился. Онъ уже пересталъ быть господиномъ, онъ сталъ трупомъ и его ожидалъ уже гробъ, могила, и начиналось разложеніе...

„Еще немного и та же участь постигнетъ и меня; умерщвленный Англіей, я умираю прежде времени, и мои останки будутъ преданы землѣ. Вотъ участь, ожидающая великаго Наполеона. Какая пропасть отдѣляетъ мое бѣдственное положеніе (Elend) отъ вѣчнаго господства Христа, котораго повсюду въ мірѣ проповѣдуютъ, любятъ, на котораго молятся и который живетъ до сихъ поръ. Его смерть—развѣ это значитъ умереть?! Не значитъ ли это напротивъ—жить вѣчно“.

Признаюсь, что никогда и нигдѣ мнѣ не удавалось встрѣчать такой характеристики Христа и христіанства. Какъ это оригинально и какъ это глубоко!

Изъ Гмундена черезъ Ишль мы отправились въ Аусзэ, живописное мѣстечко въ центрѣ Зальцкаммергута. Ишль—это самый фешенебельный пунктъ въ Австрійской Швейцаріи. Сюда собирается лѣтомъ изъ Виши и другихъ мѣстъ аристократическая и крайне элегантная публика и въ томъ числѣ нерѣдко царственныя особы. Кургаузъ Ишля окруженъ прекраснымъ паркомъ. Такъ какъ это было самое время сезона, то почти всѣ экипажи были разобраны, и мы никакъ не могли добыть возницу для слѣдованія въ Aussee. Наконецъ на почтѣ намъ согласились дать омнибусъ, и въ этомъ, очень неловкомъ, экипажѣ мы отправились въ путь. На дорогѣ разразилась ужасная гроза съ дождемъ, ураганъ былъ настолько силенъ, что я все время опасался, что нашъ тяжелый экипажъ будетъ опрокинутъ бурей. Но, наконецъ, благодаря Бога, мы все же благополучно прибыли въ Aussee и были рады, когда пріютились въ сухихъ комнатахъ комфортабельной гостиницы.

Вся эта гористая мѣстность, носящая названіе Зальцкаммергута, необыкновенно живописна, но одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстоположеній занимаетъ Аусзэ. Городокъ лежитъ въ долинѣ, окружен-

ной горами, посреди которыхъ разбросаны горныя озера; между прочимъ вблизи отъ Аусзэ озера—Alt-Aussee и Grundelsee. Первое изъ нихъ, по своему суровому характеру, напоминаетъ нѣсколько финляндскую природу; прямую противоположность съ нимъ представляетъ веселый Грундельзэ, нѣсколько напоминающій Комское озеро, по своему чисто итальяскому характеру. Окружающія его горы богаты живописными прогулками между прочимъ Hundseogel и Pfeifer Alm; первая изъ нихъ особенно замѣчательна представляющимся съ нея восхитительнымъ видомъ. Здѣсь же мнѣ удалось видѣть въ первый разъ извѣстное въ горахъ Alpenglüten, когда вершины горъ, при заходѣ солнца, становятся какъ бы прозрачными, проникнутыми нѣжно-розовымъ свѣтомъ.

Во время пребыванія въ Аусзэ, я случайно прочелъ въ газетахъ о смерти въ Горномъ Студнѣ моего пріятеля Шуберта, онъ былъ свидѣтелемъ при моемъ бракосочетаніи. Сынъ извѣстнаго ученаго, генерала Шуберта, онъ занималъ мѣсто начальника военной канцеляріи въ нашей арміи. Въ Плоэштахъ мы еще видѣлись съ нимъ, онъ былъ свѣжъ и здоровъ, и потому я былъ очень пораженъ извѣстіемъ о его смерти. Оказалось, что въ одинъ жаркій день онъ пошелъ гулять въ легкомъ полотняномъ костюмѣ; вернувшись поздно домой, онъ не могъ попасть въ свою квартиру, которая оказалась запертою, а слуга вѣроятно куда-то отлучился. Тогда онъ легъ спать въ коляску, стоявшую на дворѣ. Ночь была холодная и онъ, вспотѣвши отъ прогулки, въ легкомъ костюмѣ, сильно продрогъ ночью, простудился, схватилъ тифъ и черезъ нѣсколько дней скончался. Почти въ то же время я узналъ о кончинѣ моего свойственника Мих. Алекс. Эбелинга, командира стрѣлковаго батальона, смертельно раненаго при штурмѣ Горнаго Дубняка. Замѣчательная его постигла судьба. За нѣсколько времени до войны ему вышелъ срокъ получить полкъ. Въ такомъ же положеніи находился его товарищъ, капитанъ Шмидтъ. Какъ разъ открылись двѣ вакансіи: стрѣлковый батальонъ и Павловскій полкъ. Случайно Эбелингъ былъ назначенъ командиромъ стрѣлковаго батальона, а Шмидтъ Павловскимъ полкомъ. Стрѣлки отправились впослѣдствіи на театръ войны, а павловцы остались въ Петербургѣ. Получи онъ Павловскій полкъ, онъ можетъ быть здравствовалъ бы доселѣ,—вотъ уже, какъ говорится—судьба.

Мы провели въ Аусзэ около мѣсяца; къ концу сентября погода перемѣнилась, наступили дожди, вершины горъ покрылись снѣгомъ, и мы рѣшились покинуть милый Аусзэ.

Нашъ путь лежалъ опять на Гмунденъ и Вѣну. Дорогой моя матушка заболѣла, и по пріѣздѣ въ Вѣну у нее оказалось воспа-

леніе въ легкихъ. Мы были чрезвычайно встревожены этимъ; къ счастію, намъ рекомендовали въ гостиницѣ молодого, но очень внимательнаго доктора, который заботливо слѣдилъ за ходомъ болѣзни; кромѣ того былъ приглашенъ для консультаціи знаменитый профессоръ Бамбергеръ. Наступили тяжелые, тревожные дни ожиданія исхода болѣзни. Положеніе матушки то улучшалось, то опять ухудшалось. Наконецъ, къ великой нашей радости, недѣли черезъ двѣ наступило рѣшительное улучшеніе, и я вздохнулъ, наконецъ, свободно. Докторъ Бамбергеръ, сообщая мнѣ эту добрую вѣсть, прибавилъ слова, которыя запали въ мою душу: „Это особенная благодать Божія, когда въ такія лѣта перенесешь воспаленіе легкихъ". Я отъ глубины сердца благодарилъ Бога за сохраненіе еще на нѣсколько лѣтъ жизни моей престарѣлой матушки и, могу сказать, что это время тяжелаго испытанія и послѣдующей радости оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе.

Такимъ образомъ вмѣсто нѣсколькихъ дней намъ пришлось пробыть въ Вѣнѣ около мѣсяца. Послѣ страшныхъ заботъ первыхъ дней, когда опасность миновала, на душѣ стало какъ-то легко, и я могъ еще насладиться удовольствіемъ пребыванія въ этомъ великомъ городѣ.

Обратный путь мы совершили благополучно и позднею осенью вернулись въ Петербургъ.

Зима 1877—1878 г. прошла въ обычныхъ занятіяхъ. Я посѣщалъ между прочимъ съ большимъ интересомъ лекціи В. С. Соловьева по философіи религіи. Изложеніе Соловьева носило характеръ глубокой обдуманности и большой эрудиціи, но онъ говорилъ иногда слишкомъ абстрактно и недостаточно ясно и популярно для слушавшей его публики. Многое, что онъ излагалъ, поражало вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальной глубиной,—такъ между прочимъ я припоминаю его слова:

„Если я недоволенъ природой—то я больше природы; если я въ ней вижу ложь—то я имѣю сознаніе истины; если я въ ней вижу страданіе—то гдѣ-либо должно существовать полное блаженство"...

Въ апрѣлѣ 1878 г. тяжко заболѣлъ и вскорѣ скончался Ю. А. Гагемейстеръ. Я его часто посѣщалъ въ послѣднее время, и въ одно изъ такихъ посѣщеній я рѣшился завести съ нимъ рѣчь о христіанствѣ. Онъ съ интересомъ слушалъ мое изложеніе и сочувственно принялъ мое предложеніе читать ему евангеліе... Къ концу мѣсяца онъ скончался. Разлука навсегда съ лицомъ, къ которому человѣкъ находился въ дружескомъ расположеніи, производитъ всегда очень тяжелое впечатлѣніе, особенно въ такой періодъ жизни, когда уже не легко сходишься съ людьми; тогда особенно цѣ-

нишь симпатическія отношенія къ тѣмъ немногимъ личностямъ, которые представляютъ незаурядное явленіе, по своему характеру и по своимъ достоинствамъ.

Однажды утромъ, когда я сидѣлъ дома, я какъ-то вспоминалъ объ А. А. Нарышкинѣ, съ которымъ послѣдній разъ я видѣлся въ Бухарестѣ и котораго я съ тѣхъ поръ совершенно потерялъ изъ виду. Въ то время, какъ я думалъ о немъ, входитъ человѣкъ и докладываетъ мнѣ: А. А. Нарышкинъ; это удивительное совпаденіе моей мысли съ предстоящей встрѣчей меня, разумѣется, поразило,— мы, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки, одновременно каждый одинъ о другомъ вспоминали. Я, разумѣется, встрѣтилъ его словами: я именно только-что о васъ думалъ,—а онъ высказалъ мнѣ по этому поводу, что онъ вѣритъ въ возможность такого мысленнаго сообщенія.

Около этого времени Рейтернъ возложилъ на меня веденіе переговоровъ съ Германіей, по предмету заключенія торговой пограничной конвенціи. Имѣлось въ виду заключеніе договора въ родѣ того, который нѣсколько времени тому назадъ былъ заключенъ мною съ Австріею, съ цѣлію облегченія пограничныхъ сношеній, не касаясь однако вопроса о таможенныхъ пошлинахъ. Это было послѣднее порученіе, возложенное на меня Михаиломъ Христофоровичемъ передъ оставленіемъ имъ министерства.

Германскіе делегаты прибыли въ Петербургъ въ началѣ года, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ происходили переговоры съ ними подъ моимъ предсѣдательствомъ. Главное, чего мы добивались тогда,—это было устраненіе затрудненій, дѣлавшихся Пруссіею при провозѣ нашего скота и разной живности, подъ предлогомъ ветеринарнаго охраненія. Придти къ удовлетворительному соглашенію по этому предмету оказывалось чрезвычайно труднымъ; наконецъ, послѣ переговоровъ, длившихся нѣсколько мѣсяцевъ, удалось набросать нѣкоторыя главныя основанія соглашенія, которыя прусскіе делегаты считали однако нужнымъ предварительно предложить на утвержденіе своего правительства. Вотъ почему мы рѣшили, подобно тому, какъ это состоялось и во время австрійскихъ переговоровъ, пріостановить дальнѣйшее веденіе переговоровъ до осени съ тѣмъ, чтобы тогда уже собраться на окончательное соглашеніе и подписаніе конвенціи.

Пользуясь перерывомъ, я поѣхалъ на короткое время за границу. По этому случаю прусскіе делегаты, уѣхавшіе на нѣсколько дней до меня, пригласили меня на прощальный обѣдъ въ Эйдкуненѣ. Во время ихъ пребыванія въ Петербургѣ, они обѣдали у меня, а потому пожелали отдать мнѣ приглашеніе. По пріѣздѣ въ

Вержболово я узналъ, что они меня ожидаютъ въ Эйдкуненѣ. Въ Вержболовѣ я провелъ вечеръ въ мѣстномъ клубѣ, и на другой день отправился въ Эйдкуненъ, гдѣ и состоялся парадный обѣдъ въ большой залѣ Эйдкуненскаго вокзала. За обѣдомъ, разумѣется, были произнесены рѣчи съ пожеланіемъ успѣха нашему дѣлу, о сближеніи двухъ сосѣднихъ государствъ и т. п. Но этимъ ожиданіямъ не суждено было осуществиться. Въ теченіе лѣта Бисмаркъ принялся за изученіе вопроса о положеніи сельскаго хозяйства въ Пруссіи, пришелъ къ заключенію, что ему слѣдуетъ помочь путемъ охранительныхъ пошлинъ, и всецѣло перешелъ на сторону протекціонизма; сообразно съ этимъ убѣжденіемъ, онъ внесъ въ палату законъ объ обложеніи пошлиной привоза хлѣбнаго зерна, которое до тѣхъ поръ допускалось къ привозу въ Пруссію безпошлинно. Послѣ того, разумѣется, уже не могло быть и рѣчи о заключеніи съ нами конвенціи, наши переговоры, остановившіеся на полъ-дорогѣ, больше уже не возобновлялись.

Только нѣсколько лѣтъ спустя, въ министерство С. Ю. Витте, послѣ происходившей довольно ожесточенной таможенной войны, удалось уже другимъ заключить торговый договоръ съ Пруссіею, но уже на основаніи взаимной фиксаціи таможенныхъ пошлинъ по разнымъ статьямъ привоза. Намъ пришлось отказаться отъ начала безусловной самостоятельности автономнаго тарифа, основаніе, котораго мы до тѣхъ поръ держались.

Я пробылъ за границей полтора мѣсяца и въ томъ числѣ провелъ нѣсколько пріятныхъ дней въ Марбургѣ, куда я поѣхалъ посѣтить моего родственника К. Е. Шмидта, о которомъ была рѣчь выше. Марбургъ, университетскій городъ, находится въ красивомъ мѣстоположеніи. Здѣсь я видѣлъ въ первый разъ ирвингіанскую церковь, небольшое красивое зданіе въ готическомъ вкусѣ; внутри его не находилось никакихъ изображеній и, кажется, не было даже алтаря. По возвращеніи я провелъ остальное лѣто съ семействомъ въ нашемъ имѣніи Большое Захонье. Спокойная жизнь въ деревнѣ и общеніе съ крестьянами пришлись мнѣ очень по сердцу. По воскресеньямъ я читалъ иногда собиравшимся ко мнѣ крестьянамъ евангеліе. Между прочимъ разъ пришли ко мнѣ крестьяне изъ другой далекой деревни, старообрядцы или какіе-то сектанты, слышавшіе, что я читаю евангеліе, чтобы побесѣдовать со мною. Они просили меня почитать и имъ евангеліе и слушали меня съ большимъ вниманіемъ. Затѣмъ мы долго разговаривали вмѣстѣ и, сколько помню, я старался имъ выяснить, что и оставаясь въ лонѣ православной церкви, можно заниматься душеспасительными мыслями и чтеніемъ евангелія, такъ какъ церковь этого не воспрещаетъ.

Повидимому, мои слова произвели на нихъ нѣкоторое впечатлѣніе.

Кромѣ того ко мнѣ обратились деревенскіе мальчики и дѣвочки съ просьбой учить ихъ грамотѣ. Такимъ образомъ у меня образовался родъ школы, ученики приходили не только изъ нашей, но и изъ сосѣднихъ деревень. Грамотнымъ я роздалъ для чтенія евангелія, по которымъ они учили притчи и разныя мѣста, доступныя ихъ пониманію. Кромѣ того я занималъ ихъ перепиской и ариѳметикой. Съ тѣхъ поръ эти свободныя школьныя занятія продолжаются у меня въ каждый мой пріѣздъ въ деревню.

Въ началѣ іюля, вслѣдъ за заключеніемъ мира, я получилъ въ деревнѣ извѣщеніе, что М. Х. Рейтернъ будетъ прощаться въ извѣстный день со служащими въ министерствѣ финансовъ.

Въ совѣщаніи министровъ, происходившемъ до начала войны, въ Ливадіи подъ предсѣдательствомъ Государя, М. Х. Рейтернъ высказывался очень положительно противъ войны, излагая, на сколько громадныя жертвы, которыхъ потребуетъ война, отбросятъ Россію назадъ въ развитіи народнаго благосостоянія. Когда, несмотря на его возраженія, война была рѣшена, онъ подалъ въ отставку. Но Государь просилъ его не покидать своего поста въ столь трудный для страны моментъ. На просьбу Государя Рейтернъ согласился остаться, но только до окончанія войны. И дѣйствительно, только-что миръ былъ заключенъ, онъ опять испросилъ и получилъ увольненіе. На его мѣсто былъ назначенъ С. А. Грейгъ, бывшій нѣкоторое время товарищемъ Рейтерна.

Почти одновременно съ извѣщеніемъ о прощальномъ собраніи у Рейтерна, я получилъ также въ деревнѣ депешу отъ директора канцеляріи Грейга, А. Н. Мицкевича, съ извѣстіемъ, что Грейгъ предлагаетъ мнѣ ѣхать въ Парижъ, на долженствовавшую тогда открыться монетную конференцію, представителемъ отъ министерства финансовъ. Столь неожиданное для меня порученіе меня крайне поразило, но я, разумѣется, отвѣчалъ, что съ благодарностью принимаю сдѣланное мнѣ предложеніе. Желая присутствовать на прощаніи Михаила Христофоровича, я вслѣдъ за тѣмъ поѣхалъ въ Петербургъ, хотя по случаю моей командировки мое присутствіе въ Петербургѣ требовалось гораздо позже.

Прощаясь съ своими бывшими подчиненными, М. Х. Рейтернъ между прочимъ высказалъ, что все остальное время жизни его будетъ исполнено воспоминаніемъ о періодѣ его дѣятельности во главѣ министерства финансовъ.

Прощаніе съ Рейтерномъ навело меня на разныя грустныя мысли о скоропрохожденіи и быстротѣ теченія жизни. Съ выхо-

домъ Михаила Христофоровича и у меня завершался продолжительный жизненный періодъ. Я присутствовалъ при его назначеніи министромъ финансовъ, затѣмъ я, по его приглашенію, самъ поступилъ въ министерство и все время служилъ при немъ—и вотъ все это кончилось. Онъ еще не старикъ, но боленъ, слабъ и изнуренъ, а, кажется, давно ли я съ нимъ познакомился въ Парижѣ, когда онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, полнымъ надеждъ; я видѣлъ затѣмъ начало его блестящей карьеры,—а теперь я присутствую при послѣдней ея фазѣ. По этому поводу мнѣ пришло на мысль изреченіе Ап. Павла: „мы не имѣемъ здѣсь постояннаго града, но ищемъ будущаго“ (Ев. 13, 14), изреченіе, помѣщенное на надгробномъ памятникѣ моего покойнаго отца—прохожденіе жизни есть кратковременное слѣдованіе къ цѣли, которую не должно терять изъ вида.

Вернувшись въ тотъ же день въ деревню, я черезъ нѣсколько дней опять отправился въ Петербургъ по дѣлу моей командировки. Я явился къ С. А. Грейгу, который принялъ меня очень любезно и объяснилъ мнѣ то положеніе, котораго слѣдовало держаться представителю министерства финансовъ. Конгрессъ былъ вызванъ по случаю происходившаго въ то время колебанія въ отношеніяхъ цѣнности золота и серебра.

Вопросъ биметаллизма имѣлъ особое значеніе для Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и для Франціи.

Америка приступала въ то время къ возстановленію у себя металлическаго обращенія, взамѣнъ бумажнаго денежнаго обращенія, существовавшаго тамъ со времени войны съ южными штатами. Для проведенія реформы Соединеннымъ Штатамъ нужно было пріобрѣсть значительное количество, свыше 300 милліоновъ долларовъ, металла. Потому возникалъ вопросъ—какой металлъ пріобрѣтать, основать ли денежное обращеніе на одномъ желтомъ металлѣ или ввести биметаллизмъ. Очевидно, послѣднее представлялось гораздо легче, но для того, чтобы эта мѣра могла осуществиться, нужно было, чтобы всѣ державы согласились на установленіе опредѣленнаго отношенія между цѣнностью золота и серебра. Кромѣ того значительная группа лицъ, владѣющихъ въ Америкѣ богатыми серебряными рудниками, была также прямо заинтересована въ поддержаніи цѣнности серебра.

Съ другой стороны и Франція была въ нѣкоторой мѣрѣ заинтересована въ поддержкѣ цѣнности серебра,—потому что тамъ въ банкѣ накопилась громадная масса пятифранковой серебряной монеты, до 5 милліардовъ франковъ, которая не находила себѣ употребленія. Съ поднятіемъ стоимости серебра, можно было разсчи-

тывать сбыть значительную долю серебрянаго запаса за границу.

Уже нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ знаменитый экономистъ Воловскій сталъ проводить въ своихъ статьяхъ мысль о преимуществѣ биметаллизма, доказывая, что оба металла, восполняя другъ друга, установляли бы нѣкоторой экилибръ на денежномъ рынкѣ, подобно тому, какъ въ часовыхъ маятникахъ употребляютъ два металла для уравновѣшенія ихъ длины.

За Воловскимъ послѣдовали и нѣкоторые другіе экономисты и, во главѣ ихъ, съ особеннымъ жаромъ ратовалъ за биметаллизмъ извѣстный Чернуски. Школа биметаллистовъ утверждала, подобно тому, какъ и у насъ въ послѣднее время, эту мысль отстаивалъ г. Буми, что съ принятіемъ золотого монометаллизма, явится упадокъ цѣнъ на всѣ произведенія и общій экономическій кризисъ, такъ какъ золотого металла окажется недостаточно. Гр. Бисмаркъ очень наглядно высказывался по вопросу о преніяхъ по поводу золота, что это какъ бы вопросъ объ одѣялѣ, которымъ многіе желаютъ прикрыться, но которое слишкомъ коротко, и потому каждый какъ бы старается перетащить его къ себѣ.

Опасеніе о недостаткѣ золота впослѣдствіи оказалось лишеннымъ основанія.

Но въ то время, вслѣдствіе демонетизаціи серебра въ Голландіи и ожиданія установленія золотой единицы въ Германіи, а съ другой стороны вслѣдствіе усиленной разработки серебряныхъ рудниковъ, цѣнность серебра стала значительно падать, а золото дорожать. Въ виду этихъ обстоятельствъ группа лицъ, заинтересованныхъ этимъ вопросомъ въ Америкѣ, возбудила вопросъ о необходимости сохраненія биметаллизма (double étalon), съ установленіемъ, путемъ законодательства, опредѣленнаго отношенія между цѣною двухъ металловъ. Этой мѣры, по утвержденію американскихъ защитниковъ биметаллизма, было бы достаточно для поддержанія цѣнности серебра въ опредѣленномъ размѣрѣ, даже при допущеніи свободной чеканки (free cornage).—При этомъ упускалось непремѣнно изъ вида, что, при значительной разницѣ цѣны серебра въ слиткахъ и монетѣ, произошла бы столь значительная чеканка серебра, что никакой законъ не былъ бы въ состояніи поддержать его стоимости. Послѣдствія показали всю тщету искусственнаго поддержанія стоимости серебра, потому что всѣ мѣры, которыя вслѣдъ за тѣмъ были приняты Америкой съ этою цѣлью, и въ томъ числѣ значительныя ежегодныя покупки серебра правительствомъ по возвышенной противъ рыночной цѣнѣ, не

привели къ желанному результату, а послужили только къ загроможденію американскаго казначейства массою серебра, которое не находило себѣ употребленія, причиняя существенный ущербъ американскимъ финансамъ.

Вотъ для обсужденія этого важнаго вопроса—объ установленіи твердаго отношенія между цѣною обоихъ металловъ—и была, по предложенію Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, собрана монетная конференція въ Парижѣ, занятія коей, по самому существу дѣла, не могли привести къ положительному результату.

Мы находились въ то время въ періодѣ бумажнаго денежнаго обращенія, а потому въ данный моментъ этотъ вопросъ не имѣлъ для насъ прямого интереса; роль представителя министерства финансовъ на конгрессѣ сводилась, такимъ образомъ, къ принятію къ свѣдѣнію всего, что должно было обсуждаться на конгрессѣ, отъ всякаго же принятія какихъ-либо обязательствъ, вслѣдствіе рѣшеній, кои могли быть постановлены на конгрессѣ, слѣдовало безусловно воздерживаться. Такимъ образомъ, возлагаемая на меня задача не представляла особыхъ трудностей.

Такъ какъ отъѣздъ въ Парижъ предстоялъ только въ концѣ мѣсяца, то я опять вернулся въ деревню, желая провести послѣдніе дни въ средѣ семейства, тѣмъ болѣе, что наступалъ день ангела моей сестры. Сознаюсь, что какъ ни интересна была ожидавшая меня поѣздка, но я все же сожалѣлъ, что мнѣ приходится сократить время столь мирной и пріятной жизни въ деревнѣ, посвященной наслажденію природой и философскимъ размышленіямъ.

Уѣзжая изъ деревни, я встрѣтилъ на станціи Бѣлой, гдѣ я ожидалъ поѣзда, Великаго Князя Константина Николаевича и А. А. Кирѣева, которые также ѣхали въ Парижъ. Тутъ же мнѣ Кирѣевъ сказалъ, что Общество Духовнаго Просвѣщенія имѣетъ въ виду устроить въ теченіе будущей зимы мои чтенія о религіи, о которыхъ у меня была рѣчь съ Янышевымъ и Осининымъ. Это сообщеніе мнѣ было весьма пріятно выслушать, потому что этимъ исполнялось мое давнишнее желаніе; такимъ образомъ я отправлялся съ хорошимъ извѣстіемъ въ дорогу.

Поѣздъ двинулся съ Бѣлой вечеромъ. Утромъ мы были въ Вильнѣ. Послѣ ночи, проведенной въ вагонѣ, я отправился на станціи въ туалетную комнату, чтобы вымыться и освѣжиться, и затѣмъ не торопясь сѣлъ пить кофе. По росписанію, мнѣ показалось, поѣздъ долженъ стоять на станціи цѣлый часъ. Черезъ нѣсколько времени швейцаръ вошелъ въ столовую со звонкомъ, прокричалъ объ отходѣ поѣзда, но такъ, что, какъ обыкновенно, ничего нельзя было понять. Такъ какъ на станціи одновременно съ нами стоялъ

еще поѣздъ, отправлявшійся въ Петербургъ, то я былъ увѣренъ, что это объявляется объ отходѣ послѣдняго. Вдругъ я вижу черезъ окно, что нашъ поѣздъ начинаетъ двигаться — въ недоразумѣніи я бросилъ недопитый кофе, выбѣжалъ на платформу и вижу, что нашъ поѣздъ уходитъ. Оказалось, что я ошибся, смотря на росписаніе — Петербургскій поѣздъ долженъ былъ стоять часъ, а нашъ только полчаса. Трудно представить себѣ болѣе глупое положеніе, чѣмъ мое, когда я стоялъ на платформѣ и смотрѣлъ вслѣдъ уходящему поѣзду. Я обратился къ начальнику станціи съ просьбой, нельзя ли задержать поѣздъ, заявляя готовность заплатить за это штрафъ, но онъ мнѣ отвѣтилъ, что это невозможно, такъ какъ въ поѣздѣ находится Великій Князь. Тогда я спросилъ, нельзя ли получить экстренный поѣздъ, съ которымъ я могъ бы нагнать нашъ поѣздъ на слѣдующей станціи, но и это оказалось невозможнымъ, такъ какъ снаряженіе его требовало нѣкотораго времени и, при томъ, безъ разрѣшенія изъ Петербурга, станція не въ правѣ была отпускать экстренные поѣзда. Выходя изъ вагона, я оставилъ въ немъ раскрытымъ весь мой ручной багажъ, которымъ я пользовался ночью. Станціонный смотритель успокоилъ меня въ этомъ отношеніи, сообщивъ мнѣ, что, еще до границы, нашъ поѣздъ встрѣтитъ обратный поѣздъ, идущій въ Петербургъ, и что кондукторъ нашего поѣзда будетъ извѣщенъ по телеграфу — собрать всѣ мои вещи и передать ихъ въ обратный поѣздъ, который прибудетъ въ Вильну еще до моего отъѣзда.

Нечего было дѣлать, пришлось остаться и спокойно ждать на станціи слѣдующаго поѣзда, хотя я при этомъ и опасался опоздать ко дню открытія конгресса въ Парижѣ.

Когда я въ Парижѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, завтракалъ у Великаго Князя, Константинъ Николаевичъ встрѣтилъ меня вопросомъ, куда я исчезъ съ поѣзда, такъ какъ онъ меня не видалъ на всей дорогѣ; я ему разсказалъ мой трагическій эпизодъ въ Вильнѣ, что его сильно разсмѣшило.

Такъ какъ мнѣ пришлось ждать цѣлый день на станціи, то я отправился гулять въ Вильну. Городъ лежитъ верстахъ въ двухъ или трехъ отъ станціи, дорога въ городъ—глубокій песокъ и была ужасная жара. Вотъ почему, не доходя до города, я ограничился поднятіемъ на гору, лежащую передъ городомъ, съ которой открывается красивый видъ на рѣку Вислу и на самую Вильну.

Наконецъ насталъ вечеръ, и я съ пришедшимъ изъ Петербурга поѣздомъ благополучно отправился въ дальнѣйшій путь.

Прибывъ на слѣдующій день вечеромъ въ Парижъ, я остановился тамъ не въ гостиницѣ, а на частной квартирѣ. По дорогѣ

я разговорился съ однимъ французомъ, моимъ спутникомъ, который, узнавъ отъ меня, что я намѣренъ пробыть нѣкоторое время въ Парижѣ, рекомендовалъ мнѣ остановиться у знакомой его дамы, которая содержитъ комнаты для пріѣзжающихъ, завѣривъ меня, что я очень буду доволенъ помѣщеніемъ. И дѣйствительно, хозяйка оказалась очень порядочной женщиной, а содержимая ею квартира—комфортабельно и, даже, роскошно меблированною. Я нанялъ одну комнату, но, такъ какъ въ это время въ Парижѣ было мало пріѣзжающихъ и потому другихъ жильцовъ у нея не было, то фактически вся квартира была въ моемъ распоряженіи, и я долженъ сказать, что никогда еще я не жилъ въ Парижѣ такъ удобно и такъ комфортабельно.

На слѣдующее утро пришлось дѣлать визиты разнымъ лицамъ и побывать у нашего банкира Verne. У него я засталъ одного изъ членовъ конгресса, швейцарскаго депутата Ларди, съ которымъ Вернъ меня немедленно познакомилъ.

Конгрессъ открылся подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго экономиста Сэя (кажется, сына знаменитаго I. B. Say). Какъ первое, такъ и послѣдующія засѣданія были посвящены главнымъ образомъ рѣчамъ въ пользу двойной единицы (double étalon), и противъ нея, т. е. защиты золотой валюты. Къ послѣднему воззрѣнію присоединилось большинство членовъ. За двойное мѣрило цѣнности ратовали главнымъ образомъ Чернуски съ нѣкоторыми еще другими французами и американскіе делегаты. Американцы владѣли богатыми серебряными рудниками въ Мексикѣ, поэтому паденіе цѣнности серебра причиняло имъ очень существенныя потери. Вотъ почему, какъ уже выше было указано, они главнымъ образомъ и возбудили идею о конгрессѣ, съ чисто практическою подкладкою, надѣясь достигнуть установленія твердаго отношенія цѣнности между двумя драгоцѣнными металлами и тѣмъ самымъ поднять цѣну серебра или, по крайней мѣрѣ, остановить дальнѣйшее паденіе его цѣнности. Цѣль эта однако не была достигнута,—первый монетный конгрессъ разошелся, ничего не постановивъ, предоставивъ окончательное разрѣшеніе дѣла слѣдующему конгрессу. Засѣданія конференціи перемежались оффиціальными обѣдами у президента республики маршала Макъ-Магона, у предсѣдателя конгресса Сэя, въ роскошныхъ столовыхъ министерства финансовъ въ Луврѣ, у американскихъ делегатовъ, которые, какъ иниціаторы конгресса, считали себя какъ-бы хозяевами дѣла и потому пригласили главнѣйшихъ членовъ конгресса на блестящій обѣдъ въ Hôtel Continental. На этомъ обѣдѣ я познакомился съ американскимъ экономистомъ Dana Horton изъ Огайо (Ohio), который много писалъ

о денежномъ вопросѣ. Онъ поднесъ мнѣ свою книгу, подъ заглавіемъ: „Silver and gold“. На обѣдѣ у представителя нашего министерства финансовъ въ Парижѣ, Р. Х. Таля, я встрѣтился съ Ник. Григ. Рубинштейномъ. Послѣ обѣда мы вмѣстѣ съ нимъ отправились домой пѣшкомъ. Онъ мнѣ путемъ разсказалъ, что онъ поднимался на ballon captif и объяснилъ, какое это производитъ страшное впечатлѣніе. Кажется—какъ будто не вы поднимаетесь вверхъ, а какъ будто земля опускается подъ вами.

Одновременно съ монетнымъ конгрессомъ, въ этомъ году, въ Парижѣ происходила международная выставка, которую я, разумѣется, посѣщалъ нѣсколько разъ. Грандіозность этого зрѣлища, несмотря на то, что оно напоминало громадную ярмарку, превосходила всякое описаніе. Выставка начиналась отъ Трокадеро по сю сторону Сены, но размѣщалась, главнымъ образомъ, на Марсовомъ полѣ, лежащемъ на другой сторонѣ рѣки. Въ самомъ Трокадеро была выстроена высокая башня, на которую поднимались на лифтѣ, и съ которой открывался обширный видъ на выставку и на весь Парижъ. Все пространство между Трокадеро и Марсовымъ полемъ было превращено въ роскошный садъ, и сознаюсь, что я никогда еще не видѣлъ такихъ роскошныхъ и изящныхъ цвѣтниковъ, какъ тѣ, которыми былъ украшенъ этотъ садъ.

Въ свободное время между засѣданіями, я предпринималъ экскурсіи въ окрестности Парижа и посѣтилъ даже Трувиль на берегу моря. Одна изъ самыхъ интересныхъ моихъ экскурсій была на высоты Монмартра, гдѣ строилась тогда церковь Sacré Coeur и, въ лежащій у подножья ея, чудный паркъ Buttes Chaumont, рѣдко посѣщаемый иностранцами.

Во время президентства Макъ-Магона, подъ вліяніемъ какъ его самого, такъ и его жены, ярой католички, католическая партія пользовалась открытымъ преобладаніемъ во Франціи. Желая наглядно проявить торжество католицизма, эта партія рѣшила построить на Монмартрѣ грандіозный и великолѣпный соборъ, посвященный культу Св. Сердца Іисуса. Этимъ какъ бы проявлялось тройное знаменіе торжества ультрамонтанскаго католицизма. Во-первыхъ, для сооруженія собора было выбрано главное возвышеніе около Парижа, господствующее надъ всѣмъ городомъ, въ которомъ такъ недавно еще преобладали—невѣріе, матеріализмъ и революція; затѣмъ, во-вторыхъ, храмъ, который строился на этой горѣ, долженъ былъ затмить по своему величію всѣ церкви Парижа и, наконецъ, въ третьихъ, этотъ храмъ посвящался самому крайнему изъ ультрамонтанскихъ католическихъ догматовъ—культу Sacré Coeur. Можно ли было искать болѣе убѣдительнаго доказательства торжества и пре-

обладанія католической и даже крайней католической идеи надъ невѣріемъ Парижа. Храмъ этотъ, котораго я видѣлъ тогда только грандіозно заложенные фундаменты, дѣйствительно былъ отстроенъ— но какъ съ тѣхъ поръ все измѣнилось! Онъ продолжаетъ смотрѣть со своей высоты на Парижъ, но уже не властвуетъ надъ нимъ: вліяніе католицизма подавлено, и въ настоящее время выносятъ даже распятіе и другія христіанскія эмблемы изъ училищъ, судовъ и другихъ правительственныхъ зданій.

Лежащія у подножья Монмартра Buttes Chaumont были первоначально известковыя каменоломни, каррьеры. Изъ нихъ добывался камень для построекъ въ городѣ, и поэтому эта мѣстность представляла собою изрытое пространство, наполненное пещерами и ущельями, которыя долгое время служили притономъ ворамъ, разбойникамъ и разнымъ темнымъ личностямъ. Въ романахъ начала столѣтія Buttes-Chaumont является театромъ дѣйствій разныхъ, возбуждавшихъ крайній интересъ у читающей публики, разбойничьихъ происшествій и страстей. Желая освободить городъ отъ столь непріятнаго и опаснаго сосѣдства, Парижскій муниципалитетъ превратилъ всю эту мѣстность въ роскошный паркъ. Площадь бывшей каменоломни, образуя естественные пригорки, утесы, пещеры и между ними небольшія долины, представляла чрезвычайно удобныя условія для устройства краснваго парка. Весь этотъ terrain accidenté обсаженъ живописною растительностью, посреди парка вырытъ громадный прудъ, почти озеро, который развѣтвляется въ рѣчки между пригорками и утесами; на пригоркахъ виднѣются красивые павильоны, черезъ рѣчку перекинуты изящные мостики. Все это вмѣстѣ взятое носитъ на себѣ какой-то южный итальянскій характеръ и представляетъ несомнѣнно самое красивое мѣсто въ окрестностяхъ Парижа.

Однажды утромъ, ко мнѣ зашелъ швейцарскій депутатъ Ларди, съ которымъ я сошелся нѣсколько ближе, чтобы поздравить меня съ моимъ назначеніемъ товарищемъ министра финансовъ. Свѣдѣніе это, повидимому, было сообщено изъ Петербурга, гдѣ тоже объ этомъ шла рѣчь; когда я, по возвращеніи отъ кн. Оболенскаго, встрѣтилъ Головина, то онъ сейчасъ же спросилъ меня, назначаюсь ли я товарищемъ министра. Въ Парижѣ извѣстіе о будто бы предстоявшемъ моемъ назначеніи появилось даже въ „Journal des Débats“. Вѣроятно, это предположеніе возникло потому, что знали, что Самуилъ Алексѣевичъ очень ко мнѣ расположенъ, и что одно изъ первыхъ его распоряженій, по его назначеніи министромъ, была моя командировка въ Парижъ.

Хотя такая перспектива и представлялась для меня тогда очень

лестною, но я не особенно тому обрадовался и даже съ сожалѣніемъ помышлялъ о томъ, что придется отказаться отъ того спокойнаго и мирнаго образа жизни, къ которому я такъ привыкъ въ послѣднее время, и погрузиться въ водоворотъ оффиціальныхъ дѣлъ и отношеній. Моя покойная жена, еще бывши маленькой дѣвочкой, въ шутку называла меня товарищемъ министра; ей мое назначеніе доставило бы удовольствіе, какъ осуществленіе въ дѣйствительности этого шуточнаго предсказанія. Но ея уже не было въ живыхъ, я же никакими честолюбивыми стремленіями не носился и потому не особенно восторгался ожидавшею меня карьерою.

Оказалось, однако, что всѣ эти сожалѣнія были излишни—потому что возникшій слухъ не оправдался.

По возвращеніи въ Петербургъ, я немедленно явился къ Грейгу, но не засталъ его дома; черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ него записочку съ приглашеніемъ зайти къ нему на слѣдующее утро. Я былъ увѣренъ, что онъ приглашаетъ меня для предложенія мнѣ указаннаго поста. Оказалось однако, что онъ меня просто пригласилъ къ завтраку, на которомъ присутствовалъ и П. И. Шамшинъ; во время завтрака рѣчь шла только о моемъ пребываніи въ Парижѣ и никакого намека о моемъ назначеніи Самуилъ Алексѣевичъ мнѣ не сдѣлалъ.

Вопросъ о назначеніи товарища министра долгое время оставался открытымъ. Можетъ быть, нѣкоторое время Грейгъ и думалъ обо мнѣ, но окончательно его выборъ остановился на А. К. Гирсѣ; когда же Гирсъ чрезъ нѣкоторое время послѣ своего назначенія скончался, то Грейгъ рѣшился взять въ товарищи директора кредитной канцеляріи А. В. Цимсена.

Сознаюсь, что хотя слухъ о моемъ будущемъ назначеніи и не особенно меня обрадовалъ, какъ я уже замѣтилъ выше, я все же былъ нѣсколько разочарованъ тѣмъ, что это предположеніе не осуществилось, такъ какъ я уже свыкся съ мыслью о моемъ предстоявшемъ назначеніи.

Извѣстіе, сообщенное мнѣ въ Парижѣ, осуществилось только десять лѣтъ спустя, при И. А. Вышнеградскомъ.

Впрочемъ, и Цимсену не суждено было стать товарищемъ Грейга. Это была эра Лорисъ-Меликова. Желая пріобрѣсти популярность въ интеллигентныхъ кругахъ и такимъ образомъ противодѣйствовать революціонному броженію, Л.-М. полагалъ между прочимъ возможнымъ достигнуть этой цѣли назначеніемъ въ министры лицъ, пользовавшихся извѣстностью въ области науки и въ административныхъ сферахъ. По его мнѣнію, С. А. Грейгъ не соотвѣтствовалъ этому требованію, и онъ предложилъ Государю назначить

министромъ финансовъ А. А. Абазу, а товарищемъ къ нему извѣстнаго ученаго и экономиста Н. Хр. Бунге. Но для такого назначенія нужно было предварительно подготовить почву и дать Николаю Христіановичу время и возможность достойно подготовиться къ ожидавшей его сферѣ дѣятельности. Вотъ почему, когда Самуилъ Алексѣевичъ представилъ Государю докладъ о назначеніи товарищемъ А. В. Цимсена, Государь объявилъ ему, что онъ имѣетъ въ виду на это мѣсто другое лицо—Н. Хр. Бунге. Назначенный такимъ образомъ товарищемъ министра, Николай Хр. нѣсколько времени состоялъ на этомъ посту при Грейгѣ. Въ теченіе этого времени онъ печаталъ въ „Сборникѣ государственныхъ знаній“ Безобразова свои замѣчательныя статьи о финансахъ Россіи. Затѣмъ въ скоромъ времени министромъ финансовъ былъ дѣйствительно назначенъ А. А. Абаза, а послѣ трагической смерти Государя, когда Абаза и Д. А. Милютинъ оставили министерство, Бунге былъ назначенъ министромъ финансовъ.

Послѣ этого отступленія, возвращаюсь къ моему путешествію. Въ послѣднее время моего пребыванія въ Парижѣ, было получено извѣстіе объ убійствѣ Мезенцова, которое произвело на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Этимъ начиналась та эра террора, которая пріостановила всю реформаторскую дѣятельность правительства и окончилась трагическимъ происшествіемъ 1-го марта. Длящееся съ тѣхъ поръ революціонное движеніе, то ослабѣвающее, то усиливающееся по временамъ, до сихъ поръ препятствуетъ намъ войти въ нормальное положеніе, вызывая административныя высылки и разныя тому подобныя исключительныя мѣропріятія.

По окончаніи засѣданій конгресса, я отправился обратно не прямымъ путемъ, а черезъ Баденъ-Баденъ, гдѣ посѣтилъ семейство Бравура, Марбургъ, Гамбургъ, Киль и Копенгагенъ, гдѣ я намѣревался посѣтить моего двоюроднаго брата А. А. Фольборта, бывшаго въ то время генеральнымъ консуломъ въ Копенгагенѣ.

Въ Гамбургѣ я остановился въ той же гостиницѣ Hôtel de S.-Pétersbourg—въ которой, 32 года тому назадъ, я провелъ столь печальные дни, такъ какъ тамъ скончался мой отецъ. Я получилъ случайно комнату, расположенную ровно надъ тою, въ которой мы тогда жили. Стараго хозяина гостиницы уже не было въ живыхъ. Во время моего настоящаго пріѣзда гостиница была уже во владѣніи его сына. Я пожелалъ съ нимъ повидаться и, разсказавъ ему, какъ мы прожили въ его гостиницѣ въ 1846 г., прибавилъ, что въ моемъ семействѣ до сихъ поръ чтутъ съ благодарностью память его покойнаго отца, который, при столь печальныхъ условіяхъ, поступилъ съ нами такъ деликатно и внимательно; на это онъ мнѣ

отвѣтилъ, что и у нихъ сохранилась память о русскомъ господинѣ, который жилъ и скончался у нихъ въ 1846 году.

Первой моей поѣздкой въ Гамбургѣ была, разумѣется, на кладбище Michaelis Kirchhoff, чтобы посѣтить тамъ могилу отца. Затѣмъ я посвятилъ остальную часть дня на посѣщеніе зоологическаго сада и рыбачьей деревни Blankenese, лежавшей на берегу моря и представлявшей мѣсто экскурсіи для гамбургскихъ жителей.

Дорога въ Копенгагенъ ведетъ черезъ Киль, это первый городъ, на который ступила моя нога за границей въ 1846 году, когда мы туда пріѣхали на пароходѣ „Смѣлый“. Изъ Киля въ Корсэръ, на датскомъ берегу, пришлось ѣхать на пароходѣ. Переѣздъ продолжается всего одну ночь. Вечеромъ пароходъ отправляется изъ Киля, а утромъ, просыпаясь, въѣзжаемъ уже въ Корсэръ. Изъ Корсэра въ Копенгагенъ идетъ желѣзная дорога, прорѣзывающая поперекъ Зеландію. Дорога проходитъ все время по ровному пространству, покрытому зелеными полянами съ мелькающими тамъ и сямъ деревенскими дворами. Мѣстность эта представляетъ картину страны не очень населенной, но вполнѣ благосостоятельной.

Въ Копенгагенѣ меня очень радушно встрѣтилъ мой двоюродный братъ съ сыномъ, и я очень пріятно провелъ въ ихъ обществѣ нѣсколько дней. Главный пунктъ въ Копенгагенѣ — большая красивая площадь, прилегающая къ морю и окаймленная пристанью, у которой стояло множество лодокъ и другихъ судовъ; по сторонамъ этой площади находились: королевскій дворецъ, музей и нѣкоторыя другія красивыя зданія. Примыкающая къ морю Копенгагенская площадь напоминаетъ нѣсколько Венеціанскую Піацету, тоже окаймленную пристанью, выходящею на лагуны. Остальныя улицы и площади города представляютъ мало замѣчательнаго. Въ числѣ зданій, примыкающихъ къ площади, слѣдуетъ упомянуть еще родъ часовни, въ которой помѣщено знаменитое изваяніе Торвальдсена „Христосъ и двѣнадцать Апостоловъ“. Эти фигуры, во весь ростъ, изъ бѣлаго мрамора, въ полусвѣтѣ часовни, производятъ очень глубокое впечатлѣніе.

Вблизи Копенгагена лежитъ загородный королевскій замокъ Клампенбургъ, окруженный большимъ, красивымъ, дикимъ паркомъ, въ которомъ попадаются олени, гуляющіе свободно по парку; этотъ паркъ — родъ звѣринца.

Вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ мы предприняли красивую поѣздку вдоль моря, мимо Эльзенерскаго замка, театра дѣйствія шекспировскаго Гамлета—во дворѣ этого замка офицеру, находящемуся на стражѣ, является тѣнь отца Гамлета. — Далѣе мы проѣхали возлѣ, лежавшей на возвышеніи, Odinshöhe, т. е. холмъ

Одина, извѣстнаго скандинавскаго бога, и наконецъ остановились на берегу моря, въ рыбацкой деревнѣ Hellehoeck, гдѣ мы, послѣ продолжительной поѣздки, пообѣдали съ большимъ аппетитомъ въ мѣстной, очень простой, но хорошей гостиницѣ.

Изъ Копенгагена я отправился моремъ въ Любекъ. Предъ выѣздомъ въ Любекъ, пароходъ проходитъ мимо Травемюнде, гдѣ я такъ часто бывалъ въ 1846 году. Такимъ образомъ, это путешествіе было для меня полно воспоминаній прошлаго времени.

На обратномъ пути я заѣхалъ къ себѣ въ деревню Захонье, гдѣ я такъ мирно и пріятно провелъ лѣто, думая пробыть тамъ еще нѣсколько дней, но уже не засталъ тамъ своихъ, такъ какъ, по случаю дурной погоды, они нѣсколько раньше переѣхали въ городъ.

Въ декабрѣ начались мои чтенія. Эти чтенія, подъ заглавіемъ „Философскій оптимизмъ и пессимизмъ и христіанское воззрѣніе на жизнь“, были посвящены развитію мысли о томъ, что философскій пессимизмъ—вполнѣ раціональное воззрѣніе, если ограничивать существованіе человѣка предѣлами этой жизни, потому что въ границахъ конечнаго жизнь теряетъ всякую цѣну; оптимистически же можно относиться къ жизни только при увѣренности продолженія ея послѣ смерти,—увѣренность, которую даетъ намъ христіанство. Изложенію этого предмета у меня предназначалось отъ пяти до шести лекцій; но такъ какъ при этомъ каждая лекція получала слишкомъ большой объемъ, то пришлось увеличить число лекцій до девяти. Въ развитіе моей мысли я предварительно давалъ краткое изложеніе теоріи Гартмана и нѣкоторыхъ другихъ новѣйшихъ философовъ-пессимистовъ и затѣмъ, параллельно съ этимъ, излагалъ христіанское ученіе. Чтеніямъ предшествовало и на этотъ разъ засѣданіе Совѣта Общества, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, при чемъ опять былъ возбужденъ нѣкоторыми членами Совѣта вопросъ: не слѣдуетъ ли предварительно подвергнуть содержаніе моихъ лекцій просмотру, въ виду того, что у меня предполагалось изложить главную сущность христіанскаго ученія. Какъ и въ первый разъ, это требованіе было отклонено, при чемъ, для успокоенія сомнѣвающихся, было постановлено, что въ случаѣ, если бы въ моемъ изложеніи оказалось что-либо требующее возраженія, то для этого могло бы быть затѣмъ посвящено отдѣльное публичное засѣданіе, такъ сказать, для ректификаціи моего изложенія христіанства. На этомъ предложеніи оппоненты успокоились; никакихъ ересей въ моихъ лекціяхъ, однако, не оказалось, такъ что въ дополнительномъ засѣданіи не оказалось и потребности. Напротивъ того, мои чтенія,

по мѣрѣ ихъ произношенія, печатались въ религіозномъ харьковскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, а по окончаніи ихъ печатанія, я получилъ даже отъ редактора журнала, священника Предтеченскаго, весьма лестное письмо, въ которомъ онъ меня благодарилъ, отъ имени Академіи, за мой трудъ. Затѣмъ мои чтенія вышли отдѣльной книгой, которая имѣла два изданія.

Въ теченіе этого же сезона подъ моимъ предсѣдательствомъ начались [1]) съѣзды представителей земельныхъ банковъ, — съѣзды, которые затѣмъ повторялись ежегодно. Дѣло въ томъ, что до устройства этихъ съѣздовъ, земельные банки дѣйствовали безъ всякаго между собою соглашенія; каждый банкъ выпускалъ свои закладные листы по мѣрѣ представленія имѣній въ залогъ, безъ соображенія съ выпусками сосѣднихъ банковъ и съ условіями денежнаго рынка. Вслѣдствіе этого бумаги банковъ стояли крайне низко, что̀ причиняло значительный ущербъ заемщикамъ. Вотъ почему было рѣшено учредить съѣздъ представителей земельныхъ банковъ, чтобы вызвать съ ихъ стороны взаимное соглашеніе. На этихъ съѣздахъ стало ежегодно опредѣляться общее число закладныхъ листовъ, которое, по соображенію съ условіями рынка, въ данный годъ могло быть выпущено; вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялось распредѣленіе этого итога между отдѣльными банками, въ видахъ установленія контингента максимальнаго выпуска каждаго изъ нихъ. Такой образъ дѣйствія возымѣлъ самые удовлетворительные результаты — курсъ закладныхъ листовъ сталъ немедленно подниматься и затѣмъ достигъ до пари, между тѣмъ какъ до того онъ колебался около 70% номинальной стоимости.

12-го октября 1878 года мнѣ минуло 50 лѣтъ—полвѣка; что въ это время я пережилъ и перечувствовалъ, и что меня еще ожидаетъ въ будущемъ! Невольно на этомъ останавливались мои мысли.

Зима 1878 — 1879 гг. была ознаменована двумя трагическими происшествіями. Во-первыхъ, въ Ветлянкѣ разразилась чума, а затѣмъ 2-го апрѣля произошло второе послѣ Каракозова покушеніе на жизнь Императора Александра II.

Извѣстіе о появленіи чумы въ Ветлянкѣ произвело ужасный переполохъ во всей Россіи, особенно когда вслѣдъ за симъ докторъ Боткинъ объявилъ, что онъ нашелъ признаки чумной заразы у одного дворника Н., въ Петербургѣ. Дворникъ Н. сдѣлался на короткое время знаменитымъ лицомъ: вся Россія говорила о дворникѣ Н.

---

[1]) Не могу съ точностью припомнить, былъ ли этотъ съѣздъ, происходившій подъ моимъ предсѣдательствомъ, дѣйствительно первымъ съѣздомъ, или не начались ли эти съѣзды уже раньше.

Діагнозъ Боткина оказался впослѣдствіи сомнительнымъ, но одно предположеніе о возможности развитія чумы не только гдѣ-нибудь на дальнихъ окраинахъ, но даже въ самой столицѣ, несомнѣнно, поразило всѣхъ ужасомъ. Въ Ветлянку былъ командированъ графъ Лорисъ-Меликовъ для принятія мѣръ противъ распространенія чумной заразы. Лорисъ-Меликовъ пользовался до тѣхъ поръ заслуженною репутаціей, особенно въ военныхъ кругахъ, какъ покоритель Карса, но въ администраціи онъ еще не имѣлъ случая выказать своихъ способностей. Возложенное на него порученіе дало ему возможность заявить себя въ качествѣ энергичнаго и умнаго распорядителя. Онъ немедленно принялъ всѣ необходимыя мѣры для оцѣпленія зачумленной мѣстности, не подвергая, однако, мѣстное населеніе излишнимъ стѣсненіямъ. Благодаря его мѣропріятіямъ, дальнѣйшее распространеніе заразы было пріостановлено.

Своими благоразумными распоряженіями въ Ветлянкѣ графъ Лорисъ-Меликовъ на столько обратилъ на себя всеобщее вниманіе, что когда, вскорѣ послѣ того, развитіе революціонной дѣятельности вызвало необходимость поставить во главѣ управленія лицо, снабженное особыми полномочіями, выборъ Государя палъ на графа Лорисъ-Меликова; хотя и съ относительно скромнымъ титуломъ министра внутреннихъ дѣлъ, онъ нѣсколько лѣтъ стоялъ во главѣ министерства.

Ветляно-петербургскій инцидентъ повлекъ за собою, кромѣ того, и существенный экономическій ущербъ для Россіи, побудивъ Пруссію принять на западной границѣ крайне стѣснительныя мѣры по отношенію къ русскимъ торговымъ сношеніямъ.

Покушенію 2-го апрѣля я былъ почти свидѣтелемъ. Государь имѣлъ привычку каждое утро совершать прогулку около Главнаго Штаба. Окна моей квартиры, у Пѣвческаго моста, выходили на Дворцовую площадь и на домъ Штаба. Въ тотъ день я какъ-то остановился у окна и видѣлъ проходящаго мимо, по панели, вдоль Штаба, Государя; затѣмъ едва успѣлъ я отойти отъ окна, какъ мой слухъ былъ пораженъ нѣсколькими выстрѣлами. Не понимая, что бы это значило, я опять подошелъ къ окну—и увидѣлъ, какъ мгновенно часть площади покрылась бѣгущимъ въ разныя стороны народомъ, повидимому, находящимся въ ужасномъ возбужденіи; въ толпѣ меня поразилъ между прочимъ старый солдатъ дворцовой роты, бѣжавшій съ обнаженною шпагою. Государя я уже не видѣлъ—оказалось, что совершено покушеніе на его жизнь. Немедленно, только-что извѣстіе объ этомъ гнусномъ происшествіи успѣло распространиться, какъ весь оффиціальный Петербургъ поспѣшилъ во дворецъ—я тоже поспѣшилъ надѣть мундиръ и отправиться туда же.

Тамъ я засталъ всѣхъ, въ ожиданіи выхода Государя, возбужденно бесѣдовавшихъ о только-что случившемся. Наконецъ, вышелъ Государь, встрѣченный громкими криками „ура!"; онъ казался спокойнымъ и обратился къ присутствующимъ съ краткою рѣчью, въ которой онъ приглашалъ благомыслящихъ людей сплотиться около него, чтобы трудиться на пользу Россіи. Затѣмъ всѣ послѣдовали за Государемъ въ церковь, гдѣ началось благодарственное молебствіе по случаю спасенія жизни Государя.

Въ этомъ же году была учреждена такъ называемая Барановская желѣзнодорожная комиссія, и мнѣ было предложено принять въ ней участіе.

Министромъ путей сообщенія былъ въ то время Посьетъ. Хорошій морякъ и достойный по своимъ нравственнымъ качествамъ человѣкъ, онъ немного понималъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, а потому желѣзнодорожное хозяйство шло у насъ очень плохо, со всѣхъ сторонъ раздавались жалобы на залежи и вообще на неустройство желѣзнодорожнаго сообщенія. При такихъ условіяхъ, возникла мысль образовать особую комиссію для обсужденія положенія желѣзнодорожнаго дѣла. Во главѣ комиссіи былъ поставленъ графъ Э. Пет. Барановъ, предсѣдатель департамента экономіи Государственнаго Совѣта, человѣкъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и отличавшійся какъ благородствомъ и особымъ достоинствомъ характера, такъ и административнымъ тактомъ и опытностью. Управляющимъ дѣлами комиссіи былъ назначенъ М. Н. Анненковъ. Послѣдній былъ въ сущности иниціаторомъ образованія Барановской комиссіи. Михаилъ Николаевичъ всегда интересовался желѣзнодорожнымъ дѣломъ и усиленно занимался этими вопросами. Находясь въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ графомъ Барановымъ, который весьма цѣнилъ его энергическія способности, М. Н. Анненковъ, кажется, и подалъ мысль графу Баранову возбудить вопросъ объ образованіи такой комиссіи. Комиссія была составлена какъ изъ лицъ администраціи, такъ и изъ нѣкоторыхъ представителей частныхъ желѣзныхъ дорогъ, большихъ землевладѣльцевъ и другихъ лицъ, заинтересованныхъ желѣзнодорожнымъ дѣломъ. Имѣлось въ виду учрежденіе въ средѣ комиссіи ряда подкомиссій для изслѣдованія на мѣстахъ главнѣйшихъ линій мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ. Для такой анкеты, вся желѣзнодорожная сѣть была раздѣлена на шесть группъ—изслѣдованіе на мѣстахъ каждой группы было возложено на отдѣльныя подкомиссіи. Мнѣ было предложено стать во главѣ Риго-Царицынской подкомиссіи, изслѣдованію которой подлежали дороги: Риго-Динабургская, Орловская, Грязская и Царицынская. Членами моей подкомиссіи были назначены: генералъ

баронъ Будбергъ, баронъ Каульбарсъ, служившій на Московской желѣзной дорогѣ, Юшковъ, служившій не помню на какой ж. дор., и инженеръ Штида.

Предварительно изслѣдованія на мѣстахъ, всѣмъ правленіямъ жел. дорогъ были разосланы списки съ рядомъ вопросовъ, по которымъ требовалось доставленіе отъ нихъ объясненій. Каждой подкомиссіи предстояло, предварительно приступленія къ своему изслѣдованію, проштудировать отвѣты, полученные отъ соотвѣтствующихъ ей желѣзныхъ дорогъ.

Затѣмъ данныя, добытыя подкомиссіями, должны были уже составить окончательный матеріалъ сужденій главной комиссіи — съ цѣлью выработки нормальнаго желѣзнодорожнаго закона.

Дѣло было такимъ образомъ обставлено очень основательно; графъ Барановъ, горячо принимавшій его къ сердцу, не могъ однако не сознавать, что не достаточно выработать желѣзнодорожный законъ и начертить необходимыя дополнительныя мѣропріятія, но необходима еще личность, которая была бы въ состояніи провести всѣ предположенія комиссіи въ жизнь, чего отъ Посьета никакъ нельзя было ожидать. Поэтому графъ Барановъ считалъ своею задачею, кромѣ составленія нормальнаго желѣзнодорожнаго закона, подготовить и будущаго министра путей сообщенія, который бы могъ приводить въ исполненіе всѣ предположенія комиссіи. Такимъ кандидатомъ въ министры путей сообщенія онъ намѣтилъ М. Н. Анненкова и прямо это высказывалъ. Не разъ мнѣ приходилось слышать въ засѣданіяхъ комиссіи, какъ графъ обращался къ Анненкову со словами: „вотъ, когда вы будете министромъ путей сообщенія, вы сдѣлаете то-то и то-то“...

Графу Баранову не суждено было однако довести столь полезное дѣло до благополучнаго окончанія. Въ теченіе послѣдующихъ занятій комиссіи, посвященныхъ разработкѣ матеріаловъ, добытыхъ подкомиссіями, графъ Эдуардъ Трофимовичъ внезапно заболѣлъ: съ нимъ сдѣлался родъ удара, совершенно помрачившій даже его умственныя способности — и затѣмъ послѣ нѣкотораго времени графъ скончался... Вмѣстѣ съ тѣмъ рушились планы графа Баранова.

Только много лѣтъ спустя мнѣ удалось узнать причину катастрофы, постигшей графа Баранова. Баронъ Веліо, членъ Государственнаго Совѣта, разсказалъ мнѣ, однажды, когда я его посѣтилъ за нѣсколько дней до его смерти, по этому поводу слѣдующее.

Въ то время, подъ предсѣдательствомъ Государя Александра II, въ Царскомъ Селѣ происходило засѣданіе по одному очень важному желѣзнодорожному вопросу, имѣлось въ виду коренное измѣненіе постановки этого дѣла.

Въ этомъ засѣданіи участвовали графъ Лорисъ-Меликовъ, А. А. Абаза, Д. А. Милютинъ, графъ Барановъ и Посьетъ. Послѣдній энергически возражалъ противъ принятія мѣры, которая должна была нѣсколько ограничить свободу распоряженій министра путей сообщенія. Всѣ остальные члены доказывали необходимость принятія обсуждаемой мѣры, такъ какъ они видѣли въ ней существенное условіе болѣе раціональной постановки у насъ желѣзнодорожнаго дѣла. Государь согласился съ большинствомъ. Повидимому, дѣло было рѣшено въ удовлетворительномъ смыслѣ. Послѣ засѣданія всѣ члены вернулись въ Петербургъ, одинъ только Посьетъ остался въ Царскомъ Селѣ. На другой день утромъ, зная, въ какое время Государь гуляетъ по парку, Посьетъ отправился тоже гулять въ паркъ и, встрѣтившись съ Государемъ, сталъ его упрашивать не порочить стараго и вѣрнаго слугу—такъ какъ принятіе вышеуказанной мѣры могло быть истолковано, въ смыслѣ недовѣрія къ нему Государя. По мягкости сердца, Государь не устоялъ противъ ходатайства Посьета—рѣшеніе предшествовавшаго дня было отмѣнено. Когда извѣстіе объ этомъ дошло до графа Баранова, то это на него такъ подѣйствовало, что съ нимъ сдѣлался ударъ, внезапно прервавшій и его столь полезную дѣятельность и его жизнь.

Посьетъ же оставался еще долгое время министромъ. Замѣчательно, что самый неспособный, въ своей части, изъ министровъ, онъ почти дольше всѣхъ министровъ оставался на своемъ посту. Онъ оставилъ министерство только послѣ желѣзнодорожной катастрофы въ Боркахъ.

Что же касается М. Н. Анненкова, то предположеніе графа Баранова о назначеніи его впослѣдствіи министромъ путей сообщенія, также никогда не осуществилось. Какъ извѣстно, его дальнѣйшая дѣятельность по желѣзнодорожной части ограничилась сооруженіемъ Полѣсскихъ и Закаспійской желѣзныхъ дорогъ. Хотя эти постройки были совершены очень быстро и относительно недорого, но такъ какъ онъ при постройкѣ дорогъ часто уклонялся отъ точнаго примѣненія контрольныхъ правилъ, то впослѣдствіи на него со стороны Государственнаго Контроля былъ возбужденъ рядъ нареканій. Примѣромъ преобладавшаго при томъ формализма можетъ служить между прочимъ слѣдующій фактъ. По Закаспійской желѣзной дорогѣ ему была ассигнована извѣстная сумма на сооруженіе плавучей переправы черезъ рѣку Амуръ-Дарью. Вмѣсто предположенной плавучей переправы Анненкову удалось соорудить на эти деньги постоянный мостъ черезъ Амуръ-Дарью. Казалось, что за такую распорядительность онъ могъ заслуживать только выраженіе признательности, а между тѣмъ Государственный Конт-

роль, на чисто формальной почвѣ, возбудилъ противъ него нареканіе за превышеніе власти. Когда нѣсколько времени спустя въ засѣданіи Государственнаго Совѣта, въ которомъ я присутствовалъ въ качествѣ товарища министра, разбирался вопросъ о начетахъ и обвиненіяхъ, которые возводились контролемъ на Анненкова, я счелъ долгомъ поставить вопросъ ребромъ. Указавъ на то, что можетъ быть именно вслѣдствіе уклоненія въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ строгаго примѣненія контрольныхъ правилъ Анненкову удалось достигнуть, по свѣдѣніямъ самого контроля, такой дешевизны поверстной стоимости (считая и дополнительныя работы, такъ какъ его упрекали въ томъ, что дороги въ нѣкоторыхъ частностяхъ не были окончательно достроены), до которой не доходила постройка ни одной изъ другихъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ,—я высказалъ мнѣніе, что сущность вопроса несомнѣнно важнѣе формальной его стороны, и что потому возбужденныя противъ него пререканія Государственнаго Контроля едва-ли заслуживаютъ вниманія. На вопросъ поставленный такимъ образомъ, всѣ члены присоединились къ моему мнѣнію, и отчетъ Анненкова былъ утвержденъ.

Затѣмъ во время голода, постигшаго Россію въ 1892 году, на Анненкова было возложено устройство работъ для голодающаго населенія, съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ 10 милліоновъ рублей. Работы предполагались самыя разнообразныя—и рубка лѣса, и сооруженіе шоссе на западномъ берегу Кавказа, и постройка школъ часовень, и проведеніе въ разныхъ мѣстностяхъ осушительныхъ и оросительныхъ каналовъ и т. д. Анненковъ имѣлъ неосторожность принять на себя веденіе этого дѣла, которое по своей сложности и разнообразности одновременно въ разныхъ краяхъ Россіи едва ли было подъ силу одному человѣку. А такъ какъ къ тому же Михаилъ Николаевичъ не отличался большою аккуратностью,—то хотя въ сущности главною задачею было кормленіе голодающаго населенія,—его все же впослѣдствіи стали упрекать въ томъ, что всѣ эти работы были произведены не вполнѣ удовлетворительно, кромѣ того, онъ запутался при сложности дѣла, въ счетахъ,—и потому Государственный Контроль предъявилъ на него рядъ начетовъ. Между тѣмъ Анненковъ неоднократно, при недостаткѣ ассигнованныхъ кредитовъ, прибѣгалъ къ затратѣ собственныхъ средствъ и, вслѣдствіе того, совершенно разстроилъ свое большое состояніе. Послѣдовавшая затѣмъ его внезапная кончина, по всей вѣроятности, была вызвана заботами и совершеннымъ раззореніемъ своей семьи.

Возвращаюсь теперь, послѣ этого отклоненія, къ занятіямъ подкомиссіи, во главѣ которой я былъ поставленъ. Передъ отпра-

вленіемъ изъ Петербурга пришлось составить планъ работъ, ознакомиться со всѣми подробностями желѣзнодорожныхъ операцій и сговориться по дѣлу съ другими членами подкомиссіи. По этому случаю я совершилъ между Петербургомъ и Колпиномъ поѣздку на локомотивѣ, желая ознакомиться съ дѣятельностью машиниста во время пути.

Въ концѣ апрѣля моя подкомиссія въ полномъ составѣ—Штида, бар. Будбергъ, бар. Каульбарсъ, Юшковъ и Андерсъ—отправилась въ путь, черезъ Динабургъ въ Ригу.

Я прежде въ Ригѣ никогда не бывалъ; городъ поразилъ меня своими красивыми постройками, особенно по Alexander-Strasse, изящными бульварами и элегантными скверами; сохранившіяся въ прежнемъ видѣ, старинныя постройки придаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторымъ частямъ его характеръ древняго историческаго города.

Въ Ригѣ мы пробыли около недѣли, занимаясь разсмотрѣніемъ отвѣтовъ, полученныхъ отъ разныхъ желѣзныхъ дорогъ, на разосланные имъ вопросы. Этимъ же временемъ мы воспользовались для посѣщенія сосѣднихъ дачныхъ приморскихъ мѣстностей, Дубельнъ, Кеммернъ, Майоренгофъ—замѣчательныхъ по ихъ красивому мѣстоположенію.

Изъ Риги мы отправились черезъ Туккумъ въ Митаву, чтобы ознакомиться съ состояніемъ Митавской желѣзной дороги.

Туккумъ чисто еврейскій городъ; Митава, напротивъ того, древній историческій городъ, бывшая столица Курляндскихъ герцоговъ, носитъ съ своими древними замками совершенно характеръ небольшихъ феодальныхъ германскихъ городовъ.

Губернаторомъ въ Митавѣ былъ тогда П. Ѳ. Лиліенфельдъ. Лиліенфельдъ составилъ себѣ имя въ нашей экономической литературѣ статьями по земскому и крестьянскому вопросу, подъ псевдонимомъ Лилѣевъ. Ко времени моего посѣщенія Митавы, онъ былъ занятъ сочиненіемъ о соціологіи общества. Этотъ обширный трудъ вышелъ на нѣмецкомъ языкѣ въ трехъ томахъ и обратилъ на себя вниманіе иностранныхъ ученыхъ. При участіи Лиліенфельда, нѣсколько времени спустя въ Парижѣ образовалось соціологическое общество, для изученія соціологическихъ вопросовъ, устраивающее ежегодно соціологическіе конгрессы. На одномъ изъ послѣднихъ конгрессовъ, Павелъ Ѳедоровичъ былъ избранъ предсѣдателемъ.

Павелъ Ѳедоровичъ, жившій въ древнемъ бироновскомъ замкѣ, принялъ меня очень любезно. Я у него обѣдалъ, и мы много бесѣдовали съ нимъ объ его ученыхъ работахъ. Тогда только-что вышелъ въ свѣтъ первый томъ его соціологіи; извѣстный лифляндскій богословъ, и философъ бар. Этингенъ встрѣтилъ его сочиненіе довольно-

но рѣзкою критикою, и между ними по этому поводу завязалась оживленная полемика, послужившая обильнымъ матеріаломъ для нашихъ разговоровъ.

Затѣмъ онъ мнѣ показывалъ комнаты бироновскаго помѣщенія, заключавшія много интересныхъ историческихъ воспоминаній; въ нихъ между прочимъ сохранилась почти вся прежняя меблировка, какою она была при Курляндскихъ герцогахъ; между прочимъ, Лиліенфельдъ показывалъ мнѣ въ одной комнатѣ на стѣнѣ большой гобеленъ, шитый, кажется, самою курляндской герцогиней.

Я уже прежде встрѣчался съ Лиліенфельдомъ въ Петербургѣ, но послѣ этого проведеннаго у него дня въ интимныхъ разговорахъ, я еще болѣе съ нимъ сблизился. Нѣсколько времени спустя, когда Лиліенфельдъ, назначенный сенаторомъ, переселился на житье въ Петербургъ, наши сношенія съ нимъ сдѣлались совершенно интимными и продолжались до самой его смерти, тѣмъ болѣе, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ нашихъ экономическихъ собраніяхъ.

Это былъ человѣкъ замѣчательно благородный и прямой, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на свои ученыя заслуги, человѣкъ замѣчательно скромный, но преисполненный внутренняго достоинства.

По возвращеніи въ Ригу, я познакомился тамъ съ мѣстнымъ преосвященнымъ Филаретомъ, епископомъ рижскимъ и митавскимъ. Послѣ моего визита, онъ посѣтилъ меня въ гостиницѣ и пригласилъ къ себѣ на вечеръ. Преосвященный жилъ за городомъ въ Штиндзе, на монастырской дачѣ, окруженной большимъ, хотя и нѣсколько запущеннымъ паркомъ. Преосвященный говорилъ мнѣ, какое удовольствіе доставляютъ ему ежедневныя прогулки по парку. По принятому у насъ обычаю, преосвященные, въ виду важности сана [1]), въ городахъ не ходятъ пѣшкомъ по улицамъ, а разъѣзжаютъ только въ экипажѣ. Этотъ обычай очень стѣснялъ преосвященнаго Филарета, такъ какъ движеніе на воздухѣ составляло потребность для его здоровья, и вотъ почему лѣтнее пребываніе на дачѣ, съ ежедневными прогулками по парку, представляло для него истинное отдохновеніе.

За чашкою чая я провелъ у него цѣлый вечеръ, бесѣдуя о разныхъ религіозныхъ предметахъ. Между прочимъ у насъ зашелъ разговоръ объ аскетизмѣ. Я никогда не былъ особымъ поклонни-

---

[1]) а вѣроятно и потому, что имъ приходилось бы постоянно останавливаться, такъ какъ каждый изъ встрѣчныхъ обращался бы къ нимъ за благословленіемъ.

комъ аскетизма и отшельничества, такъ какъ ни Христосъ, ни апостолы не удалились совершенно отъ міра, отыскивая только временно одиночество для уединенной молитвы. Аскетизмъ и отшельничество вошли въ христіанскую жизнь подъ вліяніемъ египетскаго и индійскаго аскетизма. Въ отвѣтъ на эти мои слова, преосвященный высказалъ мнѣ замѣчательное воззрѣніе на аскетизмъ, которое я, вернувшись домой, немедленно занесъ въ мою записную книжку, а именно, онъ сказалъ мнѣ слѣдующее: „аскетичество есть духовное воспитаніе себя. Вотъ почему аскеты такъ снисходительны на исповѣди къ грѣхамъ другихъ, потому что они знаютъ—что значитъ воспитать себя".

Преосвященный Филаретъ произвелъ на меня вообще очень симпатичное впечатлѣніе—человѣкъ, державшій себя просто, не позирующій, очень умный и обладавшій очевидно глубокимъ познаніемъ человѣческаго сердца.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей (1806—1812) [1]).

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Усталые и измученные турки не долго выдерживали этотъ огонь и скоро отступили. Они всегда прибѣгаютъ къ этому средству, когда противникъ выказываетъ долгое сопротивленіе ихъ натиску. Первый моментъ нападенія ихъ дѣйствительно ужасенъ, но если съумѣютъ его выдержать, то они болѣе уже не опасны.

Ихъ лошади были до того утомлены, что они, несмотря на отрытый огонь, должны были двигаться только шагомъ, при томъ иные вынуждены были слѣзть съ своихъ лошадей и вести ихъ въ поводу.

Если бы, въ эту минуту, 15 эскадроновъ праваго фланга нашей кавалеріи начали бы атаку, успѣхъ былъ бы полный, но Войновъ, поведеніе котораго, въ этомъ сраженіи, представляется для меня совершенной загадкой, рѣшительно ничего не сдѣлалъ.

Гр. Мантейфель, Лисаневичъ, Дехтеревъ тоже оставались въ полномъ бездѣйствіи и, такимъ образомъ, пропустили удобный случай покрыть славой армію и себя.

Кутузовъ долженъ бы былъ лично прибыть сюда и руководить ходомъ сраженія, но для этого онъ слишкомъ старъ, тяжелъ и лѣнивъ.

Турки же преспокойно впрягли своихъ лошадей въ наши орудія и зарядные ящики, которые они сначала оставили на мѣстѣ, и увезли ихъ.

---

[1]) См. „Русская Старина“ іюль 1910 г.

Я все это видѣлъ, но ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ кавалерія была не подъ моимъ начальствомъ. Я могъ бы преслѣдовать турокъ только пѣхотою; я даже приказалъ перейти въ наступленіе, но нашъ противникъ, несмотря на утомленіе, удалялся все-таки настолько поспѣшно, что пѣхота не въ состояніи была догнать его.

Центръ турецкой арміи, какъ только опредѣлилось, что оба ихъ фланги обратились въ бѣгство, тотчасъ же послѣдовалъ ихъ примѣру, и непріятельская артиллерія удалялась съ возможною быстротой.

Если бы я могъ располагать хоть 5-ю эскадронами кавалеріи, я бы съумѣлъ овладѣть всей артиллеріей турокъ съ ихъ измученными лошадьми. Я попробовалъ употребить еще одно усиліе, чтобы повліять на нашихъ кавалеристовъ, но оно было такъ же безплодно, какъ и предыдущее.

Я положительно не могу объяснить себѣ поведеніе этихъ генераловъ! Безъ сомнѣнія и Дехтеревъ и гр. Мантейфель были одними изъ самыхъ храбрыхъ и мужественныхъ офицеровъ, они легко могли бы себя покрыть славою, но, тѣмъ не менѣе, они только обезчестили себя. Я утверждаю, что если бы наша кавалерія исполнила бы свой долгъ, мы отняли бы у турокъ всѣ ихъ 32 пушки (которыми впослѣдствіи завладѣли янычары, причинившіе имъ потери въ 500 или 600 чел.).

Въ этотъ день Войновъ совсѣмъ не выказалъ себя генераломъ, несмотря на свою храбрость, которая никогда не оставляла его; на этотъ разъ онъ совершенно потерялъ голову. Кутузовъ, со свойственными ему мѣткостью и умомъ, вѣрно замѣтилъ, что Войновъ скорѣе неутомимъ и безстрашенъ, какъ гренадеръ, и что онъ всегда спѣшитъ къ сражающемуся эскадрону, совершенно забывая въ то время о другихъ.

Кавалерія наша не только не бросалась преслѣдовать турокъ, но начала свое движеніе только тогда, когда я съ двумя линіями пѣхоты уже сдѣлалъ двѣ версты. Это меня страшно раздражало, и я внѣ себя отъ гнѣва какъ противъ кавалеріи, такъ и противъ ея начальника, не съумѣвшаго заставить ее двигаться.

Единственно, только полковникъ Уманецъ, Кинбургскій полкъ котораго былъ первымъ атакованъ и много потерпѣлъ отъ этого натиска турокъ, собралъ оставшихся людей и явился ко мнѣ на помощь, но было уже поздно [1]).

---

[1]) Въ сраженіи подъ Рущукомъ, я вторично вижу нашу кавалерію не слѣдующею за пѣхотой и потому пропускающей удобные случаи для атаки. Въ сраженіи при Мачинѣ (1791 г.) она поступила такъ же.

Въ трехъ верстахъ отъ поля сраженія мы увидѣли укрѣпленіе, какъ видно начатое только утромъ и уже оконченное въ продолженіе 5 часовъ. Укрѣпленіе это имѣло очень длинное очертаніе и вокругъ него шелъ ровъ, въ иныхъ мѣстахъ доведенный даже до порядочной глубины. Вѣроятно, турки, для сооруженія этого ретраншамента употребили огромное число мѣстныхъ жителей, которые, затѣмъ, скрылись вмѣстѣ съ янычарами, оставивъ на мѣстѣ всѣ свои инструменты, которыми мы и воспользовались во множествѣ.

Мы прошли около 5 верстъ, но турокъ все еще не было видно, несмотря на то, что мы были уже въ 4-хъ верстахъ отъ ихъ лагеря. Это привело насъ къ убѣжденію, что ихъ тамъ вовсе нѣтъ [1]).

Мы не ждали найти этотъ лагерь укрѣпленнымъ, но оказалось, что его укрѣпили только 5-ю редутами, построенными впереди фронта и расположенными въ видѣ квадратовъ.

Я не сомнѣвался въ томъ, что мы легко можемъ снести этотъ лагерь и, завладѣвъ орудіями (такъ какъ наша кавалерія подошла наконецъ къ намъ), окончательно довершить побѣду.

Но Кутузовъ судилъ совсѣмъ иначе и несмотря на всѣ мои старанія склонить его къ этому предпріятію, успѣхъ котораго такъ легко достижимъ, онъ остановилъ всѣ войска, а затѣмъ повернулъ назадъ и возвратился въ свой лагерь.

На всѣ мои доводы, онъ отвѣтилъ такъ: „Вы знаете, что наши люди не умѣютъ хорошо ходить въ атаку, а я, будучи отброшенъ съ перемѣшанными въ безпорядкѣ частями, легко могу понести полное пораженіе. Подумайте, вѣдь у меня только одна армія!“—Трудно было разсуждать болѣе односторонне, руководствуясь лишь излишней предосторожностью, болѣе чѣмъ неумѣстной. Настоящей же причиной его нерѣшительности, главнымъ образомъ, была его обычная трусливость, старость и тучность, всегда мѣшавшія ему въ подобныхъ случаяхъ. Онъ изнемогалъ отъ усталости и жары, хотя послѣдняя и дѣйствительно была невыносима; около 4-хъ часовъ дня, я нашелъ Кутузова лежащимъ на горячей землѣ, задыхающимся отъ жары. Онъ былъ не въ состояніи не только дѣйствовать, на даже и думать.

Мы ему сдѣлали изъ турецкихъ флаговъ маленькую палатку и когда онъ отдохнулъ и могъ говорить, онъ искренно и въ трогательныхъ выраженіяхъ поблагодарилъ пѣхотныхъ генераловъ, дѣйствительно заслужившихъ ее; тогда какъ кавалерійскіе генералы

---

[1]) И дѣйствительно въ лагерѣ никого не было.

не только не получили никакой благодарности, но даже были очень дурно приняты. Въ данномъ случаѣ Кутузовъ былъ совершенно правъ.

Въ 10 ч. вечера мы уже были въ своемъ лагерѣ.

Мы разбили всѣ планы турокъ, но къ сожалѣнію не только не завладѣли ихъ пушками, а даже потеряли одну свою, что̀ служило нѣкоторымъ помраченіемъ нашего успѣха.

Въ этомъ сраженіи русская пѣхота снова заслужила названіе „стѣны“, которое ей далъ прусскій король въ Семилѣтнюю войну.

Я былъ свидѣтелемъ, какъ мои каре выдержали 3 или 4 кавалерійскихъ атаки; какъ они, въ промежуткахъ между атаками, подвергались страшному огню; какъ люди, пораженные пулями или снарядами, падали, но прочіе стояли неподвижно. Артиллерія также ни въ чемъ не уступала пѣхотѣ.

Это сраженіе произвело большую сенсацію въ Европѣ, и газеты говорили о немъ съ большимъ энтузіазмомъ, чего впрочемъ оно не заслуживало по славѣ. Не знаю, кто мнѣ оказалъ дурную услугу, напечатавъ во французской газетѣ (Четвергъ, 5 дек. 1811 г.), что будто-бы это сраженіе выиграно только благодаря моимъ распоряженіямъ. Такъ какъ это сообщеніе было не совсѣмъ вѣрно, то оно меня очень опечалило. Въ этотъ день я исполнилъ только свой долгъ, и дѣйствительно я не смѣю ни въ чемъ себя упрекать, мнѣ удалось совершить то, чего мнѣ такъ хотѣлось, и чего бы я легко достигъ, имѣя при себѣ кавалерію.

Въ войнѣ съ турками, генералы, командующіе пѣхотою, заключенною въ каре, имѣютъ мало средствъ отличиться; тогда какъ кавалерійскіе генералы могутъ сдѣлать рѣшительно все, что только захотятъ. Но наши генералы, въ этомъ сраженіи, не захотѣли ничего дѣлать. Я могу смѣло сказать про себя, не боясь быть обвиненнымъ въ самохвальствѣ, что если бы я командовалъ арміей, побѣда была бы полная и, можетъ быть, этимъ сраженіемъ окончилась вся кампанія, такъ какъ я бы овладѣлъ всѣмъ лагеремъ и пушками турокъ, а черезъ 4 дня отправился бы въ Шумлу. Турки навѣрное бы испугались и разбѣжались, а великій визирь, уже черезъ 8 дней, не собралъ бы и половины своей арміи.

Мы потеряли 1.180 чел. Потери же турокъ равнялись 2.000 убитыхъ; особенно они пострадали отъ огня нашей артиллеріи, которая сильно поражала ихъ, когда они переходили черезъ наши каре.

Поведеніе нашей кавалеріи не осталось неизвѣстнымъ и въ Петербургѣ. Государь приказалъ Кутузову представить объ этомъ оффиціальный отчетъ и указать виновныхъ, но нашъ старый вождь возсталъ противъ этихъ строгихъ мѣръ. Хотя кавалеристы были

дѣйствительно виноваты, но ихъ прежнія заслуги и долговременныя службы говорили за нихъ, и потому Кутузовъ, на запросъ Государя, отвѣчалъ, что тѣ, которыхъ непредвидѣнныя обстоятельства сдѣлали виноватыми, уже достаточно наказаны лишеніемъ наградъ, которыхъ онъ просилъ для нихъ. Получивъ такой отвѣтъ, Государь не забылъ о немъ и, когда, черезъ 4 мѣсяца, Кутузовъ вновь представилъ за боевые подвиги 7-ой егерскій и Бѣлорусскій гусарскій полки, то Государь пожаловалъ егерямъ серебряныя трубы, а гусарамъ въ наградѣ отказалъ; при чемъ повелѣлъ передать Кутузову, что только новыя удачи гусаръ могутъ изгладить воспоминанія объ ихъ прежнемъ поведеніи [1]).

Государь также повелѣлъ запросить Кутузова, что правда ли, что многіе изъ рекрутовъ еще не получили обмундированія.

Такъ какъ рекруты были въ моемъ вѣдѣніи, то я смѣло отвѣчаю, что если хотятъ, чтобы они были одѣты, то обмундировальная комиссія должна была выслать вещи заранѣе, по крайней мѣрѣ въ іюнѣ, когда кампанія еще только началась. На этомъ дѣло и кончилось.

Всѣ эти мелкія подробности и пустяки были сообщены волонтерами. Адъютантъ Кутузова, гвардіи капитанъ Кайсаровъ, отвозившій въ Петербургъ донесеніе объ окончаніи сраженія, повезъ также съ собой и письма, но не прочиталъ ни одного изъ нихъ (какъ видно, Кутузовъ не обладалъ слабостью гр. Каменскаго), хотя военный министръ Барклай и предупреждалъ его, чтобы онъ относился съ большой осторожностью ко всему, что писали изъ арміи. Между этими письмами было письмо и Ланского, гдѣ онъ описывалъ разныя происшествія, не пощадивъ никого. Его письмо облетѣло весь Петербургъ и стало примѣромъ неосторожности и причиной многихъ сплетенъ.

Занятое нами расположеніе послѣ сраженія, потеря одной пушки и двухъ зарядныхъ ящиковъ дали возможность туркамъ составить реляцію въ свою пользу. Г-нъ де-ла-Туръ передалъ намъ секретъ Наполеоновскихъ бюллетеней, и вскорѣ мы увидѣли во всѣхъ фран-

---

[1]) Бѣлорусскій полкъ, дѣйствуя еще подъ начальствомъ Михельсона, пріобрѣлъ славную репутацію. Имъ командовалъ тогда генер. Павелъ Кутузовъ, а въ 1811 г. имъ командовалъ Ланской, извѣстный своимъ мужествомъ и военными доблестями; при немъ-то полкъ и потерялъ всю свою славу, хотя въ сраженіи подъ Рущукомъ самого Ланского и не было при полку; онъ тогда лежалъ больнымъ лихорадкой въ Журжевѣ. Быть можетъ, если бы онъ былъ со своимъ полкомъ, то и результатъ былъ бы совсѣмъ другой.

цузскихъ газетахъ извѣстія о томъ, что будто бы мы повсюду были разбиты и потеряли всю нашу артиллерію, что одинъ изъ нашихъ генераловъ былъ убитъ въ своей каретѣ, и что послѣ трехъ приступовъ Рущукъ былъ снесенъ и т. д... Когда, черезъ 4 мѣсяца, объ этомъ заговорили съ великимъ визиремъ, то онъ отвѣчалъ, что онъ не причастенъ ни къ одной изъ этихъ реляцій, а что они фабриковались въ Константинополѣ.

Реляція Кутузова была очень коротка и скромна для насъ, даже слишкомъ скромна, такъ какъ онъ тамъ говорилъ только о себѣ, не упомянувъ даже имени ни одного изъ генераловъ. Можно себѣ представить, какъ мы были этимъ шокированы. Онъ понялъ это, почувствовалъ свою ошибку и съ тѣхъ поръ измѣнилъ уже тонъ своихъ реляцій.

Онъ ужасно безпокоился, какъ примутъ въ Петербургѣ его реляцію; по убѣжденіямъ ли изъ-за политики, но реляція была принята прекрасно, и Кутузовъ получилъ портретъ Государя, и всѣ генералы (исключая кавалерійскихъ) и многіе изъ офицеровъ—награды, которыя, впрочемъ, были очень дурно распредѣлены и сдѣлали больше недовольныхъ, чѣмъ счастливыхъ.

Я получилъ золотую шпагу, украшенную брилліантами, но отказался отъ нея. Государь повысилъ въ чинъ генералъ-лейтенанта 9 генераловъ, бывшихъ моложе меня, изъ которыхъ только двое были надеждой арміи [1]), два даже ея стыдомъ [2]), а остальные служили меньше меня [3]). Государь, давно, еще въ Петербургѣ, обѣщалъ мнѣ дать, при первой возможности, чинъ генералъ-аншефа, и я написалъ ему, прося обѣщанный мнѣ чинъ, который я долженъ былъ получить еще два года назадъ.

Нѣсколько времени спустя, послѣ этого сраженія, одинъ турокъ, Мустафа-Ага, приближенный великаго визиря, обыкновенно исполнявшій всѣ его порученія, явился къ Кутузову, чтобы выразить извѣстный знакъ вѣжливости. Замѣтивъ, у Кутузова въ петлицѣ портретъ Императора и узнавъ, что онъ пожалованъ ему за Рущукское сраженіе, онъ, съ нескрываемой ироніей и очень ипокритическимъ тономъ произнесъ:... „я въ восторгѣ, такъ какъ нашъ великій визирь тоже получилъ брилліантовую эгретку за то же сраженіе“...

23 іюня мы чувствовали себя совершенно покойно, и Кутузовъ отдалъ приказаніе начать постройку укрѣпленія, которое пересѣ-

---

[1]) Барклай-де-Толли и князь Багратіонъ.
[2]) Графъ Сергѣй Каменскій и Милорадовичъ.
[3]) Платовъ, Дохтуровъ, Ламсдорфъ, гр. Николай Каменскій и друг.

кало бы какъ Черноводскую дорогу, такъ и равнину, по которой турки обошли нашъ лѣвый флангъ. 24 числа, въ 11 час. вечера, онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ генераловъ и передалъ мнѣ приказаніе, чтобы я, вмѣстѣ съ своимъ корпусомъ и кавалеріей, немедленно перешелъ бы Дунай, и генер. Эссену онъ приказалъ остаться временно въ Рущукѣ, вывезти всю артиллерію и продукты, а затѣмъ сжечь городъ и 26-го вечеромъ присоединиться ко мнѣ.

Все это было исполнено въ необыкновенномъ порядкѣ и въ точности, что̀ дѣлаетъ ген. Эссену большую честь.

Въ 2 часа ночи всѣ войска были уже на своихъ мѣстахъ, а 25-го, вечеромъ, вся артиллерія, несмотря на то, что было болѣе 150 пушекъ, была вывезена.

Несчастные болгарскіе жители Рущука и нѣкоторые валахскіе купцы никакъ не ожидали, чтобы мы покинули городъ; многіе изъ нихъ имѣли цѣнное имущество, богатые товары, и все это они должны были потерять. Такъ какъ они нигдѣ не могли достать себѣ повозокъ для перевозки вещей, то, несмотря на невыносимую жару, они сами, на своихъ спинахъ, перетаскивали все болѣе цѣнное изъ Рущука въ Журжево, а это составляло около 4 верстъ пути. Мы съ грустью смотрѣли на это печальное зрѣлище [1]).

Кутузовъ присутствовалъ лично при нашемъ переходѣ черезъ Дунай и все время выказывалъ ужасное волненіе и нетерпѣніе. Онъ до такой степени забылся, что позволилъ себѣ ударить шпагой одного офицера 29-го егерскаго полка. Къ счастью этотъ офицеръ былъ на дурномъ счету, но во всякомъ случаѣ поступокъ Кутузова остается такимъ же нетактичнымъ, чтобы не сказать болѣе [2]).

Наконецъ, 26 іюня, въ 8 ч. вечера, въ городѣ никого не осталось, кромѣ гарнизона. Подъ прикрытіемъ постовъ и при пушечныхъ выстрѣлахъ, возвѣщавшихъ наше отступленіе, всѣ войска корпуса Эссена перешли мостъ и построились въ боевомъ порядкѣ на лѣвомъ берегу Дуная.

---

[1]) Судьба этихъ несчастныхъ снова была поручена ст. сов. Коронели который такъ отлично устроилъ свои дѣла черезъ нихъ въ Болгаріи въ 1809 г. и въ Силистріи въ 1810 г. Гр. Каменскій, врагъ всѣхъ этихъ грабежей, выгналъ его, а Кутузовъ снова его принялъ. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ людей его, дворъ котораго состоялъ изъ подобныхъ личностей.

[2]) Подъ большимъ секретомъ Кутузовъ, черезъ нѣсколько времени, просилъ меня отправить этого офицера въ Рущукъ. Я не понималъ причины и не могъ исполнить его желанія, такъ какъ такого офицера не нашлось среди сражавшихся.

Валы Рущука вовсе не были разрушены, потому что нужно было употребить, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ, чтобы ихъ уничтожить, а то, что было тамъ испорчено, въ очень короткое время возстановлено было турками. Земляные валы, по своей давности постройки, стали такъ тверды, какъ будто сдѣланы изъ камня.

Городъ долженъ былъ быть подожженъ со всѣхъ сторонъ только тогда, когда уже всѣ войска будутъ выведены. Порученіе это было возложено на ген. Гартинга, но этотъ бѣдный генералъ, которому, кажется, всегда суждено быть неловкимъ и несчастливымъ во всякомъ дѣлѣ, за которое онъ принимался, и здѣсь поступилъ неудачно. Вслѣдствіе его неточныхъ распоряженій, огонь сталъ распространяться раньше, чѣмъ войска начали выступленіе, такъ что 7-ой егерскій полкъ, который выступалъ послѣднимъ, проходилъ по улицамъ среди пылающихъ домовъ. Не удался ему также и взрывъ миной цитадели. Городъ сгорѣлъ почти совсѣмъ до тла, и мы были свидѣтелями этого зрѣлища, чуднаго и ужаснаго въ одно и то же время. Дунай отражалъ въ своихъ водахъ пламя пожара, свѣтъ котораго былъ сильнѣе свѣта луны, бывшей тогда во второй фазѣ.

Ген. Эссенъ пробылъ въ городѣ, пока всѣ оттуда не вышли, и самъ ушелъ послѣднимъ. Какъ только онъ перешелъ мостъ, въ одну минуту подняли, всѣ якоря, и мостъ теченіемъ стало относить на нашу сторону.

И такъ, проникнувъ съ войсками почти до самыхъ Балканъ, мы вдругъ покинули правый берегъ Дуная, и теперь, больше чѣмъ когда-нибудь, миръ казался намъ дѣломъ далекаго будущаго.

Это отступленіе отъ Рущука многіе сильно критиковали; мы даже читали во французскихъ газетахъ длинныя разсужденія по этому событію, гдѣ Кутузова не очень щадили. Но я далеко не раздѣляю этого мнѣнія. Кутузовъ поступилъ очень умно, покинувъ Рущукъ; во-первыхъ, эта крѣпость, какъ я уже замѣтилъ, не вмѣститъ всю ту массу пѣхоты, которая была съ нами, а во-вторыхъ, если бы мы даже тамъ какъ-нибудь и размѣстились, то при нападеніи турокъ (что дѣйствительно они намѣревались сдѣлать), мы слишкомъ мало имѣли средствъ къ оборонѣ. Если бы мы начали отступленіе тогда, то это дало бы имъ возможность окружить Рущукъ и Журжево, и мы могли бы потерять путь отступленія. Единственная вина Кутузова состоитъ въ томъ, что онъ не успѣлъ воспользоваться уничтоженіемъ турокъ послѣ Рущукскаго сраженія. Преслѣдуя ихъ безостановочно, онъ могъ бы дойти до Шумлы и тамъ уже совершенно разсѣять ихъ; тогда бы окончилась война, и были бы разрушены всѣ турецкія укрѣпленія, построенныя великимъ визиремъ. Тогда бы и дефиле у Пизанцы не были бы для насъ препятствіемъ,

такъ какъ ихъ некому было бы защищать. Кутузовъ долженъ былъ знать, что такое турецкая армія, когда она побита или ожидаетъ этого.

Сначала мы думали, что при оставленіи Рущука, Кутузовъ руководился только указаніями Двора, но затѣмъ мы узнали, что такое умное распоряженіе было отдано имъ самимъ и что онъ сильно волновался, не зная, какъ будетъ принято въ Петербургѣ извѣстіе о его дѣйствіяхъ.

Послѣ нашего отступленія отъ Рущука, Кутузовъ послалъ въ Слободзею генер. Войнова съ Бѣлорусскимъ и 39 егерскимъ полками; Олонецкій полкъ возвратился въ Турно, а остальная армія расположилась лагеремъ на лѣвомъ берегу Дуная; при чемъ, лѣвый флангъ занялъ прежнія Слободзейскія укрѣпленія, что около Журжева, а правый около самой деревни. Главная квартира размѣстилась въ Журжево.

Великій визирь, собравъ сколько могъ войскъ, подошелъ къ Рущуку, занялъ его и расположился около города; палатку его разбили въ Маріатинской равнинѣ.

Кутузовъ, зная энергію и предпріимчивость визиря, не сомнѣвался въ томъ, что послѣдній непремѣнно захочетъ попробовать перейти Дунай, но, также какъ и мы всѣ, онъ предполагалъ, что мѣсто для переправы будетъ выбрано около Виддина или около Ольты и Жіи, но никто не ожидалъ, что все это произойдетъ передъ самыми нашими глазами.

Предположеніе Кутузова еще болѣе подтвердилось, когда онъ узналъ, что Измаилъ-Бей съ 15.000 (часть которыхъ была изъ арміи великаго визиря) дѣствительно перешелъ Дунай у Виддина. Тогда онъ отправилъ въ Валахію Шлиссельбургскій полкъ, Выборгскій и 5 эскадроновъ Чугуевскихъ уланъ, подъ командою Бенкендорфа. Къ этимъ силамъ онъ присоединилъ казаковъ Кутейникова полка, вызванныхъ изъ Бессарабіи.

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ мы оставались въ полномъ бездѣйствіи. Корпуса Эссена и мой составляли, такъ называемыя, главныя силы, въ которыхъ вооруженныхъ не было и 15 тысячъ чел.

Сначала предполагали, что корпусъ Эссена перейдетъ въ Турно, а конница займетъ Ольту, но великій визирь предупредилъ насъ и занялъ эти мѣста. Кутузовъ же, не желая ослаблять себя новыми стычками, перемѣнилъ дислокацію и послалъ Эссена въ Слободзею, на мѣсто Войнова. За послѣднее время, Войновъ сталъ хворать лихорадкою, и хотя эта болѣзнь, сама по себѣ, совсѣмъ не тяжелая, онъ уже давно рѣшилъ оставить службу.

Вызовъ его изъ Краіова еще болѣе утвердилъ его въ этомъ рѣ-

шеніи. Онъ попросилъ перевода въ Яссы и тамъ подалъ въ отставку, которая и была ему дана, къ большому сожалѣнію всей арміи, любившей его за энергію, дѣятельность, доброту и честность.

Съ назначеніемъ Эссена вмѣсто Войнова, корпусъ Эссена былъ порученъ генер. Булатову, но въ уменьшенномъ, на 5 эскадроновъ и на 5 баталіоновъ, составѣ.

Флотилію расположили за 4 версты отъ Журжева, и казаковъ Грекова и Астахова помѣстили бивакомъ, на возвышенностяхъ, передъ Маріатинской равниной, влѣво отъ Журжева.

Тѣмъ не менѣе, Гамидъ-Ефенди все время велъ въ Бухарестѣ съ Италинскимъ переговоры о мирѣ, но такъ какъ мы не сходились на первомъ же пунктѣ, т. е. о границахъ (турки хотѣли, чтобы границей былъ Днѣстръ, а мы—Дунай, въ чемъ огромная разница), то Кутузовъ, къ своему крайнему сожалѣнію, долженъ былъ заставить прекратить эти переговоры, и Гамидъ-Ефенди возвратился въ лагерь великаго визиря.

Время двухмѣсячнаго нашего бездѣйствія было для насъ невыгодно, такъ какъ мы страдали отъ ужасной жары. Я не припомню въ Молдавіи подобнаго лѣта, оно мнѣ скорѣе напоминало климатъ въ С.-Донато, но тѣмъ не менѣе, сравнительно съ другими годами, въ этомъ году у насъ было мало больныхъ. Причиной такого благополучія вѣроятно было хорошее продовольствіе солдатъ, тщательный за ними надзоръ, а главное—ихъ не утомляли строевыми занятіями (что сильно опечалило ближайшее начальство). Благодаря этимъ заботамъ, вся армія провела въ Валахіи рѣдко счастливое лѣто, оцѣнивъ заботы Кутузова, она еще сильнѣе привязалась къ нему.

Нашъ главнокомандующій и великій визирь посылали другъ другу подарки, въ видѣ плодовъ и проч. Отъ визиря ихъ приносилъ къ намъ его довѣренный и приближенный Мустафа-Ага, а съ нашей стороны это посольство исполнялъ молодой Антонъ Фонтонъ. Въ одно изъ посѣщеній его лагеря великаго визиря, онъ имѣлъ съ нимъ очень интересный и необыкновенный разговоръ, который я не могу не занести на эти страницы.

Когда Фонтонъ явился къ намъ, чтобы разсказать свою бесѣду съ визиремъ, я, несмотря на все мое къ нему довѣріе, не могъ не усумниться въ истинѣ разсказываемаго, но черезъ 3 мѣсяца, самъ визирь, передавая мнѣ это происшествіе, почти повторилъ слова Фонтона. Привожу весь ихъ разговоръ дословно.

Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о политикѣ, великій визирь обратился къ Фонтону со слѣдующими словами: „Передайте генералу

Кутузову, что я уже давно [1]) чувствую, насколько сильно я его люблю и уважаю; такъ же какъ и я, онъ честный человѣкъ, и мы оба хотимъ блага для нашей родины, но наши повелители еще молоды и наше дѣло руководить ихъ интересами. Давно пора покончить эту раззорительную войну, которая оба государства ведетъ къ паденію. Всякая наша потеря невыразимо радуетъ нашего общаго врага и врага всего человѣчества, ужаснаго Наполеона, потому что это обѣщаетъ ему болѣе легкую побѣду. Придетъ и до насъ очередь бороться съ нимъ, но начнетъ онъ съ васъ; развѣ вы это не чувствуете? Кутузовъ это отлично знаетъ, но въ Петербургѣ у васъ есть врагъ болѣе злѣйшій, чѣмъ Латуръ-Мабуръ въ Константинополѣ, это вашъ Румянцевъ, который обманываетъ своего повелителя и измѣняетъ своей родинѣ [2]). Неужели онъ думаетъ, или хочетъ думать, что французы интересуются вами? Я вамъ сейчасъ покажу послѣднюю телеграмму, полученную мною отъ Латуръ-Мабура, гдѣ онъ совѣтуетъ мнѣ не заключать мира и увѣряетъ, что правый берегъ Днѣстра и Крымъ будутъ нашей границей".

За этой депешей онъ обратился къ Раю-Габель-Эфенди, который, вѣроятно, былъ очень пораженъ такой нескромностью визиря и, сдѣлавъ дипломатическую гримассу, которая, навѣрно, ни одному изъ министровъ такъ хорошо не удавалась, отвѣчалъ, что онъ отослалъ эту депешу въ Константинополь.

„Очень сожалѣю,—прибавилъ великій визирь,—что ея нѣтъ при мнѣ, а то бы я вамъ доказалъ, что все, что я говорилъ—истинная правда. Теперь же передайте Кутузову, что я перейду Дунай, опустошу всю Валахію [3]), хотя мнѣ и очень жаль ея несчастныхъ жителей; я не буду останавливаться у крѣпостей, но длинными переходами и недостаткомъ продовольствія доведу васъ до утомленія и погублю всю вашу армію. Не правда ли, что ужъ лучше заключить миръ. Удовлетворитесь малымъ, и тогда мы можемъ быть союзниками. Это единственное средство спастись намъ обоимъ. Все равно, Дунай никогда не будетъ вашимъ, лучше мы будемъ воевать 10 лѣтъ, чѣмъ уступить его. Передайте все это Кутузову, моему другу, и не забудьте также ему сказать, что отъ насъ зависитъ счастье и безопасность двухъ государствъ".

---

[1]) Когда Кутузовъ былъ въ Константинольскомъ посольствѣ, то Ахметъ часто сопровождалъ его въ прогулкахъ.

[2]) Хотя это и не правда, но этому легко можно вѣрить.

[3]) Тогда можно было смотрѣть на эту угрозу, какъ на фанфаронство, достойное только береговъ Гаронны, но, тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлалъ все такъ, какъ говорилъ.

Трудно говорить съ большимъ умомъ, ловкостью и прямотою. Кутузовъ, выслушавъ разсказъ Фонтона, который передавалъ его при мнѣ, воскликнулъ: „Гдѣ, чортъ возьми, этотъ Лазскій пиратъ, неумѣющій писать, научился всему этому?“ Дѣйствительно, это было очень странно, такъ какъ многіе изъ самыхъ цивилизованныхъ министровъ этой страны не настолько образованы. Кутузовъ, человѣкъ умный и умѣющій предвидѣть всѣ событія, очень желалъ мира; онъ прекрасно понималъ, что граница Дуная, которую Румянцевъ непремѣнно хотѣлъ сдѣлать нашей, являлась для насъ непреодолимымъ препятствіемъ и, въ тѣхъ же обстоятельствахъ, въ какихъ мы находились тогда, это желаніе было положительной химерой. Кутузовъ не могъ противиться желаніямъ Румянцева, такъ какъ былъ увѣренъ, что послѣдній дѣйствуетъ въ силу приказаній Государя, но онъ ошибался. Для такого человѣка, какъ Кутузова, куртизана и боявшагося сдѣлать что-либо, могущее не понравиться Двору, эта увѣренность имѣла сильное вліяніе на все его поведеніе. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки донесъ Государю весь разговоръ великаго визиря съ Фонтономъ, выпустилъ только все, что касалось Румянцева. Онъ самъ мнѣ сказалъ объ этомъ; при чемъ добавилъ, что въ письмѣ этомъ онъ не выразилъ своего взгляда и мнѣнія. Тогда я признался ему, что я написалъ письмо полковнику Воейкову (которое онъ, вѣроятно, показалъ военному министру), гдѣ я говорилъ, что Бессарабія и часть Молдавіи для насъ необходимы и вполнѣ могутъ насъ удовлетворить и что турки, вѣроятно, согласятся уступить намъ ихъ, я прибавилъ, что я зналъ, что герцогъ Ришелье, бывшій въ перепискѣ съ Государемъ, писалъ ему уже объ этомъ. Сначала я опасался, чтобы Кутузовъ не разсердился за это сообщеніе, но вышло наоборотъ, онъ былъ въ восторгѣ; у него самого не хватило бы характера и энергіи на подобный шагъ, но, узнавъ, что этотъ щекотливый вопросъ уже затронутъ, онъ, не колеблясь, повелъ дѣло въ томъ же направленіи и собственноручно написалъ письмо военному министру.

Такъ какъ визирь выставилъ гораздо больше силъ и выказалъ больше энергіи, чѣмъ мы могли отъ него ожидать, то Кутузовъ принялъ разумныя предосторожности, чтобы быть въ состояніи отразить нападеніе непріятеля. Онъ испросилъ у Государя разрѣшенія передвинуть къ себѣ 9-ю и 15-ю дивизіи, первую подъ начальствомъ Ермолова, а вторую—Маркова, а также бывшій на Днѣстрѣ 6-й казачій полкъ отважнаго Сысоева.

Ходатайство Кутузова было удовлетворено, и онъ получилъ разрѣшеніе располагать этими войсками, если въ томъ явится надобность.

Видя, что нечего опасаться за свой лѣвый флангъ, и зная, что визирь не собирается проникнуть въ Бессарабію и что онъ никого не оставилъ въ Силистріи, Кутузовъ приказалъ отряду ген. Денисова подойти изъ с. Табакъ къ Слободзеѣ, гдѣ тогда находился Эссенъ. Всѣ мѣры, которыя принялъ Кутузовъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, дѣлаютъ ему большую честь; онъ такъ осторожно и обдуманно велъ дѣло и дѣйствовалъ такъ хорошо, что у него все было готово во-время.

Но увѣренность Кутузова, что турки никогда не посмѣютъ, въ его присутствіи, перейти Дунай, заставила его упустить нѣкоторыя предосторожности, соблюдать которыя было необходимо.

Я уже говорилъ, что Кутузовъ довольно хорошо организовалъ шпіонство, но у насъ былъ еще вѣрнѣе способъ узнавать, что дѣлалось въ лагерѣ визиря — это посылать туда своихъ людей съ приказаніемъ захватывать ихъ пикеты. 7 разъ мы предпринимали это и каждый разъ оно кончалось полнымъ успѣхомъ. Казаки Грекова производили эти нападенія съ необыкновенной смѣлостью и отвагой. Дѣлалось это такъ: въ три маленькія лодочки садились 10 казаковъ со своими лошадьми; ночью они переплывали Дунай и входили въ турецкій лагерь. Послѣ каждаго такого нападенія, они приводили намъ двухъ-трехъ турокъ. Нѣсколько разъ наши казаки производили даже безпокойство въ непріятельскомъ лагерѣ, и мы слышали стрѣльбу, продолжавшуюся очень долго, тогда какъ казаки съ плѣнниками были уже дома.

Всѣ эти набѣги поручались уряднику Увалову, который, въ награду за свою службу, получилъ офицерскій чинъ и орденъ Св. Анны 4-ой степени.

Во время нашего бездѣйствія, подъ предлогомъ повидать своихъ старыхъ товарищей, пріѣхалъ въ армію, изъ Царства Польскаго, ген. Уваровъ и прожилъ у насъ цѣлую недѣлю. Мы никакъ не могли понять настоящей цѣли его пріѣзда, но подозрѣвали, что онъ былъ секретно посланъ Государемъ, чтобы разузнать о недостойномъ поведеніи нашей кавалеріи въ дѣлѣ подъ Рущукомъ, такъ какъ онъ часто возвращался къ вопросу объ этомъ дѣлѣ.

Сраженіе при Слободзеѣ.

Спустя нѣкоторое время, въ Бухарестѣ начали сильно говорить о переходѣ турками Дуная. Въ этомъ городѣ всѣ знали о намѣреніяхъ турокъ, но, въ свою очередь, старались всегда во-время предупредить и турокъ о нашихъ преднамѣреніяхъ.

Зассъ также сообщилъ, что объ этомъ идутъ дѣятельные разговоры и въ Виддинѣ; но, тѣмъ не менѣе, этотъ переходъ казался немыслимымъ вслѣдствіе недостатка у визиря средствъ для исполненія этого намѣренія. У него было только 2 или 3 большихъ судна и 10 маленькихъ лодокъ, которыя онъ соорудилъ у насъ передъ глазами, на р. Ломъ. Мы должны бы уничтожить или захватить эти суда, но сдѣлать это пренебрегли, такъ какъ были твердо увѣрены, что визирь, будучи такъ близко отъ насъ, не посмѣетъ на что-либо рѣшиться безъ того, чтобы у насъ не приняли бы всѣхъ мѣръ предосторожности. Если бы наша флотилія, скрытая за островами Дуная, была бы размѣщена выше нашего лагеря, то, двигаясь по теченію, она, при первомъ же извѣстіи о намѣреніи турокъ перейти Дунай, могла бы помѣшать исполненію ихъ плана.

Если бы мы построили 3 или 4 редута въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берегъ болѣе удобенъ для высадки, и если бы у насъ было побольше казачьихъ постовъ, я не сомнѣваюсь, что тогда мы бы избѣгли того стыда и опасности, которые были послѣдствіемъ нашей безпечности. Но въ этихъ безпорядкахъ я никакъ не могу винить одного Кутузова, такъ какъ мы всѣ, въ данномъ случаѣ, виноваты. Самъя такъ мало ожидалъ какихъ-либо военныхъ дѣйствій и такъ былъ увѣренъ въ скоромъ окончаніи кампаніи, что уже занялся вопросомъ о зимнихъ квартирахъ, на которыя я долженъ перебраться 1-го октября.

Хотя мы, съ своей стороны, сдѣлали все, чтобы облегчить визирю переходъ черезъ Дунай, но надо отдать справедливость, что всѣ его распоряженія и приготовленія были такъ обдуманны и разсчитаны, что я смѣло могу сказать, что это было одно изъ самыхъ блестящихъ дѣйствій турокъ, которыя мнѣ когда-либо приходилось видѣть. Если бы этотъ смѣлый и энергичный мусульманинъ воспользовался своими первыми успѣхами и если бы онъ начальствовалъ надъ дисциплинированнымъ войскомъ, то онъ заставилъ бы насъ удалиться отъ Дуная и могъ бы войти въ Валахію.

Лѣвый берегъ Дуная вообще низокъ, а правый, напротивъ, высокъ, особенно вправо отъ Рущука, къ западу. Въ пяти верстахъ отъ Журжева и въ одной верстѣ отъ Дуная находится небольшая возвышенность, на которой расположена деревня Слободзея. Возвышенность, удлиняясь отъ Дуная, тянется вправо и въ пяти верстахъ отъ Слободзеи упирается въ д. Милке, около которой протекаетъ ручей того же имени, впадающій въ Дунай. Между этимъ ручьемъ, Дунаемъ и возвышенностью тянется болотистая поляна, часто затопляемая, окраина которой покрыта лѣскомъ и мелкимъ кустарникомъ. Въ этомъ мѣстѣ Дунай очень узокъ и по срединѣ

рѣки лежитъ островокъ, такъ что для перехода рѣки нѣтъ болѣе удобнаго мѣста, а его-то мы и пренебрегли укрѣпить.

Вотъ на этой-то полянѣ, весной совершенно затопленной, а тогда сухой и твердой, произошли интереснѣйшія событія этой кампаніи. Въ ночь съ 27-го на 28-е августа визирь отправилъ нѣсколькихъ кирджаліевъ (разбойники, пропавшіе люди) на лѣвый берегъ Дуная, въ четырехъ верстахъ отъ нашего праваго фланга лагеря и въ одной или двухъ верстахъ отъ редута, который мы построили передъ р. Ломъ. Казаки, находившіеся на аванпостахъ, увидѣвъ высаживавшихся турокъ, оставили свои посты и поскакали къ мѣсту высадки. Полковникъ Васильчиковъ, завѣдывавшій въ этотъ день аванпостами, захвативъ съ собой резервъ, поспѣшилъ къ указанному казаками мѣсту, а за нимъ спѣшно двинулся со Старо-ингерманландскимъ полкомъ и генералъ Сабанѣевъ. Я тоже бѣгомъ поспѣшилъ туда, но дѣло было уже окончено. Наши выгнали этихъ 300 человѣкъ, посланныхъ съ цѣлью только привлечь наше вниманіе и погибнуть тутъ же. Многіе изъ нихъ были убиты, а остальные успѣли вскочить въ лодки и спастись. У насъ тоже было пять человѣкъ убито и ранено, изъ нихъ особенно сильно былъ раненъ маіоръ Архангелогородскаго полка Риманъ.

Предполагали, что этимъ все и кончится, но около пяти часовъ утра, когда наши казаки снова хотѣли занять свои посты, они застали тамъ турокъ, преспокойно расположившихся на лѣвомъ берегу.

Въ двухъ верстахъ выше того мѣста, гдѣ была ихъ первая высадка, находился старый, полуразвалившійся редутъ, построенный въ прошломъ году Зассомъ, для защиты праваго фланга корпуса, участвовавшаго въ блокадѣ Журжева. Великому визирю удалось въ эту ночь перевезти на своихъ трехъ большихъ судахъ и шести маленькихъ лодкахъ 4—5 тысячъ янычаръ, которые, будучи увѣрены, что они обречены на погибель, стали противиться его приказанію, но тогда визирь велѣлъ силою усадить ихъ въ лодки съ помощью страшныхъ угрозъ и даже побоевъ отправилъ ихъ. Переправившись на лѣвый берегъ, янычары сейчасъ же приступили къ приведенію стараго редута въ оборонительное положеніе.

Кутузовъ, узнавъ, что около его лагеря находятся турки, отправилъ на рекогносцировку Булатова съ пятью баталіонами войскъ, уже утомленныхъ ночной тревогой. Люди эти были мало способны на что-либо серьезное, и это была большая ошибка со стороны Кутузова. Въ этомъ случаѣ онъ отступилъ отъ своихъ разсудительныхъ правилъ, о которыхъ Фолордъ въ своихъ запискахъ пишетъ: „Я ничего не считаю такимъ труднымъ, какъ переходъ черезъ

большія рѣки, будь то исполнено хитростью или силою, особенно когда имѣютъ дѣло съ врагомъ неусыпно бдительнымъ; но, тѣмъ не менѣе, ихъ переходятъ, и рѣдко случается, чтобы эти предпріятія не удавались".

Мы не были особенно бдительны, и великому визирю легче удалось провести насъ.

Мнѣ кажется, что въ этихъ случаяхъ нужно непремѣнно принимать одну предосторожность, которая, по-моему, должна дать превосходные результаты. Необходимо имѣть въ разныхъ мѣстахъ небольшія, легкія лодочки, въ которыхъ можно было бы незамѣтно переправиться на другую сторону и узнать, что дѣлается у непріятеля. Еще лучше разставлять небольшіе отряды, въ 200—300 человѣкъ, на близкомъ одинъ отъ другого разстояніи. Эти маленькіе отряды должны имѣть постоянныя между собою сношенія и, при помощи сигналовъ, быстро соединяться къ мѣсту непріятельской высадки. Если непріятель высаживается въ нѣсколькихъ мѣстахъ, то никогда не надо высылать противъ него слабыя силы, такъ какъ онѣ однѣ ничего не могутъ сдѣлать непріятелю, сами же рискуютъ быть разбитыми. Въ этихъ случаяхъ, когда успѣхъ для насъ такъ важенъ и необходимъ, надо атаковать непріятеля своими лучшими войсками и непремѣнно значительными силами. Въ данномъ случаѣ, мы, имѣя главныя силы собранными, посылали полки одинъ за другимъ и всѣ они были разбиты.

Я находился въ это время въ Журжевѣ у Кутузова, который былъ недоволенъ, что я участвовалъ въ первомъ ночномъ дѣлѣ и приказалъ мнѣ остаться съ нимъ. Мнѣ показалось, что ему хотѣлось, чтобы героемъ этого сраженія былъ Булатовъ, которому онъ очень протежировалъ и хотѣлъ его произвести въ генералъ-лейтенанты. Я вполнѣ раздѣлялъ его желаніе, но мнѣ казалось, что онъ не долженъ былъ скрывать это отъ меня и лишать мой корпусъ возможности поддержать Булатова. Самъ же я могъ остаться при немъ.

Генералъ Булатовъ, человѣкъ смѣлый и предпріимчивый, видя, что мы потеряли слишкомъ много времени и что теперь для насъ каждая минута дорога, отдалъ приказаніе атаковать непріятельскій редутъ тремя колоннами: съ праваго фланга — 37-мъ егерскимъ полкомъ и Архангелогородскимъ, въ центрѣ — Староингерманландскимъ полкомъ и съ лѣваго фланга — Старооскольскимъ полкомъ. Атака производилась фронтальная; но если бы они знали получше мѣстность и изучили бы начертаніе укрѣпленій, которыя во многихъ мѣстахъ были начаты, но не были доведены до Дуная, то они увидѣли бы, что ихъ можно было обойти съ фланга, вдоль Дуная.

Этотъ ретраншаментъ былъ построенъ на небольшой, довольно длинной, но узкой возвышенности и подойти къ нему очень трудно, такъ какъ лѣсъ и мелкіе кусты, покрывавшіе эту мѣстность, разстроили весь порядокъ наступленія нашихъ колоннъ и помѣшали имъ прибыть одновременно.

Булатовъ, вслѣдствіе ли своей поспѣшности или оплошности, не измѣнилъ диспозиціи, и полки, построившись въ карэ, начали атаку, потащивъ за собой, между кустарниковъ, и свои пушки.

Полковникъ Шкайскій добрался до лѣваго фланга по гребню ретраншаментовъ, которые онъ легко могъ бы снести, если бы за нимъ слѣдовала центральная колонна, но подполковникъ Жабокрицкій, командовавшій Староингерманландскимъ полкомъ, былъ убитъ ударомъ сабли, и его полкъ, считавшійся однимъ изъ очень хорошихъ, отступилъ, потерявъ одно знамя.

Турки, преслѣдуя ихъ, выскочили изъ своихъ укрѣпленій и зашли во флангъ другимъ колоннамъ. Во время этого нападенія особенно пострадалъ Старооскольскій полкъ: у него была отнята пушка, которой они совсѣмъ не должны были брать съ собой; 3 или 4 офицера полка были опасно ранены.

Въ это время, предпріимчивый Шкайскій, пробираясь по гребню укрѣпленій, продолжалъ свое наступленіе, и Булатовъ, видя это, приказалъ только-что прибывшему 7-му егерскому полку поддержать Шкайскаго и начать новую атаку. Но атака не удалась, а командиръ полка Лаптевъ былъ сильно раненъ. Тогда Булатовъ задумалъ предпринять въ третій разъ атаку, но на ея успѣхъ никакъ нельзя было разсчитывать, такъ какъ наши люди были уже сильно утомлены и не обладали уже той энергіей для нападенія, каковой одушевлены были турки для обороны себя.

Послѣ этихъ трехъ неудачныхъ атакъ, Булатовъ, подкрѣпленный всѣми моими войсками, отдалъ приказаніе егерямъ засѣсть въ лѣсъ, находившійся въ 50 шагахъ отъ непріятельскаго укрѣпленія; затѣмъ, по берегу Дуная расположилъ батареи, которыя анфинировали турокъ и заставили ихъ понести большія потери, и, наконецъ, остальныя войска поставилъ фронтомъ и открылъ огонь.

Отъ безконечнаго огня 25 орудій, большого калибра, которыя визирь успѣлъ поставить на возвышенностяхъ лѣваго берега Дуная и изъ которыхъ стрѣляли въ продолженіе 10 часовъ, наши войска тоже сильно пострадали.

Ахметъ, слѣдуя своему обѣщанію, отослалъ всѣ лодки на правый берегъ и этимъ отнялъ всякую надежду на возможность возврата или бѣгства, чѣмъ и возбудилъ нѣкоторое мужество своихъ войскъ; нѣсколько янычаръ, взятыхъ нами въ плѣнъ, имѣли непрости-

тельную неосторожность выразить неудовольствіе противъ визиря, сильно осуждая его за то, что, будто условясь съ нами, онъ нарочно хочетъ всѣхъ ихъ погубить[1]).

Между тѣмъ, нашей артиллеріи удалось взорвать два турецкихъ зарядныхъ ящика, и взрывъ этотъ произвелъ такое ужасное разрушеніе, что начальникъ турецкаго отряда Эдинъ-паша, опасно раненый, рѣшился бѣжать и на единственной лодкѣ, оставшейся у лѣваго берега, переплылъ Дунай на другую сторону.

Въ этотъ день погибло до 1.500 турокъ, изъ которыхъ часть были убиты нами, а остальные, въ началѣ дѣла, кинулись въ рѣку и потонули. Нѣкоторые пробовали переплыть Дунай на фашинахъ, но наша артиллерія тщательно оберегала берегъ, не допуская ихъ къ рѣкѣ, даже за водой. Положеніе турокъ было дотого безвыходно, что прибывшій изъ Петрикъ, съ пятью казачьими полками, полковникъ Сысоевъ самъ послалъ имъ предложеніе о сдачѣ. На это они отвѣчали, что они явились сюда, чтобы побить насъ, а не для того, чтобы складывать оружіе. Эта тирада не улучшила ихъ положенія, и они не могли избѣгнуть той судьбы, которая ихъ ожидала вслѣдствіе ихъ необдуманныхъ и слишкомъ смѣлыхъ дѣйствій.

Если бы мы остались на тѣхъ же мѣстахъ еще 24 часа, занявши лѣсъ стрѣлками и выстроивъ на флангахъ сильныя батареи, для защиты береговъ Дуная отъ новаго дессанта и не допуская ни одной лодки переплыть его,—можно не сомнѣваться, на слѣдующій день всѣ турки сдались бы. Такого мнѣнія держались Сабанѣевъ и я, а съ нами соглашались всѣ артиллерійскіе офицеры (Леонтовичъ, Шереметевъ, Спличъ и др.), поведеніе которыхъ въ этомъ дѣлѣ выше всякой похвалы.

Но меня удивило, что Булатовъ не былъ одного мнѣнія съ

---

[1]) Я уже говорилъ, что визирь Ахметъ, какъ и султанъ, были величайшими врагами янычаръ. Самъ повелитель уже нѣсколько разъ подвергалъ ихъ наказанію и отобралъ все имущество у большинства этой мятежной милиціи. Поэтому въ Константинополѣ всегда можно было ожидать кровавой революціи.

Одинъ изъ янычарскихъ начальниковъ Лагеръ-Агасси былъ убитъ нами въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ мы оказали великому визирю и султану неоцѣненную услугу, такъ какъ уничтожили одного изъ самыхъ буйныхъ мятежниковъ и убійцъ.

1827 г. Революція дѣйствительно произошла, но не тамъ, гдѣ я предполагалъ. Теперь янычары больше не существуютъ. Султанъ отдалъ приказъ ихъ всѣхъ уничтожить.

нами; это тѣмъ болѣе странно, что онъ всегда былъ скорѣе склоненъ на слишкомъ смѣлыя предпріятія.

Въ 5 ч. вечера онъ прибылъ къ Кутузову и передалъ ему свои опасенія потерять слишкомъ много людей. Дѣйствительно, огонь батарей съ турецкой стороны Дуная и перестрѣлки въ лѣсу стоили намъ очень дорого. Но теперь, когда успѣхъ былъ такъ обезпеченъ, было не время жалѣть нѣсколько людей. Кутузовъ долженъ былъ бы самъ осмотрѣть мѣстоположеніе, которое находилось отъ него всего въ двухъ верстахъ. Но онъ былъ слишкомъ утомленъ, плохо выспался, наконецъ, онъ не любилъ пуль.

У него его сонъ, лѣнь, изнѣженность стоятъ выше всего, даже выше долга. Смѣлый переходъ турокъ на лѣвый берегъ Дуная заставилъ его совершенно потерять голову, и Кутузовъ, обезпокоенный нашимъ положеніемъ, цѣлые дни проводилъ въ своей палаткѣ, грустный и молчаливый.

Не желая обращать вниманія на то, что мы были гораздо сильнѣе турокъ и что мы могли, дня черезъ два, три, ожидать еще подкрѣпленій, Кутузовъ началъ поговаривать объ отступленіи въ Петрики, куда онъ уже и отправилъ свой вагенбургъ.

Если бы Кутузовъ отступилъ, то этимъ онъ открылъ бы Валахію туркамъ, и тогда онъ долженъ бы былъ оставить Бухарестъ. Никогда еще мысль болѣе малодушная и лишенная всякаго здраваго смысла не приходила въ голову главнокомандующему и, не вмѣшайся въ это дѣло Сабанѣевъ и я, онъ бы пожалуй привелъ ее въ исполненіе. Кутузовъ, хотя и отказался вскорѣ отъ своего намѣренія, но все-таки никакъ не хотѣлъ оставлять войска на прежнихъ позиціяхъ. Роковой проектъ Булатова слишкомъ согласовался съ нерѣшительнымъ и трусливымъ характеромъ Кутузова.

Къ нашему сожалѣнію, мы получили приказъ занять позицію полукругомъ, позади турецкаго укрѣпленія, на разстояніи дальняго пушечнаго выстрѣла, на пустынномъ, тогда высохшемъ болотѣ, гдѣ мы и остановились бивакомъ, построенные въ каре, въ самомъ непріятномъ ожиданіи. Черезъ нѣсколько дней мы получили подкрѣпленіе и стали на много сильнѣе турокъ.

Въ помощь къ намъ прибыли: 8 баталіоновъ 9-й дивизіи (2 остались въ вагенбургѣ, 2—въ Бухарестѣ, а 6 резервныхъ—въ Одессѣ), а затѣмъ и 15-я дивизія.

Генералъ-маіоръ Сергѣй Ермоловъ, командовавшій 9-й дивизіей, весьма уважаемый, достойный, хорошаго характера, но, пожалуй, не совсѣмъ подходящій для самостоятельнаго командованія отдѣльнымъ отрядомъ.

Генералъ-лейтенантъ Евгеній Марковъ, командовавшій 15 ди-

визіей, былъ одаренъ природнымъ умомъ и находчивостью; онъ обладалъ искусствомъ держать свои войска въ необыкновенномъ порядкѣ; онъ хотя и не получилъ большого военнаго образованія, но имѣлъ привычку къ службѣ и войнѣ, что̀ многимъ военнымъ вполнѣ замѣняетъ знанія. Марковъ былъ нѣсколько разъ раненъ и, опасаясь еще разъ быть контуженнымъ, очень берегъ свою особу.

Его характеръ не отличался особенными положительными качествами, и онъ имѣлъ много недостатковъ; грубый, рѣзкій, несправедливый съ подчиненными, завистливый къ товарищамъ; интриганъ съ высшими лицами, всегда готовый испортить предпріятіе начальника, съ цѣлью достичь какихъ-нибудь выгодъ для себя, считающій интересы арміи за ничто, а свои личные—все, наконецъ, онъ, ради выгодъ для себя готовъ былъ причинять зло другимъ. Онъ всѣми былъ презираемъ и не любимъ. Онъ былъ страстный игрокъ и мало пренебрегалъ средствами, могущими добыть ему деньги.

Въ кампаніи 1806 г. съ французами онъ потерпѣлъ полное пораженіе въ Морунгенскомъ дѣлѣ, не выказавъ ни храбрости, ни способностей. Въ этомъ дѣлѣ, по его винѣ, былъ убитъ полковникъ Оренто, прибывшій въ помощь къ нему и чтобы поправить сдѣланныя имъ глупости. По справедливости его надлежало бы отдать подъ судъ за такой поступокъ, какъ это было сдѣлано съ Сакеномъ за его поступокъ подъ Гутштатомъ, но Марковъ обладалъ умѣньемъ, силою разныхъ низостей и интригъ, пріобрѣтать расположеніе адъютантовъ, директоровъ канцелярій и вообще всѣхъ тѣхъ, которые пользуются довѣріемъ начальствующихъ генераловъ. Благодаря этимъ своимъ способностямъ, ему удалось избѣжать слѣдствія, назначеннаго военнымъ министромъ, по розыску внезапно исчезнувшихъ въ Псковскомъ полку, которымъ командовалъ Марковъ, суммъ въ 80 т. р. Но ни при гр. Каменскомъ, ни при Кутузовѣ, приказаніе это не исполнялось и дѣло на этомъ и покончилось.

Между тѣмъ изъ Бухареста прибылъ Камчатскій полкъ, изъ М. Валахіи подошелъ гр. Паленъ съ своими Дерптскими драгунами и Выборгскимъ пѣхотнымъ полкомъ, который Кутузовъ долженъ бы былъ отправить на усиленіе ген. Засса, какъ имѣвшаго слабыя силы, подошелъ изъ Обилешти ген. Эссенъ съ 8 егерскимъ Украинскимъ, Бѣлорусскимъ гусарскимъ и 8-ю двѣнадцати фунт. пушками. Такимъ образомъ, все это вмѣстѣ составляло массу въ 22—23 тысячи человѣкъ, начальствовать надъ которыми Кутузовъ назначилъ меня.

Затѣмъ я вскорѣ получилъ, наконецъ, чинъ генерала-отъ-инфантеріи, но больше всего меня радовало участіе, которое при-

нимали мои товарищи, подчиненные и солдаты въ моемъ повышеніи. Это еще болѣе заставляло меня цѣнить милость Государя [1]).

И такъ, я составилъ два корпуса: первый, правый—былъ подъ начальствомъ Эссена, а второй, лѣвый—подъ начальствомъ Маркова. Я также усилилъ отрядъ ген. Гартинга, который занималъ четыре редута, прилегавшихъ къ самому лѣвому флангу. Первый редутъ былъ на берегу Дуная, противъ р Ломъ, а послѣдній находился на возвышенностяхъ Слободзеи; между этими двумя я построилъ еще два.

Послѣ Слободзейскаго сраженія, турки, какъ и слѣдовало ожидать, перевезли черезъ Дунай, на лѣвый берегъ, свою кавалерію и артиллерію и расположились вдоль всего берега, начавъ строить укрѣпленія. У нихъ оказалось около 15 или 20 тысячъ человѣкъ, между которыми 3—4 тысячи было кавалеріи. Визирь со всей остальной арміей, оставивъ лагерь у Рущука, перебрался на самый берегъ Дуная (правый), чтобы самому руководить операціями съ занятыхъ возвышенностей.

Если бы визирь воспользовался своимъ преимуществомъ, т. е. тѣмъ, что онъ въ первую же ночь послѣ сраженія при Слободзеѣ перевезъ черезъ рѣку большую часть своихъ войскъ и атаковалъ бы насъ на слѣдующій день битвы, весьма возможно, что ему удалось бы насъ отбросить. Тогда Журжево осталось бы подъ защитой только слабаго гарнизона и турки, занявъ его, легко могли бы проникнуть въ Валахію. Мы были бы отрѣзаны отъ корпуса Засса и вездѣ они внесли бы опасенія и даже панику.

Но паника и безъ того уже проникла въ Бухарестъ, гдѣ ей способствовалъ распространяться плохой надзоръ и французская и греческая партіи. Много бояръ, по обыкновенію, исчезли въ Трансильванію (куда они прекрасно знали дороги), и остальные готовились слѣдовать ихъ примѣру.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Я очень люблю русскихъ солдатъ и самъ я всегда былъ любимъ какъ ими, такъ и подчиненными офицерами. Отношенія же мои къ генераламъ оставляли желать многаго, такъ какъ я всегда требовалъ отъ нихъ очень многаго, а они не привыкли къ этому. Тѣмъ не менѣе, среди нихъ, у меня были настоящіе друзья, какъ-то: Петръ Эссенъ, Александръ Войновъ, Павелъ Иловайскій, съ которыми я близко сошелся во время этой турецкой кампаніи.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3 февраля по 18-е мая 1910 г.

Аксаковъ, С. Т. Собраніе сочиненій.—Научно установленный текстъ, біографія, вступительныя статьи, примѣчанія, художественныя приложенія и проч.—Подъ ред. А. Г. Горнфельда. Томъ четвертый. Спб. 1910. Изд. и тип. т-ва „Просвѣщенія“ (Забалканскій пр., д. 75). 12⁰ (12×18). 503 стр. Съ 5 рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 28 л. 5.000 экз.

Антоновъ, М. Н. Г. Чернышевскій. Соціально-философскій этюдъ. М. 1910. Изд. Сотрудничества (Б. Никитская, 20). Тип. А. Мамонтова (Леонтьевскій пер., св. д.). 8⁰ (17×25). 326 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 1.000 экз.

Баженовъ, Н. Н., д-ръ. Исторія Московскаго Долгауза, нынѣ Московской городской Преображенской больницы для душевно больныхъ. Глава изъ исторіи русской медицины и культурно-бытовой исторіи Москвы. М. 1910. Изд. Городск. Общ. Управл. Тип. Городская. 8⁰ (17×26). 191 стр. Съ рис. и 1 табл. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 1.200 экз.

Глокке, Н. Э. Гоголь, Н. В. и „Грѣшники“. Рѣчь въ день столѣтняго юбилея Н. В. Гоголя. Кіевъ. 1910. Тип. Р. К. Лубковскаго (Б. Владимірская, 46), 8⁰ (17×26). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 60 экз.

Гоголь, Н. В. Сочиненія и письма. Редакція, біографическій очеркъ, вступительныя статьи, примѣчанія и указатели В. В. Каллаша. Томъ девятый: Письма. Спб. 1910. Изд. и тип. т-ва „Просвѣщеніе“ (Забалканскій пр., 75). 12⁰ (13×18). 358 стр.+4 рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 21 л. 5.000 экз.

Исаковъ, Левъ. Пугачевщина. (Изъ дневника моего дѣда). Оренбургъ. 1910. Тип. Ѳ. Яковлева. 16⁰ (12×18). 54 стр. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Каталогъ выставки въ память А. В. Кольцова въ Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1909. Изд. 2-е и тип. Имп. Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., 12). 8⁰ (15×22). 35 стр. Вѣсъ 5 л. 212 экз.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. V: кто были наши предки, гдѣ и какъ они жили. М. 1910. Изд. ред. журн. Русская Мысль. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, св. д.). 8⁰ (13×19). 71 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 3.500 экз.

Леонтьевъ, Д. А. Краткій историческій очеркъ аптечнаго дѣла въ Россіи. Спб. 1910. Тип. „Я. Трей“ (Разъѣзжая, 43). 8⁰ (16×24). 80 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 10 л. 1.000 экз.

Лѣтопись Историко-филологическаго общества при Имп. Новороссійскомъ университетѣ. Византійско-Славянское отдѣленіе. IX. Одесса. 1910. Тип. Экономическая (ул. Жуковскаго, 43). 8⁰ (17×26). 16+15+13+56+II+164+51+42+12+4+32+99 стр. Вѣсъ 1 ф. 25 л. 200 экз.

Содержаніе: Истринъ, В. М. Исторія Сербской Александріи въ русской литературѣ.—П. Истринъ, В. М. 5-я кн. хроники І. Малалы.—Ш. Рыстенко, А. В. Парижскіе списки „Стефанита и Ихнилата".—IV. Ляпуновъ, Б. М. М. С. Дриновъ. V. Кагаровъ, Евг. Теорія происхожденія религіи.—Мисирковъ, К. М. Эпическія сказанія о женитьбѣ короля Марка.

Памятная книжка Виленской губерніи на 1910 г. Вильна. 1910. Изд. Губ. Статист. Комит. Тип. губернская. 8° (15×23). XV+175+124+67+ +58+6 нен.+102 стр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 1.500 экз.

Памятная книжка Кіевской губерніи на 1910 г. Съ приложеніемъ Адресъ-календаря губерніи. Кіевъ. 1909. Изд. Губ. Статистич. Комитета. Тип. Губ. Правл. (Софійская пл., зд. Присут. мѣстъ). 8° (16×23). XVI+ 252+289+63 стр. Ц. 1 р. 30 к. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 2.200 экз.

Платоновъ, С. Ѳ., проф. Учебникъ Русской Исторіи для средней школы. Часть II. (Отъ Петра Великаго). Спб. 1910. Тип. М. А. Александрова (Надеждинск., 43). 8° (17×24). 490 стр. Складъ: Спб., Мал. Посадская, 26, у автора. Ц. 90 к. Вѣсъ 24 л. 10.000 экз.

Пѣвницкій, В. Ѳ., проф. Мои воспоминанія. Годы дѣтства. Училищная и семинарская жизнь. 1832—1851 г. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. общ Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (15×24). 262 стр. Вѣсъ 20 л. 25 экз.

Словарь русскаго языка. Составленный II отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ. IV тома вып. 3-й. Качалка—Класться. Спб. 1909. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (20×29). VI+641—960 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 30 л. 6.000 экз.

Смирновъ, Павелъ. Орловскій уѣздъ въ концѣ XVI вѣка по писцевой книгѣ 1594—5 г.г. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерингов., 6). 8° (18×29). II+334 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф 2 л. 200 экз.

Томилинъ, С. Набѣгъ партизанскаго отряда Чернышева на Кассель, столицу Вестфаліи въ 1813 году. Спб. 1910. Изд. Ред. журн. „Вѣстн. русской конницы". Тип. т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигород., 11). 4° (20×28). 35 стр. Съ рис. и план. Ц. 65 к. Вѣсъ 9 л. 1.000 экз.

Тройницкій, С. Н. Гербовые девизы русскаго, польскаго, финляндскаго и прибалтійскаго дворянства. Спб. 1910. Тип. Сиріусъ (Соляной, 7). 8° (15×22). 54 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 8 л. 150 экз.

Уваровъ, Алексѣй Сергѣевичъ, гр. Сборникъ мелкихъ трудовъ. Изд. ко дню 25-лѣтія со дня кончины, подъ ред. гр. П. С. Уваровой. Томъ 1 и 2-й. М. 1910. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздв. пер., д. Лиснера). 4° (23×30). IX+408+249 стр. Съ CXX+XLII табл. Вѣсъ 9 ф. 11 л. по 625 экз.

Указатель книгъ по исторіи и общественнымъ вопросамъ. Составленъ Е. В. Арцимовичъ, М. В. Имшенецкой, О. І. Капица, Б. Г. Кнатцъ, Е. Э. Кнатцъ, М. И. Страховой. Подъ ред. Н. А. Гредескула, С. Ф. Знаменскаго и С. А. Князькова. Спб. 1910. Изд. Имп. Рус. Техническаго общ. (Спб., Прилукская, д. 10). Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (16×23). VIII+555+57+7 стр. Ц. 2 р. 60 к. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 2.000 экз.

Ученыя записки Имп. Лицея въ память Цесаревича Николая. Вып. 4-й. М. 1910. Тип. А. Снегиревой (Савеловскій, св. д.). 8° (18×26). 18+46+ 9+17+209—249+65—213 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 600 экз.

Содержаніе: Чистяковъ, И. И. Къ вопросу о нормативномъ положеніи врачебной помощи фабрично-заводскимъ рабочимъ. — Добрянскій, С. Ф. Къ исторіи сношеній Рагузской республики съ Россіей въ XVIII и XIX в.в. — Чистяковъ, И. Критика взглядовъ К. Маркса. — Познышевъ, С. Коалиція рабочихъ и предпринимателей съ точки зрѣнія уголовнаго права. — Тарасовъ, И. Т. Полицейское право. — Юшкевичъ, В. А. Изслѣдованіе изъ области ученія о владѣніи.

Фарфоровскій, С. Ф. Ногайцы Ставропольской губ. Историко-этнографическій очеркъ. Тифлисъ. 1909. Изд. Кавк. Имп. Геогр. Общ. Тип. К. Козловскаго (Головинскій, 12). 8° (15×23). 36 стр. Вѣсъ 3 л. 600 экз.

Александровъ, М. Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи. Спб. 1910. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 126). 8° (17×25), 175 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 27 л. 2.000 экз.

Бончъ-Бруевичъ, Владиміръ. Программа для собиранія свѣдѣній по изслѣдованію и изученію русскаго сектантства и старообрядчества. Оттискъ изъ III выпуска „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества". Спб. 1910. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 120). 8° (16×25). 6+2 нен. стр. Вѣсъ 1 ф. 300 экз.

Васинъ, Н. Демидовы. Исторія возникновенія горнаго дѣла въ Россіи. М. 1910. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 18° (13×18). 32 стр. Вѣсъ 2 л. 24.000 экз.

Григорьевъ, А. Д. Архангельскія былины и историческія пѣсни, собранныя въ 1899—1901 г.—съ напѣвами, записанными посредствомъ фонографа. Т. III. Мезень. Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8° (21×29). XIV+732 стр.+1 карта. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 31 л. 1.212 экз.

Два юбилея учено-литературной и служебной дѣятельности Ивана Егоровича Забѣлина. L—LXX. М. 1910. Тип. Синодальная. 4° (22×32). 88 стр. Съ портр. и рис. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 525 экз.

Девель, Н. М. Царицыно. Спб. 1910. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (16×25). 31 стр. Вѣсъ 5 л. 50 экз.

Истоминъ, В. К. Адмиралъ Иванъ Семеновичъ Унковской. Воспоминанія. М. 1909. Изд. автора. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ (Пименовская, св. д.). 16° (13×18). 124 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 10 л. 1.200 экз.

Кизеветтеръ, А. А. Мѣстное самоуправленіе въ Россіи. IX—XIX ст. Историческій очеркъ. М. 1910. Изд. журн. Русская Мысль. Тип. Университетская. 8° (14×20). 155 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 16 л. 2.000 экз.

Кизеветтеръ, А. А. Петръ Великій за границей. М. 1910. Изд. Школа, 2-ое. Тип. Вильде (М. Кисловка, св. д.). 8° (14×18). 30 стр. Съ портр. и рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 3.000 экз.

Коганъ, П. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. 3. Современники. Вып. 2. М. 1910. Изд. Заря. Тип. Общественная Польза (Б. Тверск.-Ямск., 26). 8° (16×23). 161 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 24 л. 5.000 экз.

Марти, Ю. Ю. и Шкорпилъ, В. В. Керамическія надписи, хранящіяся въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ, въ гор. Керчи. Одесса. 1910. Тип. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 4° (20×28). 49 стр. Вѣсъ 9 л. 50 экз.

Нордманъ, Н. Н. Статистическій методъ въ изслѣдованіяхъ древнерусскаго хозяйственнаго быта. Труды студентовъ экономическаго отдѣленія спб. политехническаго института № 2. Спб. 1909. Изд. Спб. политехниче-

скаго института. Тип. Шредера (Гороховая, 49). 8⁰ (16×24). 85 стр. Ц. 65 к. Вѣсъ 11 л. 400 экз.

Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Подъ ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. II, ч. 1-я и 2-я Спб. Ц. 5 р. Вѣсъ 2 ф. 31 л. 3.000 экз.

Петровская, Е. Н. Изъ жизни крестьянъ села Кургулъ. Отд. отт. изъ XXVI т. Изв. о-ва археологіи, исторіи и этнографіи за 1910 годъ. Казань. 1910. Тип. Университетская. 8⁰ (17×25). 48 стр. Вѣсъ 8 л. 50 экз.

Рудинскій, І., свящ. Историческій очеркъ церковныхъ школъ, Ростовскаго у. Ярославской губ., по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія ихъ существованія. Ростовъ. 1909. Тип. С. П. Сорокина. 8⁰ (15×23). 32 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Сборникъ статей, посвященныхъ Василію Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилѣтія его профессорской дѣятельности въ Московскомъ Университетѣ (5-го декабря 1879—5-го декабря 1909 года). Съ приложеніемъ списка трудовъ его. М. 1909. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковскій пер., св. д.). 8⁰ (17×24). X+828+III стр. Съ 3 портр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 23 л. 4.000 экз.

Геккель, А. И. Трофеи войнъ 1812—1813—1814 годовъ, хранящіеся въ Казанскомъ соборѣ. Спб. 1909. Изд. О. И. Геккель. Тип. Т-ва Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4⁰ (25×37). 44 стр. Съ 106 рис. Вѣсъ 3 ф. 1 л. 1.500 экз.

Гриппенбергъ, О. Изнанка „Операціи охвата лѣваго фланга расположенія арміи Оку“ въ январѣ 1905 года. Спб. 1910. Изд. 4-е испр. и доп. Тип. В. Безобразова и К⁰ (В. О., Бол. просп., 61). 8⁰ (18×25). 55 стр. и 1 карта. Вѣсъ 15 л. 3.000 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. 1909 г. Т. XIV. Кн. 3-я. Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9-я л., 12). 8⁰ (17×24). 354 стр. Ц. 1 руб. 50 коп. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 813 экз.

Содержаніе: Арнаутовъ, В. А. Кіевская лѣтопись Супрасльскаго сборника. II. Некрасовъ, Н. П. Род.—вин. падежъ. III. Петровскій, Н. М. „Откровенія Меѳодія Патарскаго“ въ зап.-славян. литер. IV. Вольтеръ, Э. А. Городъ Мендовга, или гдѣ искать Летовію XIII в. V. Яцимирскій, А. И. Къ исторіи апокрифовъ и легендъ въ южно-славян. письменности. VI. Вольдемаръ, А. І. Національная борьба въ Вел. Кн. Литовскомъ въ XV и XIV в.в. VII. Жуковичъ, П. Н. Неизд. сочин. Іосафата Кунцевича. VIII. Кашинъ, Н. П. Исторія текста произв. А. Н. Островскаго. IX. Даниловъ, В. З. „Кіевлянинъ“ М. А. Максимовича.

Калужская старина. Томъ 5-й. Подъ ред. И. Ѳ. Цвѣткова. Калуга. 1910. Изд. истор.-археол. о-ва. Тип. Губ. Зем. управы. 8⁰ (18×28). 11+83+59+VIII+171—258+70+63—74+III стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 800 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Т. IV. Пушкинъ. Спб. Изд. и тип. т-ва Общественная Польза (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (17×24). 214 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 25 л. 4.000 экз.

Перетцъ, В. Н. Новые труды по источниковѣдѣнію древне-русской литературы и палеографіи. Критико-библіографическій обзоръ. 2-ая серія. XI—XIV. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. о-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8⁰ (17×25). 47 стр. Вѣсъ 6 л. 200 экз.

Путинцевъ, А. Иванъ Саввичъ Никитинъ. Спб. 1910. Изд. комис. народ. чтеній. Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ, 4). 16⁰ (13×18). 40 стр. 8 к. Вѣсъ 3 л. 6.000 экз.

Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80—1800 г.). Т. II. (1671—1739). Спб. 1910. Изд. Еврейскаго Истор. Этнографич. Общ. Тип. Розенъ (Театральная пл., 2). 8⁰ (20×28). II+386 стр. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 1.000 экз.

Сиверсъ, А. А. Матеріалы къ родословію Мухановыхъ (не для продажи). Спб. 1909. Изд. Н. Н. Муханова. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8⁰ (19×28). 376 стр. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 110 экз.

Сиповскій, В. В. Исторія русской словесности. Часть I. Вып. 2. Съ XI—XVIII в.в. Спб. 1910. Изд. 4-е, бр. Башмаковыхъ. Тип. Трудъ (Фонтанка, 86). 8⁰ (17×24). XVI+250 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 25 л. 1.000 экз.

Божеряновъ, И. Невскій проспектъ. Культурно-историческій очеркъ жизни Петербурга за 2 вѣка—XVIII и XIX. Спб. 1910. Тип. Голике (Звенигородская, 11). 4⁰ (28×37). X+467 стр. Съ рис. Вѣсъ 10 ф. 24 л. 2.000 экз.

Древности. Труды Имп. Археологическаго Общества. Томъ 22-й. Подъ ред. В. К. Трутовскаго. М. 1910. Изд. Археологич. общества. Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 4⁰ (26×35). 313 стр. Съ рис. и таб. Вѣсъ 3 ф. 650 экз.

Древности. Труды комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Имп. московскаго археологическаго общества. Посвящается памяти ея основателя графа А. С. Уварова. Изданы подъ ред. В. П. Машкова. Томъ III. М. 1910. Изд. Археологич. Общ. Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 4⁰ (26×35). 411 стр. Съ рис. Вѣсъ 7 ф. 14 л. 625 экз.

Матеріалы по этнографіи Россіи. Подъ ред. Ѳ. К. Волкова. Т. I Спб. 1910. Изд. Этнографич. Отдѣл. Музея Имп. Александра III. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4⁰ (24×31). XVII+215+5+IX стр. Съ рис. Ц. 7 р. 50 к. Вѣсъ 3 ф. 10 л. 2.100 экз.

Миловидовъ, А. Рукописное Отдѣленіе Виленской Публичной Библіотеки. Его исторія и составъ. Вильна. 1910. Тип. Русскій починъ (Сиротская, 20). 8⁰ (17×26). 54 стр. Вѣсъ 8 л. 200 экз.

Овсяникo-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ третій, Л. Н. Толстой. Спб. 1910. Изд. „Прометей“ и Обществ. Польза. Тип. Обществ. Польза (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (17×24). 272+IX стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 30 л. 4.000 экз.

Памяти Гоголя. Празднованіе столѣтней годовщины со дня рожденія Н. В. Гоголя въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа. Подъ ред. И. В. Посадскаго. Варшава. 1909. Изд. и тип. учебн. округа (Краковское-Предм., 3) 8⁰ (16×24). 410 стр. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 3.000 экз.

Памяти Н. В. Гоголя. Сборникъ рѣчей, рефератовъ и стихотвореній, читанныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго Учебн. Окр. во время 1910. Изд. Кавк. Учебн. окр. Тип. Канц. Намѣстника. 8⁰ (16×23). 271 стр. Вѣсъ 26 л. 2.400 экз.

Романовъ, Е. Р. Побѣда Императора Петра I надъ шведами 28-го сент. 1708 г. при деревнѣ Лѣсной. Могилевъ. 1910. Тип. Губернская. 8⁰ (17×25). 92 стр. Вѣсъ 8 л. 260 экз.

Се ливановъ, Н. Ф. Очерки русскаго иконописанія. (На правахъ рукописи). Спб. 1910. Тип. Усманова (Вознесенск., 47). 8⁰ (17×25). 40 стр. Вѣсъ 7 л. 300 экз.

Ѳеоктистовъ, В. К. Пятидесятилѣтіе Саратовской Маріинской женской гимназіи. Саратовъ. 1910. Изд. журн. Духовный Вѣстникъ. Тип. Союза печатнаго дѣла. 8⁰ (15×21). 48 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Анучинъ, Д. Н. И. Е. Забѣлинъ, какъ археологъ въ первую половину его научной дѣятельности (1842—1876). Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Имп. Московскаго Археологическаго О-ва 10 февр. 1910 года. М. 1909. Тип. В. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 4⁰ (26×35). 41 стр. Вѣсъ 13 л. 100 экз.

Бимманъ, А. Лекціи по Русской исторіи. Листъ 2-й. Харьковъ. 1910. Изд. автора (Пассажъ). Тип. Х. М. Аршавской (Ярославская ул. № 18). 4⁰ (27×35). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Волжинскій. 300-лѣтній юбилей снятія осады съ Свято-Троицкой Сергіевской Лавры 12 января 1610 г.—12 января 1910 г. Сообщеніе, прочитанное въ офицерскомъ собраніи 4 артиллерійской бригады. Варшава. 1910. Тип. Губ. Правленія (Медовая, 20). 8⁰ (15×22). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго Вып. 6 и 7. М. 1910. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. И. Кушнерева и К⁰ (Пименовская, св. д.). 8⁰ (19×28). 401—430+1—122 стр. Съ портр. Вѣсъ 1 ф. 9 л. по 2.000 экз.

Нуссбаумъ. Критическіе матеріалы по литературѣ. Лишніе люди и женскіе типы въ произведеніяхъ Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Гончарова, Островскаго. Вып. 1-й. Житоміръ. 1910. Тип. М. М. Катерберга (Михайловская, 3). 8⁰ (15×22). 52 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 5 л. 1.200 экз.

Павловскій, И. Ф. Полтава. Историческій очеркъ ея, какъ губернскаго города въ эпоху управленія генералъ-губернаторами (1802—1856). По архивнымъ даннымъ. Полтава. 1910. Изд. автора (Пушкинская, 48). Тип. П. А. Дохманъ. 8⁰ (18×27). XXVIII+416+1 нен. стр. съ рис.+1 планъ. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 17 л. 1.000 экз.

Покровскій, М. Н., при участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. Томъ I. М. 1910. Изд. т-ва Міръ (Знаменка, д. 13). Тип. т-ва ч. Чичеринъ (Марьинскій уч., св. д.). 8⁰ 148 стр. Вѣсъ 26 л. 5.000 экз.

Путинцевъ, А. М. Введеніе въ исторію русской словесности. Казань. 1910. Тип. Центральная. 8⁰ (17×26). 15 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Рыбниковъ, П. Н. Пѣсни. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Въ 3-хъ томахъ. Съ портретомъ, біографіей и указателемъ. Т. 2-й. М. 1910. Изд. „Сотрудникъ школъ“, 2-е. Тип. И. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовск., св. д.). 8⁰ (16×24). IV+727 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 15 л. 3.100 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. II, вып. 1-й. Русская литература XVIII—XIX в.в. Спб. 1910. Изд. Ер. Башмаковыхъ, 2-е. Тип. Трудъ (Фонтанка, 86). 8⁰ (17×23). 191 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 21 л. 3.000 экз.

Сиротининъ, Андрей. Бесѣды о русской словесности. Спб. 1910. Изд. 2-е. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. О., 5 л., 28). 8⁰ (16×24). XI+345 стр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 1.500 экз.

Успенскій, А. И. Стѣнопись Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ (По поводу реставраціи 1884 года). М. 1910. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 4⁰ (28×37). 25 стр. Вѣсъ 10 л. 50 экз.

Абрамовичъ, Н. Я. Дѣтскіе годы А. П. Чехова. М. 1910. Изд. журн. Юная Россія (Б. Молчановка, 24). Тип. К. Л. Меньшова (Никольскій, 21). 8⁰ (13×19). 62 стр. Съ рис. и портр. Ц. 12 к. Вѣсъ 4 л. 3.600 экз.

Брюсовъ, Валерій. Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. Докладъ, прочитанный на торжественномъ засѣданіи О-ва любителей россійской словесности 27-го апрѣля 1909 года. М. 1910. Изд. Скорпіонъ, 2-е. Тип. В. Вороновъ (Моховая, д. кн. Гагарина). 8⁰ (14×20). 54 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 7 л. 600 экз.

Гершензонъ, М. Жизнь В. С. Печерина. Историческія записки о русскомъ обществѣ. М. 1910. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ (Пименовская, св. д.). 8⁰ (16×24). 226 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 2.000 экз.

Голубевъ, С. Москва и первый самозванецъ. По поводу статьи академика А. И. Соболевскаго. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8⁰ (17×24). 9 стр. Вѣсъ 1 л. 120 экз.

Грабарь, Игорь. Исторія русскаго искусства. Томъ I. Исторія архитектуры. Вып. I. До-Петровская эпоха. Спб. 1910. Изд. І. Кнебель (Москва). Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4⁰ (24×32). 170 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 ф. 14 л. 16.000 экз.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 31. Спб. 1910. Изд. бр. Гранатъ (Загородный, 14). Тип. Кушнеревъ (Фонтанка, 117). 8⁰ (20×28). 129—208 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 19 л. 15.400 экз.

Исторія русскаго права. Московскій періодъ. Извлеченіе изъ книги проф. Мрочекъ-Дроздовскаго. М. 1910. Тип. А. И. Петцманъ (Пятницкій пр., 2). 8⁰ (15×22). 51 стр. Вѣсъ 6 л. 200 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 8, 9 и 10-й. М. 1910. Изд. т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. И. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, с. д.). 8⁰ (19×28). 129—208+209—288+289—368 стр. Съ портр. Вѣсъ 1 ф. 22 л. по 2.000 экз.

Лернеръ, Н. О. Бѣлинскій. Критико-біографическій очеркъ. Для учащихся. М. 1910. Изд. и тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8⁰ (16×22). 168 стр. Съ портр. Ц. 50 к. Вѣсъ 17 л. 3.500 экз.

Отчетъ Церковно-Историческаго и археологическаго о-ва при Кіевской Духовной Академіи за 1909 годъ. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8⁰ (17×24). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 165 экз.

Павловъ-Сильванскій, Н. П. Феодализмъ въ удѣльной Руси. Изслѣдованія. Собраніе сочиненій, т. III. Спб. 1910. Тип. Стасюлевича. (5 л., № 28). 8⁰ (16×24). XVI+506 стр.+1 портр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 1.600 экз.

Соллертинскій, прот., проф. Опытъ исторической записки о состояніи Спб. Дух. Академіи. По случаю столѣтняго ея юбилея 1809—1909. Спб. 1910. Тип. А. Улыбина (Загородн. пр., 8). 8⁰ (15×21). 100 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 9 л. 1.200 экз.

Апушкинъ, В. А. Русско-японская война 1904—1905 г. М. 1910. Изд. книгоизд. Образованіе (Долгоруковская, 85). Тип. Русскаго Т-ва (Мыльниковъ пер., св. д.). 8⁰ (18×26). IV+213 стр. Съ рис. и 2 картами. Вѣсъ 1 ф. 25 л. 7.000 экз.

Бендеръ. Каталогъ военно-ученаго архива Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба. Томъ Ш. Отдѣлы Ш—Х. Спб. 1910. Тип. Бережливость (Невскій, 139). 8⁰ (16×23). IV+468 стр. Вѣсъ 2 ф. 1 л. 500 экз.

Виноградскій, А. Н. Исторія Русско-Японской войны 1904—1905 гг. Вып. П. Спб. 1909. Изд. Общ. ревнит. военныхъ знаній. Тип. Н. Стойковой (Знаменская, 27). 8⁰ (19×27). 197 стр. и 14 плановъ-схемъ. Складъ: Кирочная, 1. Адр. издат. тамъ же. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 15 л. 3.000 экз.

Городцовъ, В. А. Бытовая археологія. Курсъ лекцій, читанный въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ. М. 1910. Изд. Археолог. Инст. Тип. А. И. Снегиревой (Савеловскій пер., св. д.). 8⁰ (19×27). IV+473 стр. Съ картой. Вѣсъ 2 ф. 20 л. 600 экз.

Изданія Имп. Археографической Комиссіи, имѣющіяся въ продажѣ. 1 Янв. 1910 г. Спб. 1910. Тип. Сенатская. 8⁰ (17×25). IX стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Нарциссовъ, Петръ, прот. Историческія записки по устроенію Колычевскаго Казанскаго женскаго монастыря, Егорьевскаго уѣзда, Рязанской губерніи. М. 1910. Тип. Губернская (Никольская, св. д.). 8⁰ (15×22). 110 стр. Вѣсъ 9 л. 1.000 экз.

Новгородскія писцовыя книги, изданныя Имп. Археографическою комиссіею. Т. IV. Книги Бѣжецкой Пятины. I—1501 г., II—1545 г., III—1551 г., IV—1564 г. Спб. 1910. Тип. Сенатская. 4⁰ (25×34). 1+1.074 столб. (въ 2 ст.). Ц. 3 р. Вѣсъ 4 ф. 7 л. 500 экз.

Острогорскій, Викторъ. Этюды о русскихъ писателяхъ. И. А. Гончаровъ. Спб. 1910. Изд. Н. В. Ельманова, 2-е. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8⁰ (14×21). VI+150 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 14 л. 2.000 экз.

Савченко, П. Исторія 1-й конно-артиллерійской батареи 1806—1906 г.г. Спб. 1910. Тип. Бережливость (Невскій, 139). 4⁰ (25×32). VII+283+42 стр. Съ портр., рисун. и план. Вѣсъ 4 ф. 19 л. 200 экз.

Сборникъ воспоминаній. Незабвенному Владиміру Васильевичу Стасову. Спб. 1910. Тип. Энергія (Загородный, 17). 8⁰ (18×25). XV+289+XXVI+14 стр. Съ 14 рис. и портр. Скл.: Спб., Поварской, 10. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 5 л. 1.100 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 г.г. на Балканскомъ полуостровѣ. Вып. 65. Журналы и дневники военныхъ дѣйствій частей 2-й гв. кав. дивизіи и гв. конныхъ батарей. Спб. 1910. Изд. Воен. Истор. Комис. Глав. Упр. Генер. Штаба. Тип. Русская скоропечатня (Екатер. каналъ, 94). 8⁰ (20×29). 598 стр. и 3 плана. Вѣсъ 3 ф. 28 л. 1.200 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 г.г. на Балканскомъ полуостровѣ. Вып. 92. Дневники частей 13 арм. корпуса. Спб. 1910. Изд. Воен. Истор. Комиссіи Гл. Упр. Генер. Штаба. Тип. Альтшулера (Фонтанка, 96). 8⁰ (19×28). 116+17 стр. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 1.200 экз.

Титовъ, Ѳ. И., прот. Мѣстечко Бѣлгородка—древній Бѣлгородъ. (По поводу современныхъ археологическихъ раскопокъ въ м. Бѣлгородкѣ). Кіевъ. 1910. Изд. Кіев. Св.-Владимір. Братства. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). (16×24). 23 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 3 л. 450 экз.

Тростянскій, М. И. Осада Троице-Сергіевской Лавры въ русской

поэзіи. Кіевъ. 1910. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8⁰ (18×26). 19 стр. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Адарюковъ, В. Я. Степанъ Филипповичъ Галактіоновъ и его произведенія. Спб. 1910. Изд. Кружка любителей изящныхъ изд. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8⁰ (17×24). 80 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 26 л. 400 экз.

Андреевъ, Ник. Удѣльная или княжеская Русь. — Культурно-историческіе очерки Россіи. № 1. Спб. 1910. Изд. В. И. Яковенко. Тип. М. А. Александрова (Надежд., 43). 8⁰ (14×20). 88 стр. Съ рис. и 2 картами. Ц. 25 к. Вѣсъ 7 л. 5.100 экз.

Горталовъ, Н. К. Изъ прошлаго Имп. Казанской 1-й гимназіи. Казань. 1910. Тип. университетская. 8⁰ (17×25). 48 стр. Съ портр. Ц. 45 к. Вѣсъ 6 л. 350 экз.

Жураковскій, Евгеній. Краткій курсъ исторіи русской живописи XIX вѣка. М. 1910. Изд. Консерваторіи. Тип. Об-ва распр. полезн. книгъ, преемн. Вороновъ (Моховая, д. кн. Гагарина). 8⁰ (14×20). IV+92 стр. Вѣсъ 9 л. 600 экз.

Исторія русской литературы, подъ ред. Е. В. Аничкова, проф. А. К. Бороздина и проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Т. I. Русская Литература до XIX в. М. 1910. Изд. Т-ва И. Д. Сытина и Т-ва Міръ. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 4⁰ (20×29). 464 стр. Съ рис. Ц. 6 р. Вѣсъ 5 ф. 2 л. 2.000 экз.

Кіевская Русь. Сборникъ статей, подъ ред. В. Н. Сторожева Томъ 1-й. Библіотека для самообразованія XIII. М. 1910. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина, 2-е, испр. (Пятницкая, св. д.). 8⁰ (14×21). XXI+664 стр. Вѣсъ 1 ф. 25 л. 2.600 экз.

Назаревскій, В. В. Русская исторія. Вып. XII. М. 1910. Тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8⁰ (18×27). 156 стр. Съ рис. Вѣсъ 24 л. 2.000 экз.

Памятная книжка Кіевской епархіи на 1910 годъ. Подъ ред. прот. С. Трегубова. Кіевъ. 1910. Тип. Т-ва И. Н. Кушнерева и К⁰ (Караваевская, 5). 8⁰ (15×23). 552 стр. Ц. 1 р. 60 к. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 1.720 экз.

Памятники законодательства Петра Великаго. Подъ ред. М. М. Богословскаго. Памятники русской исторіи. М. 1910. Изд. Н. Н. Клочкова (Моховая, 20). Тип. Вильде (М. Кисловка, св. д.). 8⁰ (18×27). 117 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 15 л. 2.000 экз.

Петерсъ. Полтавская побѣда. Одесса. 1910. Тип. Штаба военн. округа. 8⁰ (17×24). 64 стр. Съ картами. Вѣсъ 7 л. 1.000 экз.

Прасановъ, В. Мургабскій походъ 1885 года, завершившійся боемъ съ Афганцами на Кушкѣ 18 Марта. Спб. 1910. Тип. Военная. 8⁰ (19×28). 168 стр. Съ рис. и 6 картами. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 2.110 экз.

Родословная рода Демидовыхъ, ихъ благотворительная дѣятельность и медали въ память ихъ рода. Житоміръ. 1910. Тип. Губернская. 4⁰ (19×26). 64 стр. Вѣсъ 11 л. 209 экз.

Соловьевъ, Евгеній. И. С. Тургеневъ.—Его жизнь и литературная дѣятельность. — Біографическій очеркъ. — Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Спб. 1910. Изд. Ф. Павленкова, 2-е (Лештуковъ пер., 2). Тип. М. А. Александрова (Надежд., 43). 8⁰ (12×19). 96 стр. Съ портр. Ц. 25 к. Вѣсъ 7 л. 2.100 экз.

Тевяшовъ, Е. Н. Матеріалы для библіографіи русскихъ иллюстрированныхъ изданій. Вып. III. № 401—600. Спб. 1910. Изд. Кружка любителей рус. изящн. изд. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4⁰ (26×35). 75 стр. Съ рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 350 экз.

Аксаковъ, С. Т. Собраніе сочиненій. Томъ 5-й. Записки объ уженьѣ рыбы. Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи. Подъ ред. А. Г. Горнфельда. Спб. 1910. Изд. и тип. т-ва Просвѣщеніе (Забалканскій, 45). 8⁰ (13×19). VII+332 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 19 л. 5.000 экз.

Александровъ, А. Н. Ивановское Городище. (Изъ XIX т. сборн. Харьков. Историко-Филологич. Общ. въ память проф. Е. К. Рѣдина). Харьковъ. 1910. Тип. Печатное Дѣло (Клочковская, 5). 8⁰ (17×26). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Заозерскій, Н. А. А. С. Пушкинъ въ воспоминаніяхъ современниковъ и письмахъ. Историко-литературная библіотека. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Вып. IV. М. 1910. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8⁰ (16×22). 211 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 24 л. 3.500 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 17. М. 1910. Изд. т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. И. Кушперевъ и К⁰ (Пименовская, соб. д.). 8⁰ (19×27). 433 — 497 стр. Съ портр. Вѣсъ 19 л. 9.000 экз.

Назаревскій, В. В. Русская исторія. V. Вып. 2-й. 1855—1881. М. 1910. Изд. и тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8⁰ (16×24). 156 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 20 л. 1.000 экз.

Назаревскій, В. В. Царствованіе Императора Александра II. 1855—1881. М. 1910. Изд. и тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8⁰ (16×24). 156 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 20 л. 4.000 экз.

Описаніе медалей и монетъ, хранящихся въ нумизматическомъ кабинетѣ Имп. Харьковскаго университета. Харьковъ. 1910. Тип. Адольфа Дарре (Московская, 19). 8⁰ (16×25). 1.062 стр. Вѣсъ 2 ф. 24 л. 200 экз.

Суринъ. В. Личность и Государство въ Русской литературѣ второй половины XVIII вѣка. Харьковъ. 1910. Тип. Печатное Дѣло (Клочковская, 5). 8⁰ (17×26). 19 стр. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Уманецъ, Ѳ. М. Александръ и Сперанскій. Историческая монографія. Спб. 1910. Тип. Ломковскаго (Думская, 5). 8⁰ (14×22). 169 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 13 л. 2.000 экз.

Шеманскій, А. Д. Бой на Кушкѣ и его 25-лѣтній юбилей (18/III 1885—18/III 1910). Военное сообщеніе. Спб. 1910. Изд. В. Березовскаго (Колокольная, 14). Тип. Рус. скоропечатня (Екатер. кан., 94). 8⁰ (16 × 22). 80 стр. Съ рис. Съ портр. и картой. Ц. 60 к. Вѣсъ 11 л. 2.000 экз.

Довгялло, Дм. Ив. Поневѣжская старина (1585—1587 гг.). Вильна. 1910. Тип. Бр. Д. и Х. Яловцеръ (Трокская). 8⁰ (15×23). 18 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Модзалевскій, В. Л. Малороссійскій родословникъ. Т. II. Е.—К. Кіевъ 1910. Изд. автора (Спб. В. О., 3 л., № 18). Тип. Г. Л. Фронцкевича и К⁰ (Крещатикъ, 42). 8⁰ (19 × 27). 720 + 20 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 2 л. 825 экз.

Острогорскій, Викторъ. Этюды о русскихъ писателяхъ. Мотивы лермонтовской поэзіи. Спб. 1910. Изд. Н. В. Ельманова. 2-е. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8⁰ (14 × 20). 87 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 8 л. 3.000 экз.

Пфлугъ-Гартунгъ. Всемірная Исторія отъ Вѣнскаго Конгресса до нашихъ дней (1815—1910). Переводъ съ дополненіями подъ ред. проф. Н. И. Карѣева и С. Г. Лозинскаго. Отдѣлъ русской исторіи написанъ А. А. Корниловымъ. Спб. 1910. Изд. и тип. Брокгаузъ-Эфронъ (Прачешный, 6). 8⁰ (21×28). 2+811 стр. Съ 83 рис. Ц. 10 р. Вѣсъ 7 ф. 8 л. 5.000 экз.

Пыпинъ, А. Н. Мои замѣтки, съ приложеніемъ статей: „Два мѣсяца въ Прагѣ“ и „Вячеславъ Ганка“. Подъ ред. В. А. Ляцкой. М. 1910. Изд. А. Э. Бухгеймъ. Тип. т-ва И. Н. Кушнерева (Пименовская, соб. д.). 8⁰ (13×22). 312 стр. Ц. 2 р. В. 1 ф. 10 л. 1.000 экз.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 129. Спб. 1910. Изд. Рус. Историч. Общества. Тип. Яковлева (2 Рождественская, 7). 8⁰ (20×29). VII+544+20+VIII стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 29 л. 1.200 экз.

Юбилейный сборникъ литературнаго фонда. 1859 — 1909. Спб. Тип. т-ва „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (17 × 27). VIII + 630 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 7 л. 4.000 экз.

Андріанова, В. П. Къ литературной исторіи Толковой Палеи. Изъ филологическаго семинарія проф. В. Н. Перетца. Кіевъ. 1910. Тип. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8⁰ (17×24). 77 стр. Вѣсъ 8 л. 165 экз.

Барсуковъ, Николай П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга 22-я, съ приложеніемъ подробнаго указателя ко всѣмъ 22-мъ книгамъ. Спб. 1910. Тип. Стасюлевича. 8⁰ (17×25). VII+385 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 1.200 экз.

Бѣдновъ, В. А. Преосвященный Θеодосій, Епископъ Екатеринославскій и Таганрогскій и его труды по исторіи Екатеринославщины. Отд. оттискъ изъ №№ 6 и 7 Екатер. Епархіальн. Вѣдомостей за 1910 годъ. Екатеринославъ. 1910. Тип. С. И. Барановскаго. 8⁰ (18×29). 24 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 110 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ IX. Спб. 1910. Изд. и тип. т-ва „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (17 × 25). 521 стр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 5.000 экз.

Дьяконовъ. М. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Спб. 1910. Изд. юридическ. кн. склада „Право“, 3-е испр. и доп. Тип. А. Г. Розена (Театральная площ., 2). 8⁰ (17×24). XVI+522 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 2.000 экз.

Дѣйствія Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ VIII. Съ указателемъ статей, рефератовъ и пр. въ „дѣйствіяхъ“ и „сборникахъ“ комиссіи (т. II—V и журналахъ I—XCIII). Н.-Новгородъ. 1910. Тип. И. К. Владимірскаго. 8⁰ (17 × 26). 419 + 26 + 2 + 4 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 450 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. Вып. 34-й. (Вопросы реставраціи, вып. 5-й). Спб. 1910. Изд. Археологич. Комиссіи. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8⁰ (20×28). 92 стр. Съ рис. Вѣсъ 23 л. 900 экз.

Клячинъ, В. П. Трехсотлѣтіе со дня снятія осады Троице-Сергіевской Лавры. Кіевъ. 1910. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8⁰ (18 × 26). 37 стр. Вѣсъ 6 л. 100 экз.

Котляревскій, Н. А. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Съ рис. П. Д. Шмарова. Спб. 1910. Изд. Спб. О-ва Грамотности, 57. Тип. Я. Балянскаго (Загородный пр., 74). 8⁰ (14×21). 58 стр. Съ 11-ю рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

Краткая исторія Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго Его Величества полка. Спб. 1910. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4⁰ (20 × 28). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Николай Михайловичъ, Великій Князь. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Т. V. Вып. 4-й и Указатели. Спб. 1909. Тип. Экспедиціи Заготовленія Гос. бумагъ. 4⁰ (27×35). 160 стр.+25 л. порт.+99 стр. указателя. Вѣсъ 5 ф. 20 л. 700 экз.

Памятная книжка Императорской Академіи Наукъ на 1910 г., исправлена по 15 сентября 1910. Спб. 1910. Изд. и тип. Импер. Акад. Наукъ. 16⁰ (12×15). 272 стр. Вѣсъ 17 л. 216 экз.

Русская историческая библіотека Т. XXVI. Донскія дѣла. Книга третья. Спб. 1909. Изд. археографической комиссіи. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8⁰ (20×29). 56 стр.+ 1022 столб.+83 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 4 ф. 11 л. 500 экз.

Тростянскій, М. И. Осада Троице-Сергіевской лавры въ русской поэзіи. Кіевъ, 1910. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8⁰ (18 × 26). 20 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Труды Псковскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета. Псковская Старина. Т. I. Псковъ. 1910. Изд. Псковскаго Ц.-Ист.-Арх. Общества. Тип. Губ. Земства. 8⁰ (17 × 25). 202 + 50 стр. Съ 3-мя табл. Ц. 2 р. Вѣсъ 29 л. 600 экз.

Щербина, Ф. А. Исторія кубанскаго казачьяго войска. Томъ I. Исторія края. Екатеринодаръ. 1910. Тип. Кубанскаго областного правленія. 8⁰ (18×27). XV+700+V+6 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 ф. 8 л. 5.000 экз.

Александровскій, Г. В. Памяти великаго русскаго критика В. Г. Бѣлинскаго. Къ столѣтію со дня рожденія. Для учащихся и самообразованія. Кіевъ. 1910. Изд. книгоизд. Гонгъ (Прорѣзная, 12). Тип. 1-й кіев. артели печ. дѣла (Трехсвятит., 5). 8⁰ (15×20). 61 стр. Съ портр. Ц. 25 к. Вѣсъ 6 л. 3.000 экз.

Андреевъ, Вл. Роль Н. В. Гоголя въ русской литературѣ. (Рѣчь инспектора на литературномъ утрѣ памяти Гоголя, 11 апр. 1909 г.). Кіевъ. 1910. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8⁰ (17×25). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 40 экз.

Васильевичъ, Сергѣй. Титулованные роды Россійской Имперіи. Опытъ подробнаго перечисленія всѣхъ титулованныхъ россійскихъ дворянскихъ фамилій, съ указаніемъ происхожденія каждой фамиліи, а также времени полученія титула и утвержденія въ немъ. Спб. 1910. Тип. т-ва „Обществ. Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (14×19). VIII+296 стр. Вѣсъ 27 л. 500 экз.

Габаевъ, Г. С. О способахъ ознаменованія столѣтней годовщины священной памяти 12-го года. (Докладъ. Авт. оттискъ изъ кн. 2-й журн. Имп. рус. воен.-истор. общества). Спб. 1910 г. Изд. ред. журн. Имп. рус. воен.-истор. общества. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 4⁰ (21×27). 19 стр. Вѣсъ 7 л. 150 экз.

Демковъ, М. И. Исторія русской педагогіи. Ч. II. Новая русская педагогія (XVIII в.). М. 1910. Изд. автора, 2-е (Б. Полянка, 60). Тип.

Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиженская, св. д.). 8⁰ (17×24). VII+627 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 20 л. 2.000 экз.

Документы, относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ жизни и кончинѣ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра Павловича, оставшіеся послѣ смерти генералъ-вагенмейстера Главнаго Штаба Афанасія Даниловича Соломко, состоявшаго при особѣ Государя безотлучно 11 лѣтъ съ 1814 по 1825 годъ, и нѣсколько писемъ, относящихся къ похоронамъ въ Бозѣ почивающей Императрицы Елизаветы Алексѣевны. Спб. 1910. Тип. Морского Министерства. 8⁰ (18×27). 111 стр. Съ 15 рис. Вѣсъ 28 л. 1.000 экз.

Жигаревъ, С. А. Россія въ средѣ европейскихъ народовъ по даннымъ исторіи международныхъ общенія и права въ XVIII и XIX вв. Историко-юридическіе очерки. Спб. 1910. Тип. Морского Министерства. 8⁰ (16×25). VII+327 стр. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 600 экз.

Захарьевскій, П., прот. Церковныя школы Казанской епархіи за 25 лѣтъ ихъ существованія (1884—1909). (Историко-статистическій обзоръ). Казань. 1910. Тип. Центральная. 8⁰ (14×22). 66 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Ивановъ, М. М. Исторія музыкальнаго развитія Россіи, въ 2-хъ томахъ. Съ рисунками и нотными примѣрами. Т. I. Спб. 1910. Тип. Суворина. 8⁰ (16×24). 400 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 1.000 экз.

Иллюстровъ, І. И. Жизнь русскаго народа въ его пословицахъ и поговоркахъ. Сборникъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Спб. 1910. Изд. 2-е испр. и доп. Тип. Губернская. 8⁰ (18×26). XCVIII+469 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 11 л. 1.000 экз.

Историческій очеркъ возникновенія Симбирскаго Областного Музея и отчетъ о его дѣятельности за 1909 годъ. Симбирскъ. 1910. Тип. А. Токарева. 8⁰ (12×22). 39 стр. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Нивé, П. А. Русско-Шведская война 1808—09 г.г. Спб. 1910. Тип. Военная (въ зд. Глав. Штаба). 8⁰ (18×26). 420 стр. Съ 27 черт. и схемъ карта. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 1.010 экз.

Поповъ, А. В. Холера 1829—1833 годовъ въ Оренбургскомъ краѣ. Историческое изслѣдованіе. Вып. XXI. Оренбургъ. 1910. Изд. Труды Оренб. Учен. Архивн. Ком. Тип. Каримовъ, Хусаиновъ и К⁰. 8⁰ (19×25). IV+361 стр. Съ таб. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 400 экз.

Поповъ, Н. Рукописи синодальной Московской (патріаршей) библіотеки. Вып. II. Симоновское собраніе. М. 1910. Тип. Синодальная. 8⁰ (18×27). VII+214 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 500 экз.

Строевъ, В., прив.-доц. Бироновщина и Кабинетъ Министровъ. Очеркъ внутренней политики Императрицы Анны. Историческое изслѣдованіе. Ч. II, вып. 1. Спб. 1910. Тип. Акад. Наукъ. 8⁰ (18×26). 76 стр. Вѣсъ 12 л. 410 экз.

Фриче, В. М. Отъ Чернышевскаго къ „Вѣхамъ“. М. 1910. Изд. Современныя проблемы (Садовники, 9). Тип. Печатное Дѣло (Тверской бул., 80). 8⁰ (14×20). 75 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 7 л. 2.000 экз.

Штыкъ, К. Памятка 97-го пѣхотнаго лифляндскаго генералъ-фельдмаршала графа Шереметева полка (1700—1909 гг.). Двинскъ. 1910. Тип. Двинскаго Листка. 8⁰ (16×22). 43 стр. Вѣсъ 4 л. 2.000 экз.

Баклановскій сборникъ. Новочеркасскъ. 1910. Изд. Областного войска Донского статист. комит. Тип. Частная Донская. 8⁰ (18×27). 168 стр. Съ рис. Вѣсъ 20 л. 850 экз.

Балаклѣевъ, Иванъ. И. С. Аксаковъ (1823—1886 гг.). (Опытъ характеристики). Харьковъ. 1910. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8⁰ (15×23). 43 стр. Вѣсъ 4 л. 300 экз.

Буслаевъ, Ѳ. И. Сочиненія, т. II. Сочиненія по археологіи и исторіи искусства. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Спб. 1910. Изд. Отд. рус. яз. и слов. Академіи Наукъ. Тип. Академіи Наукъ 8⁰ (20×27). 455 стр. Съ рис. Вѣсъ 3 ф. 7 л. 1.014 экз.

Бычковъ, И. А. Отрывокъ Новгородской Кабальной Книги 1597 г. Изъ XXII т. Лѣтописи Занятій. Спб. 1910. Изд. Археографич. Комиссіи. Тип. Александрова (Надеждинск., 43). 8⁰ (17×25). 6 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Григоровичъ, А. Дополненіе къ части I перечня исторій и памятокъ войсковыхъ частей. Спб. 1910. Тип. Бережливость (Невскій, 139). 8⁰ (16×23). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ XIV, кн. 4-я. Спб. 1910. Изд. Ак. Наукъ. Тип. Академіи Наукъ. 8⁰ (17×25). 356 стр. Складъ: Академія Наукъ. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 13 л. 813 экз.

Содержаніе: I. Кони, А. Ѳ.—Тургеневъ. II. Соболевскій, А. И.—Кольцовъ. III. Веселовскій, А. А.—Кольцовъ. IV. Наконечный В. К. — Слѣды вліянія Крылова. V. Виноградовъ, Н. Н. — Екатерина Великая. VI. Лернеръ, Н. І.—Стихотворенія Н. Ѳ. Щербины. VII. Козминъ, Н. К.—Научн. дѣят. Н. И. Надеждина. VIII. Голоскевичъ, Г. К.—Говоръ с. Бодачевки. IX. Тіандеръ, К. Ѳ.—П. И. Вейнбергъ. X. Соболевскій, А. И.—Два слова. XI. Кунцевичъ, Г. З.—Сказаніе о Макаріѣ. XII. Некрасовъ, Н. П.—Замѣтка. XIII. Коробка, Н. И.—Образъ птицы. XIV. Щерба, Л. В.—Субъект. и объект. методъ. XV. Петровскій, Н. М.—Библіогр. мелочи. XVI. Ончуковъ, Н. Е.—Народн. драма, XVII. Бертенсонъ, С. Л.—Библіогр. указатель. XVIII. Библіографія: Перетцъ, В. Н.—П. А. Заболотскій. XIX. Приложеніе: Бенешевичъ В. Н.—Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію.

Каталогъ Екатеринославскаго Областного музея имени А. Н. Поля. Археологія и этнографія. Екатеринославъ. 1910. Тип. Губ. Правленія. 8⁰ (16×26). 426 стр. Вѣсъ 25 л. 1.500 экз.

Лѣтопись занятій Императорской Археографической комиссіи за 1909 г. Вып. 22-й, подъ ред. В. Г. Дружинина. Спб. 1910. Изд. Археографической комиссіи (Надеждинская, 27). Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8⁰ (18×27). 54+276+6+68 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 400 экз.

Максимейко, Н. А., проф. Лекціи по исторіи Русскаго государственнаго права. Харьковъ. 1910. Тип. В. Бенгисъ (Петровскій, 9). 8⁰ (17×25). 159 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 19 л. 800 экз.

Мартыновъ, Е. И. Воспоминанія о Японской войнѣ командира пѣхотнаго полка. Плоцкъ. 1910. Тип. губ. правленія. 8⁰ (17×24). VIII+402 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 2.800 экз.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Роскошно-иллюстрированное изданіе, посвященное памяти историка Москвы И. Е. Забѣлина. М. 1910. Изд. Тов. „Образованіе“ (Долгоруковская, д. 82, кв. 1). Тип. „Русскаго товарищества“ (Мыльниковъ пер., св. д.). 4⁰ (25×35). 128 стр. Съ 24 отд. фототипіями. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 8.000 экз.

Памятка Астраханскаго Кирасирскаго 22-го Драгунскаго, а нынѣ 8-го Драгунскаго Астраханскаго Генералъ-Фельдмаршала Великаго Князя

Николая Николаевича полка. 1798—1910. Одесса. 1910. Тип. Одесскаго Листка (Ланжероновская, св. д.). 8⁰ (15×22). 72 стр. Вѣсъ 8 л. 1.000 экз.

Сильванскій, Н. П. Акты о посадскихъ людяхъ-закладчикахъ. Спб. 1909. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8⁰ (18×26). XXI+276 стр. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 150 экз.

Спасскій, Константинъ. Димитріевскій Херсоно-Одесскій епархіальный домъ. (Историческая записка). Одесса. 1910. Тип. Е. И. Фесенко (Ришельевская, 49). 8⁰ (18×27). 140+II стр. Съ рис. и портр. Вѣсъ 21 л. 200 экз.

Сперанскій, М. Барышня-крестьянка Пушкина и Урокъ любви Г-жи Монтолье. (Библіографическая справка). Харьковъ. 1910. Изд. О-ва въ память Рѣдина. Тип. Печатное Дѣло (Клочковская, 5). 8⁰ (17×26). 11 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Труды Вятской ученой архивной комиссіи. 1909 годъ. Вып. II—III. Вятка. 1910. Тип. Губернская. 8⁰ (16×24). II+106+68+144+XII стр. Вѣсъ 1 ф. 300 экз.

Хвостовъ, В. М. Историческое міровоззрѣніе В. О. Ключевскаго М. 1910. Тип. Университетская. 18⁰ (12×18). 66 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Цвѣтаевъ, Д. В., проф. Къ исторіи смутнаго времени. Собраніе документовъ. Вып. первый. Варшава. 1910. Тип. Учеб. округа. 8⁰ (16×26) 33 стр. Вѣсъ 6 л. 820 экз.

Чудиновъ, А. Н. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Матеріалы для лексической разработки заимствованныхъ словъ въ русской литературной рѣчи. Спб. 1910. Изд. В. И. Губинскаго, 3-е. Тип. Спб. тюрьмы (Арсенальная набер., 5). 8⁰ (18×26). X+676 стр. Ц. 2 р. 75 к. Вѣсъ 2 ф. 13 л. 8.500 экз.

Шахматовъ, А. Лѣтописецъ Успенскаго Каменскаго дѣвичьяго монастыря Новозыбковскаго уѣзда Черниговской епархіи. Изъ XXII т. „Лѣтописи Занятій". Спб. 1910. Изд. Археографич. Комиссіи. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8⁰ (17×25). 2 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Шиловъ, А. А. Описанія рукописей, содержащихъ лѣтописные тексты (Матерьялы для полнаго собранія русскихъ лѣтописей). Вып. 1. Изъ XXII тома Лѣтописи занятій. Спб. 1910. Изд. археографическ. комиссіи. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8⁰ (18×24). 68 стр. Вѣсъ 9 л. 100 экз.

Янжулъ, И. И. Воспоминанія о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 годъ. Выпускъ первый. Спб. 1910. Тип. т-ва Н. Я. Стойковой (Знаменская, 27). 8⁰ (17×25). 191 стр. Съ портр. Вѣсъ 19 л. 600 экз.

Бенуа, Александръ. Царское Село въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны. (Матеріалы для исторіи искусства въ Россіи въ XVIII в. по главнѣйшимъ архитектурнымъ памятникамъ). Спб. 1910. Изд. и тип. т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. 4⁰ (27 × 34). 264+XLV+59 стр. Съ 244 рис. Ц. 100 р. Вѣсъ 9 ф. 24 л. 600 экз.

Бобринская, А. А., гр., Народныя русскія деревянныя издѣлія, предметы домашняго, хозяйственнаго и отчасти церковнаго обихода. М. 1910. Тип. А. Левенсонъ (Мамоновскій пер., св. д.), 4⁰ (30×40). 3 стр. Съ 13 таб.+3 (текста). Вѣсъ 29 л. 200 экз.

Богатенко, Я. Черты нравственнаго символизма въ русской иконографіи. (Въ нѣкотор. произвед. XVIII и XIX в.в.). Лекція, прочтенная въ

Московскомъ Археологическомъ институтѣ 6 февраля 1910 года. М. 1910. Тип. П. Рябушинскаго (Страстной бульваръ, св. д.). 16⁰ (14×18). 39 стр. Съ рис. Ц 25 к. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Бродскій, Н. Л. Ранніе славянофилы А. С. Хомяковъ, И. В. Кирѣевскій, К. С. и И. С. Аксаковы. Историко-литературная библіотека. Вып. V. М. 1910. Изд. и тип. т-ва Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8⁰ (16×21) VIII+206 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 26 л. 3.600 экз.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 32. Спб. 1910. Изд. бр. Гранатъ (Загородный, 14). Тип. Мин. Путей Сообщенія. 4⁰ (20×27). 273—299+204—262 стр. Съ 5 рис. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 20 л. 15.400 экз.

Курдюмовъ, М. Г. Описаніе актовъ, хранящихся въ архивѣ Имп. Археографической Коммиссіи. 1. Акты Коряжемскаго монастыря. 2. Акты Муромскаго Уѣзднаго Суда. 3. Акты Тульскаго Губ. Правленія. Спб. 1910. Изд. Археографич. Комиссіи. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8⁰ (18×25). V+513 стр. 100 экз.

Несторъ, іером. Историческая справка о православномъ просвѣщеніи въ Сибири. Спб. 1910. Тип. Отечественная (Шпалерная, 26). 4⁰ (23×35). 32 стр. Вѣсъ 6 л. 300 экз.

Островскій, Д. В., свящ. Изъ исторіи Олонецкаго старообрядческаго раскола. (Лекція). Петрозаводскъ. 1910. Тип. Губернская 16⁰ (18×17). 36 стр. Вѣсъ 2 л. 300.

О Чеховѣ. Воспоминанія и статьи. Чеховская библіотека. М. 1910 Изд. Книжн. маг. Знаніе Тип. А. А. Левенсонъ (Мамоновскій пер., св. д.). 8⁰ (15×21). XII+340 стр. Съ портр. и рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 3.100 экз.

Памяти Николая Гавриловича Чернышевскаго. Доклады и рѣчи. Спб. 1910. Изд. III Отд. Имп. Вольн.-Экон. общ. Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8⁰ (16×24). 55 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 6 л. 300 экз.

Памятная книжка Новгородской губерніи на 1910 годъ. Новгородъ. 1910. Изд. Новг. Губ. Статист. Комитета. Тип. Губернская 8⁰ (16×23). VI+14+246+44+72 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 600 экз.

Податная инспекція въ Россіи (1886—1910 гг.). Очеркъ дѣятельности податной инспекціи за 25 лѣтъ ея существованія въ связи съ развитіемъ прямого обложенія. Спб. 1910. Изд. Деп. Окладныхъ Сборовъ. Тип. Сойкина (Стремянная, 12). 8⁰ (17×25). 210 стр. Вѣсъ 26 л. 3.500 экз.

Покровскій, В. И. Екатерина II, ея жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1910. Изд. 2-е, доп. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. пер., св. д.). 8⁰ (17×25). 221 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 22 л. 36.000 экз.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Императорскою археологическою комиссіею Т. XX. Первая половина.—Львовская лѣтопись. Часть первая. Спб. 1910 Изд. археографич. комиссіи (Надеждинская, 27). Тип. Александрова (Надеждинская, 43) 4⁰ (19×25) IV+418 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 3 ф. 4 л. 500 экз.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. XXIII. Ермолинская лѣтопись. Спб. 1910. Изд. археологической комиссіи (Надеждинская, 27). Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 4⁰ (25×35). V+239 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 500 экз.

Преображенскій, А. Очеркъ исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи Спб. 1910. Изд. Регентскаго Училища, учр. Смоленскимъ, С. В., 2-е (Мойка, 20). Тип. Спб. Тюрьмы; обложка тип. Труженикъ. (Вознес., 6). 8⁰ (17×25). 63+8 стр. Съ 40 рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 12 л. 2.000 экз.

Разумовскій, В. В. Къ исторіи университетовъ и медицинскихъ факультетовъ. Спб. 1910. Тип. Сенатская. 8⁰ (16×25). 36 стр. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Русско-японская война 1904—1905. Томъ VII. Тылъ дѣйствующей арміи. Часть 2-я. Пути сообщенія. Средства передвиженій и сношеній. Спб. 1910. Тип. Тренке и Фюсно. (Максим. пер., 13). 8⁰ (20×29). VI+400 +125+28 стр. 4.050 экз.

Саводникъ, В. Очеркъ по исторіи русской литературы XIX вѣка. Часть 1-я. М. 1910. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковск. пер., 9). 8⁰ (16×23). 406+II стр. Складъ: Моховая, д. Баранова. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 1 ф. 18.000 экз.

Сборникъ любовной лирики XVIII вѣка. Съ біо-библіографическими примѣчаніями Анны Веселовской, статьей барона Н. Врангеля „Женщина въ русскомъ искусствѣ XVIII вѣка и приложеніемъ текста и нотъ пѣсенъ XVIII вѣка. Спб. 1910. Изд. „Пантеонъ“, Тип. „Сиріусъ“ (Смоляной пер., 7). (8⁰ 19×23). XVIII+194 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 1.550 экз.

Сборникъ Новгородскаго общества любителей древности. Вып. III. Новгородъ. 1910. Тип. Губернская 8⁰ (17×24). 18+3+15+4+8+12+12+19 +18+14+4 таб.+5+1 таб.+11+2 таб.+24+2 таб.+10+4+19 стр. Съ рис. Складъ: Новгородъ, Н. Николаевская, д. Романцевой. Ц. 1 р. Вѣсъ 25 л. 500 экз.

Юбилей Гродненской Женской Гимназіи Вѣд. Учрежденій Императрицы Маріи. Гродна. 1910. Тип. Губернская. 8⁰ (14×21). 56 стр. Вѣсъ 5 л. 500 экз.

Абрамовичъ, Д. В. Описаніе рукописей С.-Петербургской Духовной Академіи. Софійская Библіотека. Вып. III. Сборники. Спб. 1910. Изд. Спб. Духовной Академіи. Тип. Академіи Наукъ. 8⁰ (20×28). 408 стр. Вѣсъ 2 ф. 2 л. 1.212 экз.

Андріевскій, А. Первый русскій книгопечатникъ. † 1583 г. Посмертное изданіе съ дополненіемъ проф. А. М. Лободы. Кіевъ. 1910. Изд. книгоизд. „Сотрудникъ“, 4-е (Кіевъ, Александровская, 27). Тип. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8⁰ (13×21). 30 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 5.550 экз.

Вандаль, Альбертъ. Наполеонъ и Александръ I, Франко-русскій союзъ во время первой имперіи. Т. I—отъ Тильзита до Эрфурта. Пер. съ 6 франц. изданія В. Шидловой. Спб. 1910. Изд. Тов. „Знаніе“ (Невскій. 92). Тип. „Слово“ (ул. Жуковскаго, 21). 8⁰ (17×23). II+XX+534 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 14 л. 3.000 экз.

Варакинъ, Д. С. Исправленіе книгъ въ XVII столѣтіи, при бывшемъ патріархѣ Никонѣ. Библіотека „Старообрядческая мысль“ подъ ред. В. О. Макарова и И. В. Галкина. М. 1910. Тип. И. Ф. Смирнова (Б. Дмитровка, д. № 10). 8⁰ (15×23). 44 стр. Складъ: Моховая, д. 14, кв. 2. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 2.500 экз.

Высочайше утвержденное 31 января 1907 года положеніе о Москов-

скомъ Археологическомъ институтѣ. М. 1910. Тип. А. Сенгиревой. 32⁰ (9×13) 15 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Голубевъ, С. Т. Спорные вопросы о древней топографіи Кіева. Кіевъ. 1910. Тип. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8⁰ (16×24). 32 стр. Вѣсъ 4 л. 120 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Съ портретами писателей. Вып. 11. М. 1910. Изд. т-ва „Міръ“ (Знаменская, 13). Тип. И. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовск. св. д.). 8⁰ (19×28). 369—431+32 стр. Съ рис. Вѣсъ 21 л. 3.250 экз.

Кадобновъ, Ѳ. И. Краткій очеркъ возникновенія города Череповца, Новгородской губ., и его героическій ростъ за время 50-лѣтней дѣятельности городского головы И. А. Милютина. Калуга. 1910. Тип. Калужскаго Губ. Земства. 8⁰ (13×22). 71 стр. Съ 2 портр. и планомъ. Склапъ: у автора въ Калугѣ, Проломная ул., д. Неробкова. Ц. 40 к. Вѣсъ 8 л. 1.000 экз.

Лахтинъ, М. Бѣсоодержимость въ современной деревнѣ. Историко-психологическое изслѣдованіе. М. 1910. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, соб. д.). 8⁰ (16×24). 46 стр. Вѣсъ 5 л. 100 экз.

Момонтъ, И. В. Къ вопросу о Творчество Гоголя, какъ общественной силѣ. (Изъ рѣчи, произнесенной въ Перновскомъ педагогическомъ кружкѣ 22 апрѣля 1909 г., въ день празднованія столѣтней годовщины со дня рожденія писателя-поэта). Перновъ. 1910. Тип. Г. Ланге. 8⁰ (17×22). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1909 годъ, представленный директоромъ музеевъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія. М. 1910. Тип. А. И. Снегиревой. 8⁰ (16×24). 30+124+24 стр. Вѣсъ 24 л. 600 экз.

Ростовцевъ Ѳеодоръ. 4-я Донская казачья дивизія въ Русско-Японскую войну. Изслѣдованіе военно-историческое. Кіевъ. 1910. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Караваевская, 5). 4⁰ (25×33). XII+487 стр. Съ рис. и картой. Вѣсъ 3 ф. 30 л. 550 экз.

Соколовъ, Леонидъ, А. В. Кольцовъ (3 окт. 1809 г.—3 окт. 1909 г.) и его поэзія природы, труда и пѣсни. (Къ столѣтію со дня рожденія поэта). Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговск., 6). 8⁰ (15×24). 34 стр. Вѣсъ 4 л. 85 экз.

Сперанскій, М. Н., проф. Исторія новой русской литературы. Лекціи, читанныя въ Имп. Моск. Унив. въ 1909/10 г. Записки студ. Н. Н. Фатова, исправл. г. професоромъ. М. 1910. Изд. Об-ва взаимопом. студентовъ филологовъ. Тип. И. И. Любимова (Покровка, 4). 8⁰ (17×25). 508 стр. Вѣсъ 2 ф. 500 экз.

Титовъ, Ѳ. И., проф. Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви. Вып. VIII. Кіевъ. 1910. Тип. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8⁰ (16×24). 23 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 3 л. 115 экз.

Уставъ Имп. русскаго историческаго общества. Спб. 1910. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8⁰ (17×23). 13 стр. Вѣсъ 4 л. 150 экз.

Фотинскій, О. А. Очерки изъ исторіи быта монастырскихъ крестьянъ на Волыни въ XVII—XVIII в.в. Оттискъ изъ „Трудовъ О-ва Изслѣдователей Волыни“, т. III. 1910. Житоміръ. 1910. Изд. О-ва Изслѣдователей Волыни. Тип. М. Денемана (Михайловская, 6). 8⁰ (15×24). 46+112 стр. Вѣсъ 12 л. 300 экз.

Цвѣтаевъ, Д. В., проф. Царь Василій Шуйскій, мѣсто погребенія его въ Польшѣ. 1610—1910 г.г. I томъ. Историческое изслѣдованіе. Варшава. 1910. Тип. Варшав. учеб. округа. 8° (17×26). XX+1 неп. 610 стр. Ц. 6 р. Вѣс. 3 ф. 28 л. 820 экз.

Шупинскій, Конспектъ-записки по исторіи русскаго военнаго искусства. Часть I. Древніе славяне. Велико-Княжеская и Царская Русь. Тверь. 1910. Тип. Н. М. Родіонова (Трехсвятск., д. Шиканова). 8° (16×23). 231+IV стр. Съ рис. Вѣсъ 30 л. 350 экз.

Шербина, В. О Кіевской старинѣ. Два чтенія. Кіевъ. 1910. Изд. Книг. „Сотрудникъ", 3-е испр. и доп. (Кіевъ, Александровская, 27). Тип. С. П. Яковлева (Золотоворотская, 11). 8° (13×21). 46 стр. Съ 6 рис. и 2 плана. Ц. 15 к. Вѣсъ 4 л. 5.100 экз.

Московской

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

Карлъ мчится на разныя стороны, и повсюду дорогу заграждаетъ ему превосходная армія Петра, но въ бой не вступаетъ со шведами.

Наконецъ Карлъ XII рѣшается идти въ Малороссію къ Батурину, столицѣ измѣнившаго Петру Мазепы, гдѣ были сосредоточены обильные запасы, и бросаетъ на произволъ судьбы Левенгаупта, ѣдущаго съ нимъ изъ Риги съ громаднымъ транспортомъ запасовъ. Петръ съ меньшими чѣмъ у шведовъ силами разбиваетъ на голову Левенгаупта у д. Лѣсной, а Меньшиковъ, опередивъ шведовъ, беретъ Батуринъ штурмомъ и уничтожаетъ запасы. Конецъ 1708 г. застигаетъ обѣ арміи на зимнихъ квартирахъ въ Украйнѣ. Была лютая зима, въ которую русская конница не давала шведамъ покою. Весною 1909 г. при наступленіи тепла шведы двинулись къ Полтавѣ, неоднократно штурмовали и вели подступы къ крѣпости, но энергичный комендантъ Келенъ отбивалъ всѣ попытки шведовъ овладѣть крѣпостью, расположенной на лѣвомъ берегу р. Ворсклы. Шведы, обложивъ Полтаву, были на лѣвомъ берегу, а главная русская армія на правомъ.

Подготовка къ Полтавѣ и описаніе самаго боя читаются въ изслѣдованіи г. Юнакова съ захватывающимъ интересомъ.

Хотя попытки шведовъ овладѣть Полтавою и не удались, но Петръ I получилъ отъ Келена грозное извѣщеніе, что у гарнизона всѣ запасы истощены.

„Для спасенія храбрыхъ защитниковъ Полтавы, пишетъ г. Юнаковъ, необходимо рѣшиться теперь же на „генеральную баталію“.

Девять долгихъ лѣтъ тянулась борьба между Россіей и Швеціей...

Девять долгихъ лѣтъ Государь старательно избѣгалъ встрѣчи съ Карломъ XII и все это время хотя и медленно, но настойчиво стремился къ тому, чтобы создать себѣ обстановку, способную обезпечить побѣду.

Теперь, наконецъ, настала минута, когда можно и нужно было положить на вѣсы счастія судьбу Россіи.

Передъ превосходной по силамъ и отличной по качествамъ русской регулярной арміей стоялъ противникъ когда-то грозный, но въ настоящее время ослабленный и измученный тяжелымъ походомъ, упавшій духомъ, страдавшій отъ недостатка продовольствія, нуждавшійся въ боевыхъ припасахъ...

Позволить Карлу XII овладѣть Полтавой, несомнѣнно близкой къ паденію, — это значило передать въ его руки сильную оборонительную линію р. Ворсклы, а главное это значило поднять духъ шведской арміи и способствовать распространенію въ колеблющейся Украйнѣ вѣры въ непобѣдимость шведскаго короля.

Крѣпость необходимо было спасти во что бы то ни стало, а такъ какъ всѣ побочныя средства для выручки Полтавы были уже исчерпаны и оказались недостаточными, то оставалось лишь рѣшиться на самое рискованное средство — бой.

И Петръ Великій рѣшился...

Понимая однако, что отъ результатовъ задуманнаго боя со шведами зависѣло все будущее Россіи, Государь, несмотря на то, что русская армія была на 20 тысячъ сильнѣе шведской (50 тысячъ противъ 30-ти) назначилъ для атаки противника лишь 29 іюня, когда на присоединеніе къ намъ должны были уже прибыть калмыки хана Аюки. Но такъ какъ съ другой стороны гарнизонъ Полтавы могъ не выдержать осады до 29 іюня, то Петръ Великій рѣшился теперь же перевести армію на правый берегъ Ворсклы, съ тѣмъ чтобы, расположившись по близости отъ крѣпости, быть въ состояніи, въ случаѣ надобности, подать ей въ любую минуту руку помощи. Талантливое изложеніе Н. Л. Юнаковымъ Полтавскаго боя по тѣмъ же источникамъ напечатано въ „Русской Старинѣ“ въ іюльской книгѣ за 1909 г.

Столѣтіе военнаго министерства. Ч. III. Память о членахъ военнаго совѣта. Портреты и біографическіе очерки. Подъ редакціею Д. А. Скалона. Составилъ Н. М. Затворницкій. Книга состоитъ изъ прекрасно и обстоятельно составленныхъ біографій всѣхъ членовъ военнаго совѣта съ приложеніемъ ихъ портретовъ.

Столѣтіе военнаго министерства. Вып. I. Систематическій указатель. Составилъ Н. М. Затворницкій подъ редакціей Д. А. Скалона.

Указатель составленъ крайне добросовѣстно ко всѣмъ вышедшимъ томамъ этого колоссальнаго труда и необходимъ для русскаго историка.

Столѣтіе военнаго министерства. Приложеніе III. Составилъ Н. М. Затворницкій.

Въ этомъ томѣ напечатана „Инструкція государственной военной коллегіи экзекутору“, долгое время служившая руководствомъ для внутренняго порядка въ канцеляріи, а затѣмъ помѣщены біографіи министровъ, директоровъ, начальниковъ канцелярій и другихъ замѣчательныхъ лицъ, служившихъ въ канцеляріи военнаго министерства.

Всѣ біографіи читаются съ интересомъ. Наиболѣе интересны біографіи М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. В. Кукольника и А. В. Дружинина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ: признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ.**